

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема в фокусе: К столетию Абрама Давидовича Столяра (1921–2014)	
<i>Никонова А.А.</i> «Археология» жизни ученого: К 100-летию А.Д. Столяра	7
<i>Соломаха Е.Ю.</i> Абрам Давидович Столяр и Эрмитаж: По материалам Научного архива Государственного Эрмитажа	18
<i>Константинов М.В.</i> Профессор Абрам Давидович Столяр: Из воспоминаний	25
<i>Шумкин В.Я.</i> Неординарный профессор: Памяти археолога Абрама Давидовича Столяра	30
<i>Сенаторов С.Н.</i> Керамика стоянки Алимовский навес в Крыму: По материалам Государственного Эрмитажа из раскопок А.Д. Столяра в 1955–1956 гг.	38
Список печатных трудов Абрама Давидовича Столяра	57
Музей	
<i>Тихонов И.Л.</i> Проблемы экспонирования археологических коллекций	71
<i>Королькова Л.В.</i> К истории формирования Тихвинского межрайонного краеведческого музея (1919–1941 гг.)	85
<i>Стасюк И.В.</i> Усадьба Н.К. Рериха Извара и археология в музейном пространстве Ленинградской области	96
Памятник	
<i>Мартынов А.Я.</i> Изучение и сохранение первобытных и средневековых («домонастырских») памятников археологии Соловецкого архипелага	108
<i>Зуев В.Ю.</i> Бронзовые рукояти скифских зеркал с пантерами эпохи архаики	121
<i>Минасян Р.С.</i> Кинжал с фигурной рукоятью из урочища Темирши	142
Наследие	
<i>Тункина И.В.</i> По следам сибирского путешествия Д.Г. Мессершмидта (1719–1727): Фиксация памятников археологии Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 2: Каменные изваяния и курганные плиты	151
<i>Викторова В.Д.</i> Семиотические основания анализа геометрических знаков	174
<i>Кочнева А.Д.</i> (Само)сохранение: Выставка о музее и его сотрудниках в современной российской практике	186
Критика и библиография	
<i>Ананьев В.Г.</i> [Рец. на кн.:] Dolák J. Jak vystavovat archeologii: Metodika k tvorbě archeologických expozic. Brno: Moravské zemské muzeum, 2018. 27 s. ISBN 978–80–7028–508–4	193

Редакционная коллегия:

Пиотровский Михаил Борисович, действительный член РАН,
действительный член РАХ (председатель);
Никонова Антонина Александровна, канд. филос. н., доцент (заместитель председателя);
Ананьев Виталий Геннадьевич, д-р культурологии (ответственный секретарь);
Гнедовский Михаил Борисович, канд. ист. н.;
Маковецкий Евгений Анатольевич, д-р филос. н., доцент;
Бирюкова Марина Валерьевна, д-р культурологии;
Любезников Олег Анатольевич, канд. ист. н.

E-mail: mmh-journal@mail.ru
www.museumstudy.ru/mmh-journal

*Мнение авторов может не совпадать
с мнением членов редакционной коллегии и международного редакционного совета.*

Международный редакционный совет журнала:

Александр Михайлович Шолохов, президент Российского комитета
Международного совета музеев (ИКОМ России) (председатель);
Барбара Киршенблат-Гимблет, Ph.D., почетный профессор Нью-Йоркского университета,
почетный доктор Университета Хайфы, главный куратор экспозиции и советник
директора Музея истории польских евреев (Польша);
Дарко Бабич, Ph.D., доцент, руководитель направления музеологии и наследия,
Университет Загреба, президент Международного комитета по подготовке персонала (ИКТОП)
Международного совета музеев (ИКОМ) (Хорватия);
Кирилл Евгеньевич Рыбак, д-р культурологии, Советник Министра культуры РФ (Россия);
Кристина Крепс, Ph.D., ассоциированный профессор, руководитель программы
музейных исследований и исследований в области наследия,
директор Музея антропологии, Денверский университет (США);
Леонтина Мейер-ван Менш, программный директор Еврейского музея в Берлине,
член исполнительного совета Международного совета музеев (ИКОМ) (Германия);
Татьяна Павловна Калугина, д-р филос. н., зав.отделом переводов для изданий,
Государственный Русский музей (Россия);
Франсуа Мересс, Ph.D., профессор, университет Новая Сорбонна—Париж 3,
президент Международного комитета по музеологии (ИКОФОМ)
Международного совета музеев (ИКОМ) (Франция).

*Подписано в печать: 23.04.2021 г.
Формат: 70 × 100/16
Усл. печ. л.: 16,25*

В оформлении обложки использована работа профессора Л. Цилаги (L. Tsilaga)

© Обложка, Волкова А., Войтекунас В., Tsilaga L., 2018
© Коллектив авторов, 2021

TABLE OF CONTENTS

A Problem in Focus: Towards Abram Davidovitch Stolyar’s Centenary (1921–2014)	
<i>Nikonova A.A.</i> The “Archaeology” of the Researcher’s Life: Towards A.D. Stolyar’s Centenary	7
<i>Solomakha E.Yu.</i> Abram Davidovitch Stolyar and the Hermitage: Based on the materials of the Scientific Archive of the State Hermitage Museum	18
<i>Konstantinov M.V.</i> Professor Abram Davidovitch Stolyar: Some Personal Memories	25
<i>Shumkin V.Ya.</i> The Extraordinary Professor: In Memory of the Archaeologist Abram Davidovitch Stolyar	30
<i>Senatorov S.N.</i> Ceramics of the Alimovskiy Naves Site in the Crimea: Based on the materials of the State Hermitage from the Excavations of A.D. Stolyar in 1955–1956	38
The List of Published Works of A.D. Stolyar	57
Museum	
<i>Tikhonov I.L.</i> Problems of Exhibiting of Archaeological Collections	71
<i>Korolkova L.V.</i> The History of the Tikhvin Regional Local Lore Museum (1919–1941)	85
<i>Stasjuk I.V.</i> The Manor of Nicholas Roerich “Izvara” and Archeology in Museum Field of Leningrad Region	96
Monument	
<i>Martynov A.Ya.</i> The Study and Preservation of Prehistorical and Medieval (“Pre-Monastic”) Monuments of the Solovkiy Archipelago	108
<i>Zuev V.Yu.</i> The Bronze Handles of the Scythian Mirrors with Panthers of the Archaic Era	121
<i>Minasyan R.S.</i> The Dagger with a Figure Handle from the Temirshi Tract	142
Heritage	
<i>Tunkina I.V.</i> Following D.G. Messerschmidt’s Siberian Journey (1719–1727): The Recording of the Archaeological Monuments of Siberia by the Artists of the Academic Detachment of the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). Part 2: Stone Sculptures and Burial Mounds	151
<i>Viktorova V.D.</i> The Semiotic Foundations of the Analysis of a Geometric Signs	174
<i>Kochneva A.D.</i> (Self)curating: Exhibitions about the Museum and Museum Employees in Contemporary Practice of Russian Museums	186
Reviews	
<i>Ananiev V.G.</i> [Review of:] Dolák J. How to exhibit an archaeology: The methodics of archaeological exhibitions. Brno: Moravské zemské muzeum, 2018. 27 s. ISBN 978–80–7028–508–4	193

Editorial Board:

Piotrovsky Mikhail Borisovitch, Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Full Member of the Russian Academy of Arts (Chairman);
Nikonova Antonina Alexandrovna, Candidate of Science in Philosophy,
Associate Professor (Vice Chairman);
Ananiev Vitaly Gennadievitch, Doctor of Cultural Studies (Academic Secretary);
Gnedovsky Mikhail Borisovitch, Candidate of Science in History;
Makovetsky Evgeny Anantolievitch, Doctor of Philosophy, Associate Professor;
Biryukova Marina Valerievna, Doctor of Cultural Studies;
Liubeznikov Oleg Anatolievitch, Candidate of Science in History.

E-mail: mmh-journal@mail.ru
www.museumstudy.ru/mmh-journal

International Board of Journal:

Alexander Mikhailovitch Sholokhov, President of Russian National Committee
of the International Council of Museums (ICOM) (chairman);
Barbara Kirshenblatt-Gimblett, Ph.D., Distinguished Professor of New York University,
Doctor HonorisCausa of University of Haifa, Chief Curator of the POLIN Museum
of the History of Polish Jews core exhibition (Poland—USA);
Christina Kreps, Ph.D., Associate Professor, Director of Museum and Heritage Studies,
Director of Museum of Anthropology, University of Denver (USA);
Darko Babic, Ph.D., Assistant Professor, Head of Museology and Heritage Management,
Zagreb University (Croatia), Chairman of ICOM-ICTOP;
François Mairesse, Ph.D., Professor, Université Sorbonne Nouvelle—Paris 3 (France),
President of ICOM-ICOFOM;
Kirill Evgenievitch Rybak, Doctor of Cultural Studies, Advisor
to Minister of Culture of Russian Federation (Russia);
Léontine Meijer-van Mensch, Program Director of the Jewish Museum, Berlin (Germany),
Member of Executive Board of ICOM;
Tatiana Pavlovna Kalugina, Doctor of Philosophy, Head of Department of Translations,
the State Russian Museum (Russia).

**Абрам Давидович Столяр
(10 мая 1921—20 апреля 2014)**

ПРОБЛЕМА В ФОКУСЕ: К СТОЛЕТИЮ АБРАМА ДАВИДОВИЧА СТОЛЯРА (1921–2014)

Никонова А.А.

«АРХЕОЛОГИЯ» ЖИЗНИ УЧЕНОГО: К 100-ЛЕТИЮ А.Д. СТОЛЯРА

Никонова, Антонина Александровна— кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, a.nikonova@spbu.ru.

Для понимания роли ученого в развитии научного знания, выделения этапов его мировоззренческого становления необходимо обратиться к биографии как источнику для реконструкции или «археологии» не только «истории жизни» ученого, но и культурно-исторического контекста эпохи. В статье анализируются биографические сведения об археологе А.Д. Столяре, сохранившиеся в различных видах письменных и электронных источников. Выделяются несколько групп источников: официальные автобиографии и автобиографические очерки; некрологи и биографические очерки к памятным датам; электронные биографические сведения. Анализ биографических сведений о научной, педагогической и организаторской деятельности А.Д. Столяра позволил еще раз наметить основные доминанты его пути в науке и, одновременно, выделить некоторые лакуны в биографических данных. В автобиографических документах отразилась субъективная позиция ученого не только в оценке самых важных событий и достижений своего жизненного пути, но и его итоговое осмысление отдельных событий научной биографии.

Ключевые слова: археология, биография, история науки, метки памяти, письменные источники, университет, ученый, педагог.

THE “ARCHAEOLOGY” OF THE RESEARCHER’S LIFE: TOWARDS A.D. STOLYAR’S CENTENARY

Nikonova, Antonina Alexandrovna—Candidate of Science in Philosophy, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, a.nikonova@spbu.ru.

To understand the role of a scientist in the development of scientific knowledge, to highlight the stages of his worldview formation, it is necessary to turn to his biography as a source for reconstruction or “archaeology” of not only a “life story” of the scientist, but also the cultural and historical context of the era. The article analyzes biographical information about the archaeologist A.D. Stolyar, preserved in various types of written and electronic sources. There are several groups of sources: official autobiographies and autobiographical essays; obituaries and biographical sketches for memorable dates; electronic biographical information. The analysis of biographical information about scientific, educational and organizational activities of A.D. Stolyar allows us to outline once again the main dominants of his path to science and, at the same time, to highlight some gaps in the biographical data. The autobiographical

documents reflect a subjective position of the scientist not only in assessing the most important events and achievements of his life, but also his final understanding of individual events of his scientific biography.

Key words: archeology, biography, history of science, memory tags, written sources, university, scientist, teacher.

Судьба ученого терниста, она одновременно явлена и скрыта в его трудах и событиях жизни. Время накладывает на них свою печать и преломляет ранее понятные смыслы и итоги жизненного пути. Развитие науки и путь ученого могут в чем-то совпадать, не мешая друг другу, но могут двигаться параллельно и даже вступать в открытый конфликт (что бывает очень редко). Случается, что конфликт скрыт для непосвященного и тогда наблюдается эффект «умалчивания» имени и трудов исследователя. Однако время, в конечном счете, расставляет все на свои места, а в памяти культуры и истории остаются мысли тех ученых, чья душа и совесть чиста перед потомками. К ним относится и Абрам Давидович Столяр.

В 2001 г. к 80-летию Абрама Давидовича Столяра вышел сборник статей «Археология в пути или путь археолога». Он состоял из двух книг. В первой были опубликованы статьи ученых, которые изучают актуальные проблемы археологии в начале XXI в. и фиксируют нескончаемый путь научного знания (археология в пути). Во второй книге были опубликованы статьи А.Д. Столяра, которые он отобрал сам, считая, что они опубликованы в малотиражных изданиях, но в то же время, раскрывают основные направления его исследований (путь археолога). Сегодня, в 100-летний юбилей ученого, следует наметить еще одну «археологию» — биографическую, собрать некоторые документы и свидетельства, сохранившиеся о неординарном ученом и педагоге, и попытаться реконструировать его путь на основе сохранившихся источников. Как пишет Ю.М. Лотман, «далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографиями”»¹. История жизни каждого человека, а ученого в особенности, сохраняется в разных источниках: письменных и устных. Абрам Давидович Столяр был страстным рассказчиком, он всегда охотно делился воспоминаниями об отдельных событиях и встречах с исследователями, которых хорошо знал. О себе же он рассказывал редко, чаще всего при личных встречах в узком кругу близких людей. Эти воспоминания были скупы на подробности и отличались сдержанностью. Вероятно, эта черта была свойственна всему поколению людей, переживших репрессии и войну. Для этого поколения не был характерен жанр биографии-исповеди.

Все биографические сведения о жизни и деятельности А.Д. Столяра можно разделить на несколько групп: автобиографии и автобиографические очерки, биографические сведения в Интернете, биографические очерки об ученом, написанные коллегами и друзьями. Их можно отнести к первичным источникам. Такие биографии лаконичны и дают некоторое общее представление о человеке, но, несмотря на это, каждая из них в скрытом виде несет отпечаток времени. Несомненно, в качестве биографического материала можно рассматривать любой сохранившийся устный или письменный рассказ человека о событиях жизни. При определенных условиях для воссоздания «истории жизни»

¹ Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1986. Вып. 683. С. 106.

необходимо использовать вторичные источники — мемуары других лиц, письма, официальные документы и др. В данной статье мы не будем анализировать тексты воспоминаний друзей и коллег, в которых чаще всего фиксируются отдельные события жизненного пути ученого. Они в большей своей части опубликованы в двух юбилейных сборниках: «Археология в пути или путь археолога» (2001) и «In situ» (2006) и относятся к вторичным источникам². Существует еще один ценный вид биографического источника — это аудиозаписи лекций А.Д. Столяра и небольшие записи его воспоминаний в кругу друзей. Но они требуют перевода в цифровой формат и тщательного изучения.

В личном архиве ученого сохранилось несколько автобиографий³. Сдержанный и сухой стиль характерен для официальных автобиографий или справок, они писались по просьбе кадровых служб учреждений, где ему довелось работать. Все они составлены по анкетному и хронологическому принципу, в произвольном стиле, но с указанием наиболее часто требуемых сведений о себе (национальность, партийность, родня, награды, судимости) и мало отличаются по стилю друг от друга. К ним можно отнести две краткие автобиографии: одна составлялась, вероятно, для предоставления в Ректорат СПбГУ (даты нет, но по зафиксированным событиям можно отнести ее к началу 2000 г.), вторая — более подробная и может быть датирована периодом между 2002–2006 гг. Дополнением к двум автобиографиям официального характера является «Справка о научно-педагогической деятельности», которую можно датировать концом 1990-х гг. В ней Абрам Давидович подводит итоги своей научной и преподавательской деятельности. Он пишет: «оригинальные курсы читались мной в 22 вузах страны, а также за рубежом (в Будапеште, Софии, Тромсо, Хельсинки, Турку, Рованиеми). Участвовал в исследовании 34 экспедиций (в 10 из них в качестве начальника). Руководил подготовкой 20 аспирантов, успешно защитивших свои исследования. Мне принадлежит более 200 публикаций (в том числе и статьи в зарубежных изданиях) и 10 других авторских работ (сценарий научного фильма и др.). Наиболее значительный труд — монография “Происхождение изобразительного искусства” (М., 1985 г.). В 1987 г. за эту книгу был удостоен диплома Лауреата университетской премии (II степени). В 1996 г. мне присвоено звание “Почетный работник высшего образования России”. Почетный член международного общества “Изучения первобытного искусства” (Эстония — Финляндия)»⁴. Эти сведения есть и в автобиографических очерках, и в дальнейшем они включены в большую часть биографических данных, опубликованных в различных интернет-ресурсах. Кроме автобиографий из личного архива А.Д. Столяра сохранился рукописный вариант его автобиографии (от 6 марта 1957 г.) в Отделе рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа. Есть личное дело А.Д. Столяра и в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В нем хранятся документы периода его работы в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры АН СССР⁵.

Наибольший интерес представляют два автобиографических очерка: «Мои года — мое богатство», написанный для юбилейного сборника «Археология в пути или путь археолога» (2001), и «Основные вехи биографической тропы» для сборника «In situ» (2006).

² Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 2. С. 204; In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб., 2006. С. 610.

³ Большая часть личного архива передана после смерти в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Часть личного архива А.Д. Столяра хранится у А.А. Никоновой.

⁴ Архив А.А. Никоновой.

⁵ См. в описании архивных фондов: <http://db.ranar.spb.ru/ru/work/id/22832/> (ссылка последний раз проверялась 10.03.2021).

В данных биографических источниках краткие сведения официальных автобиографий пропущены через личность субъекта, в результате он становится для нас не таким, как «другие», тогда мы ценим не свою оценку другого, а его оценку себя и других вещей и объектов, которые в этом случае как бы одушевляются, получают статус событийности⁶.

Абрам Давидович всегда благодарил судьбу за щедрость данных ему лет жизни, гордился долгой дружбой с А.А. Формозовым, Я.В. Доманским, Б. Полевым и другими интересными людьми, с кем судьба связала его еще со школьной и университетской скамьи, никогда не забывал упомянуть их преданность и доброту. Многим из них он посвятил памятные статьи⁷. Воспоминаний он никогда не писал, не вел дневников, да и писем его, вероятно, осталось в архивах коллег немного. Свои биографические очерки он называл беглыми зарисовками или «роликами» и сетовал, что многое ушло из памяти за долгие годы жизни. Они разные по стилю и содержанию, но в отличие от автобиографий наиболее полно раскрывают отдельные, значимые для автора события жизненного пути и его рефлексию итогов научной и педагогической деятельности. Анализ этих документов позволяет нам еще раз остановиться на этапах или доминантах становления личности ученого и педагога, которые он кратко наметил в своих биографических очерках. Основными критериями выделения таких периодов являются два принципа: хронологический и мировоззренческий.

Интересно, что и сам А.Д. Столяр в биографических очерках делил свою биографию, выделяя эти же критерии. Так в биографическом очерке «Мои года — мое богатство» он делит свои 80 лет жизненного пути на двадцатилетия. «Оглядывая же в целом мой скромный путь в науке, я различаю в нем систему из трех двадцатилетних периодов. Первый из них (примерно от 20 до 40 лет), понятно, осложненный войной и рядом входящих обстоятельств (отражение на моей личности политического климата в стране), представлял время освоения специальности и начальной ступени исследований; второй (соответственно, от 40 до 60 лет) приходится на самостоятельную зрелость ученого, конечно, в пределах его воли, способностей, условий труда, да и археологического везения. Наконец, последний двадцатилетний период (60–80 лет), коль он великодушно отпускается судьбой, невольно обращает взор на строгий анализ сделанного субъектом, его достижений и ошибок, обязанностей учителям, коллегам и помощникам. Логически завершается подобный рентген непредвзятой оценкой состояния близкой ему области знания»⁸. А в очерке «Основные вехи биографической тропы» ученый выделяет периоды детства, юношества и годы зрелости. Здесь же Абрам Давидович делится своими итоговыми размышлениями о пройденном пути, о мотивации тех или иных поступков, обосновании научных идей и отношением к современным изменениям в обществе. Мы предлагаем еще раз рассмотреть периоды его духовного и интеллектуального развития, в которых осуществлялось становление личности человека и исследователя, и проанализировать процесс актуализации биографии ученого после его ухода из жизни.

Эрмитажно-гуманитарная ось. Эта духовная доминанта хронологически начинается с 1932 г., когда после трех лет скитанья семья Абрама Давидовича приезжает в Ленинград. Первый адрес А.Д. Столяра в Ленинграде был на Васильевском острове, 6-я линия,

⁶ *Столяр А.Д.* Основные вехи биографической тропы // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб., 2006. С. 585–604.

⁷ См. список опубликованных работ в данном выпуске журнала.

⁸ *Столяр А.Д.* Мои года — мое богатство // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 24.

д. 25, кв. 1. Ленинград восхитил и удивил ученика 4 класса на всю оставшуюся жизнь не только широтой и красотой городского ландшафта и его архитектурой, возможностями всестороннего образования, но, главное, библиотеками и книжными магазинами. Абрам Давидович рассказывал, что с детства мечтал прочитать все изданные когда-либо книги. Страсть к собиранию книг он сохранил на всю жизнь. Он не был коллекционером или библиофилом, но целенаправленно всю жизнь собирал книги по археологии и искусству, поддерживал связь с букинистическими магазинами Ленинграда, следил за выходом новых изданий. До последних дней он старался помочь близким, знакомым и друзьям в приобретении книг, любил дарить их. Из воспоминаний Бориса Полевого: «Между тем Абаня продолжал творить для меня другие добрые дела. Прежде всего, он активно помогал постепенно восстанавливать мою сильно пострадавшую библиотеку. Он ходил по книжным магазинам, даже по книжным складам и непрерывно сообщал мне, где и какие книги можно приобрести “по дешевке”⁹. Так благодаря помощи А. Столяра была заложена основа моей большой исторической специализированной библиотеки»¹⁰. Переезд в Ленинград (1934 г.) и школьное образование в трех школах — № 7, 17, 1 — позволили ему посещать Школьный кабинет Государственного Эрмитажа. Одновременно он ходил на занятия в Кунсткамеру и Русский музей. Так формировалась ненасытная тяга к знаниям и желание использовать все возможности Ленинграда в расширении образования. Поэтому можно считать, что «Эрмитажная ось» духовного становления стала первой в формировании внутреннего мира будущего ученого. Этот период завершился выбором профессионального пути, когда после 9 класса (1937 г.) А.Д. Столяр поехал работать в Оленеостровскую экспедицию В.И. Равдоникаса.

Эрмитажная стезя получает свое продолжение в 1956–1964 гг. В 1951 г. университетский наставник Абрама Давидовича, доктор исторических наук М.И. Артамонов становится директором Государственного Эрмитажа и в 1956 г. вызывает Абрама Давидовича из Крыма в Ленинград. С 1956 по 1964 гг. он работает старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа. В эти годы научные исследования и полевые раскопки становятся главным содержанием его жизни. «Наука А.Д. Столяра, как и он сам, была полнокровна и далека от отвлеченных теорий. Неудивительно, что, создавая в 1957 г. вместе с М.З. Паничкиной и Г.П. Гроздиловым экспозицию “Древнейшее прошлое Ленинградской области”, он старался, не искажая научного содержания, в простой и доходчивой форме рассказать об этапах древних культур на Северо-Западе Союза. Удачный дизайн выставки стал образцом для последующих экспозиций, а сама она — основой для увлекательной книги “По бесовым следам”, написанной А.Д. Столяром совместно с коллегой и другом Я.В. Доманским»¹¹.

«Университетская ось». С 1938 г. в жизни юноши формируется новая значимая для него доминанта. В этом году он поступает в Ленинградский государственный университет на археологическое отделение исторического факультета (1938–1947 гг.). Он писал: «с поступлением в Университет в моей духовной конструкции, наряду с первой эрмитажной осью сложилась вторая, университетская, образующая основу зрелой

⁹ Абаней звала в детстве А.Д. Столяра его мама. Со школьной скамьи это имя сохранилось в кругу близких и друзей.

¹⁰ Полевой Б.П. Дружба длиной в 70 лет // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 186.

¹¹ Шукина Е.С. А.Д. Столяр // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб., 2006. С. 477–478.

жизни. Она, концентрируя мои занятия, существенно содействовала начальному становлению исследовательских запросов, постепенно преодолевая стихийную разбросанность юности»¹². Хронологически годы детства и юности можно отнести к первому периоду жизни, а с поступления в ЛГУ начинается второй период жизни ученого. Второй период был прерван войной (1941–1946 гг.) и заканчивается в январе 1946 г., когда после демобилизации А.Д. Столяр возвращается на кафедру археологии ЛГУ. Одновременно в это послевоенное время формируется еще одна значимая для молодого ученого духовная ось — «артамоновская». Именно в 1946 г. Абрам Давидович знакомится со своим будущим наставником и духовным учителем — Михаилом Илларионовичем Артамоновым. Хронологически начало формирования «университетской» доминанты связано с двумя периодами в биографии ученого — это годы учебы в ЛГУ (1938–1941 и 1946–1953 гг.) и период Великой Отечественной войны (1941–1946 гг.). Чередование двух доминант (эриктажной и университетской) повторилось еще раз в четвертый и пятый периоды его жизни.

Годы Великой Отечественной войны можно отнести к третьему периоду жизни Абрама Давидовича. Он воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. Награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда»¹³. Это были годы тяжелых испытаний и потерь для молодого человека. Об этом, третьем периоде своей жизни А.Д. Столяр рассказывал и писал мало. Наиболее подробно он описал военную службу в эриктажной автобиографии. Из нее мы узнаем, что в конце июня 1941 г. он вступил добровольцем в Аэродромную комсомольскую команду, а 1 сентября в учебный комсомольский батальон ВВС Ленинградского фронта и после окончания служил в 18 и 19 ОАТР, затем в 48 запасном стрелковом полку 38 запасной стрелковой бригады на должности замполитрука, начальника клуба, комсорга батальона, внештатного агитатора части¹⁴. В 1945 г. он вступает в КПСС. Абрам Давидович не оставил значительных воспоминаний о войне, только в личных беседах с близкими друзьями рассказывал об однокурсниках и боевых товарищах, с которыми воевал, о нескольких поездках в осажденный Ленинград к родителям. В блокадном Ленинграде умер отец Абрама Давидовича, и вся забота о матери легла на его плечи. Тяжелые годы войны наложили отпечаток на открытый, эмоциональный и жизнелюбивый характер Абрама Давидовича, он стал более замкнутым и сдержанным.

Послевоенные годы учебы в университете стали временем развития и укрепления мировоззренческой, «артамоновской» доминанты, оказавшей благоприятное влияние на всю последующую жизнь ученого. С февраля 1949 г. М.И. Артамонов стал заведующим кафедрой археологии ЛГУ. Благодаря помощи и поддержке Михаила Илларионовича, Абрам Давидович поступает в аспирантуру и в 1953 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Мариупольский могильник как исторический источник». Формирование научного менталитета молодого специалиста проходило под влиянием научных и человеческих контактов с такими известными археологами и историками, как В.И. Равдоникас, П.П. Ефименко, С.Н. Замятнин, П.И. Борисковский, М.П. Грязнов и др. После защиты диссертации А.Д. Столяр несколько лет не мог устроиться на работу по специальности из-за своей национальности. Такое унижительное положение молодого ученого заметно

¹² Столяр А.Д. Мои года — мое богатство. С. 13.

¹³ См. по адресу: https://foto.pamyat-naroda.ru/detail/2542824?utm_source=pmt_detail&static_hash=eea81c4bb4611171b5db4c14acc4d19v6 (ссылка последний раз проверялась 12.03.2021).

¹⁴ Сохранились его учебные конспекты и записи военных сводок, в личном архиве А.А. Никоновой.

отразилось на его душевном состоянии, это была существенная травма, которая и в последующем остро им переживалась. Он часто с горечью вспоминал свое положение в эти годы и необходимость скрывать свое положение от матери. Но помощь М.И. Артамонова позволила ему вскоре поехать в Крым, где он с 1954 по 1956 гг. работал старшим научным сотрудником отдела археологии и истории Крымского филиала Академии наук. В эти годы зародилась дружба двух замечательных исследователей первобытной археологии — А.Д. Столяра и А.А. Формозова, продлившаяся до конца жизни А.А. Формозова и сохранившаяся в эпистолярном наследии ученого.

Университетская линия жизни вновь продолжается в 1964 г., когда М.И. Артамонов переходит работать в ЛГУ. С 1964 г. М.И. Артамонов вновь становится заведующим кафедрой археологии исторического факультета и приглашает на кафедру Абрама Давидовича, который становится доцентом. Возвращение в Alma mater подробно описано в автобиографических очерках и статьях, посвященных М.И. Артамонову¹⁵. Это был период завершения «эрмитажной оси», но продолжение «университетской» и «артамоновской». «Артамоновская» доминанта объединяет «эрмитажную» и «университетскую» оси и становится основной в формировании уникальной личности ученого и человека на всю оставшуюся жизнь. Два значимых и, можно сказать, судьбоносных события в жизни ученого связаны с именем М.И. Артамонова: выбор научной темы исследования и защита по этой теме кандидатской диссертации и выбор новой темы исследования, связанной с происхождением изобразительного творчества, и защита докторской диссертации. Именно благодаря настойчивости и помощи Михаила Илларионовича Абрам Давидович в 1972 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Проблема происхождения изобразительного искусства в археолого-историческом освещении».

Б.Н. Комисаров вспоминал: «Это увлеченность своим непосредственным делом — первобытной археологией, которая воспринимается им как высокоинтеллектуальная научная сфера противостояния гуманитарии и биологизации. Это искренняя и, более того, страстная преданность студенчеству. Это, наконец (ведь надо же когда-то прервать, не исчерпав, перечисления), стремление всегда в меру своих сил быть в согласии с правдой»¹⁶. Память о наставнике и учителе и благодарность ему определяют всю оставшуюся жизнь Абрама Давидовича. Принятие трудного решения возглавить кафедру археологии после смерти М.И. Артамонова в 1972 г. стало возможным именно благодаря глубокому осознанию необходимости исполнить желание учителя. Из воспоминаний А.Я. Колесникова: «Не скажу, что работалось ему легко. В 1972 году А.Д. Столяр принял предложение стать заведующим кафедры археологии — помимо своей воли, во исполнение твердой воли своего учителя М.И. Артамонова»¹⁷. С 1972 г. и до последних дней 2014 г. Университет оставался главным смыслом его жизни.

В автобиографических документах отразилась субъективная позиция ученого не только в оценке самых важных событий и достижений своего жизненного пути, но и его личные приоритеты и итоговое осмысление отдельных событий научной биографии. Такая своеобразная селекция событий жизни и их трансляция последующим поколениям археологов определяет масштаб личности ученого, для которого приоритетным был

¹⁵ См. список печатных трудов.

¹⁶ Комисаров Б.Н. Феномен Абрама Столяра // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб., 2006. С. 459–464.

¹⁷ Колесников А.Я. Студенческий ходатай // In situ. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб., 2006. С. 480–483.

научный, а не субъективный результат. Поэтому не только в биографических данных, но и в иных источниках мало сведений как о личной жизни Абрама Давидовича, так и о исследовательской и производственной «повседневности». Воспоминания о семье относятся только к периоду детства и последующему периоду, связанному с заботой о больной матери. Эта личная страница имеет свои существенные утраты. В личном архиве ученого нет сведений о семье старшей сестры. Мало документов, фотографий и записей сохранилось об обширном круге его друзей и знакомых вне университетского пространства, среди которых он пользовался не только уважением, но и любовью. Он всегда был в центре беседы, был «душою общества».

Еще один парадокс — это то, что мало осталось свидетельств, как письменных, так и устных, о его работе в археологических экспедициях. Пожалуй, единственным исключением были его первые экспедиционные опыты — работа в Оленеостровской и Староладожской экспедициях. Некоторые факты мы узнаем из его очерков, посвященных коллегам по Эрмитажу или университету. Эти лакуны в автобиографических материалах частично дополняются биографическими очерками и воспоминаниями коллег и друзей, но не восполняют их полностью. Дополнительного и тщательного изучения требует период его руководства кафедрой археологии, поскольку личных письменных источников сохранилось мало.

Прошло семь лет после смерти ученого, и в информационном пространстве Интернета опубликованы на различных ресурсах (в научных изданиях, на сайтах организаций, в социальных сетях и электронных энциклопедиях) краткие биографические сведения об А.Д. Столяре. Их следует разделить на две группы. Первая группа — очерки, написанные его учениками и коллегами после смерти ученого; вторая группа — биографии, написанные к знаменательным датам. Первым по хронологии напечатан биографический очерк «Юбилей патриарха археологии» к 90-летию ученого в журнале СПбГУ в 2011 г. Он подписан «Друзья, коллеги, ученики»¹⁸. Биографические сведения в данной статье взяты из автобиографических очерков А.Д. Столяра и расширены воспоминаниями преподавателей кафедры археологии. С теплотой и уважением пишут коллеги о профессоре: «Седовласый профессор любит общаться со студенческой молодежью, которая отвечает ему взаимностью, не прочь попеть студенческие песни, не чурается неформального общения с коллегами. Помимо богатейших профессиональных знаний, продолжают удивлять огромная эрудиция, внутренняя культура и богатый интеллектуальный потенциал А.Д. Столяра». В очерке отдельно выделены фронтовые годы, результаты научной деятельности в послевоенные годы и период оттепели, отдельно дана оценка вклада ученого в изучение первобытного искусства, выделены годы руководства кафедрой археологии. Текст иллюстрируют замечательные по своей фактологической и эмоциональной насыщенности фотографии. Это единственный развернутый прижизненный биографический очерк.

После смерти А.Д. Столяра были напечатаны два некролога с краткими биографическими данными в журналах «Российская археология» и «Археологические вести». Эта научная традиция является, несмотря на трагичность события, не только данью уважения и признанием заслуг ученого, но и важным фактом, объединяющим, пусть и ненадолго, научное сообщество. Разнообразные «биографические метки» или своеобразные «места памяти» в каком-то смысле, как в кристалле, высвечивают главное, сущностное,

¹⁸ Юбилей патриарха археологии // Санкт-Петербургский университет. 2011. № 6 (3831). 5 мая. С. 23–27.

непреходящее наследие ученого. В скупых строках биографических очерков об ученых и учителях, с которыми мы встречались в суете повседневности, раз за разом мы возвращаемся, прежде всего, к оценке себя и своих поступков, размышляя о жизни ушедших поколений.

Не случайно, но скорее знаменательно, стало совпадение в 2016 г. двух юбилейных дат: 95-летия А.Д. Столяра и 80-летия первой в России кафедры археологии, открытой в СПбГУ. Итогом стал сборник статей международной конференции «Университетская археология: прошлое и настоящее» под редакцией доктора исторических наук И.Л. Тихонова. В этом сборнике отдельный раздел посвящен памяти А.Д. Столяра. В нем опубликован биографический очерк А.В. Жука «На пороге науки. Ленинград и археология перед юным А.Д. Столяром»¹⁹. Данный очерк интересен тем, что в нем впервые исследователь попытался рассмотреть биографию ученого в историко-культурном контексте эпохи. Автор очерка, вероятно, планировал серию очерков о развитии советской археологии на примере биографии одного ученого, поскольку в нем анализируются только первые годы (до 1940 г.) формирования молодого ученого. Такая цель достойна поддержки и похвалы, но выполнить ее оказалось не просто. К сожалению, в открытой доступности сохранилось мало документов. Для решения такой цели необходимо изучение широкого круга архивных документов в Государственном Эрмитаже, СПбГУ и Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Отдавая должное сделанному А.В. Жуком, следует сказать, что характеристика историко-культурного контекста (например, экскурс об истории артелей в России или о «детской науке») обладает некоторой тенденциозностью, но главное — не дополняют сформировавшийся образ А.Д. Столяра. С небольшими изменениями этот очерк был переиздан в 2017 г.²⁰ К 95-летию А.Д. Столяра был опубликован еще один биографический очерк, вышедший из-под пера ученика Абрама Давидовича В.Я. Шумкина²¹.

Последнюю группу биографических источников составляют многочисленные сведения на интернет-ресурсах. Это — сайты организаций (СПбГУ, Школа Карла Мая и др.); электронные профессиональные сайты и профессиональные группы в социальных сетях («Открытая археология», «Археология.ру», «Археология бассейна Десны, Псла и верхней Оки» (Вконтакте)); электронные энциклопедии (Википедия, Вики СПбГУ, Электронные энциклопедии — «Известные ученые», Циклопедия, Музеи России (um.ru), Биографии известных ученых, Еврейская академическая энциклопедия, энциклопедия Эрмитажа). Чаще всего электронные ресурсы перепечатывают биографические данные из других источников, таких как Википедия, Еврейская академическая энциклопедия. Объем информации разный: от самых кратких биографических сведений до более подробных («Открытая археология»). Все электронные биографии появились после смерти Абрама Давидовича, поэтому биографическая информация в этих текстах использует сведения из автобиографических очерков А.Д. Столяра, опубликованных в юбилейных изданиях

¹⁹ Жук А.В. На пороге науки. Ленинград и археология перед юным А.Д. Столяром // Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб., 2017. С. 195–201.

²⁰ Он же. Абрам Давидович Столяр на пороге науки. Ленинградская археология 2-й половины 1930-х — начала 1940-х гг. глазами молодого человека // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2 (14). С. 97–109.

²¹ Шумкин В.Я. Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, археолог Столяр Абрам Давидович // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 2 (26). С. 101–102

2001 и 2006 гг. и двух зарубежных изданиях. Одной из самых полных электронных биографий А.Д. Столяра является очерк на сайте «Открытая археология», в котором авторы попытались расширить скудные биографические данные, дополняя их сведениями по истории Великой Отечественной войны, истории археологии и фактами из биографий научных руководителей ученого²². Так из биографических «меток» или следов, существующих в современной актуальной культуре и в науке археологии, складывается и сохраняется для потомков образ А.Д. Столяра — ученого, педагога, коллеги и друга.

Список литературы

Жук А.В. Абрам Давидович Столяр на пороге науки. Ленинградская археология 2-й половины 1930-х — начала 1940-х гг. глазами молодого человека // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2 (14). С. 97–109.

Жук А.В. На пороге науки. Ленинград и археология перед юным А.Д. Столяром // Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Издательство СПбГУ, 2017. С. 195–201.

Колесников А.Я. Студенческий ходатай // *In situ*. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 480–483.

Комисаров Б.Н. Феномен Абрама Столяра // *In situ*. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 459–464.

Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1986. Вып. 683. С. 106–121.

Полевой Б.П. Дружба длиной в 70 лет // Археология в пути или путь археолога. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. Ч. 2. С. 183–186.

Столяр А.Д. Мои года — мое богатство // Археология в пути или путь археолога. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. Ч. 1. С. 5–25.

Шукина Е.С. А.Д. Столяр // *In situ*. К 85-летию профессора А.Д. Столяра / ред. А. Никонова. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 477–478.

Шумкин В.Я. Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, археолог Столяр Абрам Давидович // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 2 (26). С. 101–102.

Юбилей патриарха археологии // Санкт-Петербургский университет. 2011. № 6 (3831). 5 мая. С. 23–27.

References

Kolesnikov, A.YA. Studencheskij hodataj [The Students advocate], in *In situ*. K 85-letiyu professora A.D. Stolyara / red. A. Nikonova. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2006. P. 480–483.

Komisarov, B.N. Fenomen Abrama Stolyara [The Phenomenon of Abram Stolyar], in *In situ*. K 85-letiyu professora A.D. Stolyara / red. A. Nikonova. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2006. P. 459–464. (In Rus.).

²² Портал «Открытая археология». См. по адресу: <https://xn--80aa1qhktebqvcvc2c9e6cj.xn--1ai/individuals/%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80-%D0%B0%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC-%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87> (ссылка последний раз проверялась 10.03.2021).

Lotman, YU.M. Literaturnaya biografiya v istoriko-kul'turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnoscheniyu teksta i lichnosti avtora) [A literary biography in the historical and cultural context (Towards typological conjunction of texts and author's personality)], in *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*. Tartu: Tartu university Press, 1986. Vol. 683 P. 106–121. (In Rus.).

Polevoj, B.P. Druzhiba dlinoj v 70 let [A 70 years of friendship], in *Arheologiya v puti ili put' arheologa*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2001. Vol. 2. P. 183–186. (In Rus.).

SHukina, E.S. A.D. Stolyar, in *In situ. K 85-letiyu professora A.D. Stolyara / red. A. Nikonova*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2006. P. 477–478. (In Rus.).

SHumkin, V.YA. Pochyotnyj professor Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, arheolog Stolyar Abram Davidovich [The Honorary Professor of Saint-Petersburg State University, archaeologist Stolyar Abram Davidovich], in *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN*. 2016. Vol. 2 (26). P. 101–102. (In Rus.).

Stolyar, A.D. Moi goda—moe bogatstvo [My years are my treasures], in *Arheologiya v puti ili put' arheologa*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2001. Vol. 1. P. 5–25. (In Rus.).

YUbilej patriarha arheologii [Anniversary of the Patriarch of Archeology], in *Sankt-Peterburgskij universitet*. 2011. Vol. 6 (3831). May, 5. P. 23–27. (In Rus.).

ZHuk, A.V. Abram Davidovich Stolyar na poroge nauki. Leningradskaya arheologiya 2-j poloviny 1930-h—nachala 1940-h gg. glazami mladogo cheloveka [Abram Davidovich Stolyar on the threshold of science. Leningrad archeology of the 2nd half of the 1930th—early 1940th through the eyes of a young man], in *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2017. Vol. 2 (14). P. 97–109. (In Rus.).

ZHuk, A.V. Na poroge nauki. Leningrad i arheologiya pered yunym A.D. Stolyarom [On the threshold of science. Leningrad and archeology before the young A.D. Stolyar], in *Universitetskaya arheologiya: proshloe i nastoyashchee: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu pervoj v Rossii kafedry arheologii / Otv. red. I.L. Tihonov*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University Publ., 2017. P. 195–201. (In Rus.).

Соломаха Е.Ю.

АБРАМ ДАВИДОВИЧ СТОЛЯР И ЭРМИТАЖ:
ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Соломаха, Елена Юрьевна — заместитель заведующего Отделом рукописей и документального фонда, Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург, solomakha@hermitage.ru.

В статье представлен краткий обзор материалов Научного архива Государственного Эрмитажа, связанных с личностью и научным наследием Абрама Давидовича Столяра, восемь лет проработавшего в Государственном Эрмитаже, а после увольнения оставшегося научным консультантом в музее. А.Д. Столяр начал работать в Эрмитаже в 1956 г., в то время, когда директором Эрмитажа был его учитель Михаил Илларионович Артамонов. После увольнения Артамонова, известного своим свободомыслием, в 1964 г. из Эрмитажа ушел и А.Д. Столяр. В статье рассматриваются и анализируются в контексте культурной и идеологической парадигмы эпохи и биографических реалий автора сохранившиеся в личном деле А.Д. Столяра подробная автобиография, отзывы М.И. Артамонова и Б.Б. Пиотровского, анкеты, материалы к археологическим выставкам и подготовке научных экспедиций. Несомненно весомым вкладом в контексте рассмотрения эволюции археологических фондов Эрмитажа и их исследования является ввод в научный оборот архивных данных, посвященных вновь организованному М.И. Артамоновым в Эрмитаже собственному издательству, где с 1958 г. начал выходить «Археологический сборник», печатались научно-популярные книги, в том числе и труды А.Д. Столяра, а также материалов, связанных с подготовкой Северо-Кавказской экспедиции под руководством А.Д. Столяра.

Ключевые слова: А.Д. Столяр, археология, Государственный Эрмитаж, музей.

ABRAM DAVIDOVITCH STOLYAR AND THE HERMITAGE:
BASED ON THE MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE
OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

Solomakha, Elena Yurievna — the Deputy Head of the Manuscripts and Documents Department, the State Hermitage, Russian Federation, Saint-Petersburg, solomakha@hermitage.ru.

The article presents a brief overview of materials of the State Hermitage Museum's Scientific Archive related to the personality and scientific heritage of Abram Davidovich Stolyar, who worked for eight years at the State Hermitage Museum, and after his dismissal remained a scientific consultant at the museum. A.D. Stolyar began working at the Hermitage in 1956, at a time when his teacher Mikhail Illarionovich Artamonov was the director of the Hermitage. After the dismissal of Artamonov, known for his freedom of thought, in 1964, A.D. Stolyar also left the Hermitage. The article examines and analyzes in the context of the cultural and ideological paradigm of the era and biographical realities of the author, a detailed autobiography preserved in the personal file of A.D. Stolyar, reviews of M.I. Artamonov and B.B. Piotrovsky, reports, materials for archaeological exhibitions and the preparation of scientific expeditions. Undoubtedly significant in the context of considering the evolution of the Hermitage's

archaeological collections and their research is the introduction into scientific circulation the archival data on the newly organized by M.I. Artamonov the Hermitage's own publishing house, where since 1958 the *Archaeological Volume* began to be published, as well as scientific books, including works of A.D. Stolyar, and materials related to the preparation of the North Caucasus expedition under the leadership of A.D. Stolyar.

Key words: A.D. Stolyar, archeology, the State Hermitage, museum.

Абрама Давидовича Столяра с Государственным Эрмитажем связывало очень многое. Сам он отдал музею 8 лет, здесь работали и продолжают работать его коллеги и многочисленные ученики. Он пришел в Эрмитаж в 1956 г. В это время директором был учитель А.Д. Столяра легендарный «фельдмаршал Эрмитажа» Михаил Илларионович Артамонов. Артамонов был подлинным руководителем времен «Оттепели». Он устраивал на работу вернувшихся из лагерей Б.А. Латынина, Л.Н. Гумилева, М.А. Гуковского, И.Г. Спасского, Л.И. Тарасюка и других ученых, которых больше не брали нигде, защищал Эрмитаж, его сотрудников и его коллекции от разного рода посягательств властей. «При Артамонове Эрмитаж был своеобразным заповедником, где в его отделах с успехом работали специалисты по официально отвергнутым направлениям творчества. Научно-художественное свободомыслие было естественной нормой», писал о нем А.Д. Столяр, «Слишком самостоятельная позиция Михаила Илларионовича вела к тому, что недоброжелательность начальства достигла критического уровня. В этом отношении единственным было мнение городских властей и руководства Министерства культуры в Москве»¹. Артамонова сняли в мае 1964 г., а через несколько месяцев, в ноябре, из Эрмитажа ушел и Абрам Давидович.

В последние годы жизни он часто приходил в архив Эрмитажа, т.к. серьезно занимался биографией Михаила Илларионовича, сделал о нем несколько публикаций и передачу на телевидении, но мечтал подготовить фундаментальное издание в эрмитажной серии «Хранитель», считая отсутствие такового досадным упущением. Он много рассказывал об Артамонове, о том, как он обязан своему учителю, в том числе и за то, что Артамонов отстоял его в годы «борьбы с безродными космополитами». Слушать рассказы Абрама Давидовича было огромным удовольствием, потому что он был рассказчиком, что называется, «от Бога». Остается только сожалеть, что не были записаны его блестящие импровизации на темы из тогдашней эрмитажной жизни, т.к. казалось, что все еще можно будет успеть. Он был невероятно яркой и глубокой личностью, поэтому писать о нем сухую научную статью совершенно немыслимо. Будем надеяться, что опубликованные здесь документы из Научного архива музея помогут его биографам и исследователям его научной деятельности.

В личном деле Абрама Давидовича сохранилась подробная автобиография, отзывы М.И. Артамонова и Б.Б. Пиотровского, анкеты и другие документы.

В автобиографии (датирована 6 марта 1956 г.) он писал:

«Родился 10 мая 1921 года в гор. Мелитополе (УССР) в семье часовщика-ремесленника. В 1928 году поступил в школу. В 1932 г. вместе с родителями переехал в Кисловодск, а затем, в 1932 г. в Ленинград².

В течение этого времени и в дальнейшем, отец работал в часовой кооперативной артели, мать была домохозяйкой. Учась в 7-ой и 17-ой школах Василеостровского района

¹ Столяр А.Д. Артамонов Михаил Илларионович. См. по адресу: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/encyc_top/encyc17/term.html?act=show_text&lo=65&term=336 (ссылка последний раз проверялась 25.02.2021).

² В личной карточке он указал адрес: 6-я линия Васильевского острова, д. 25, кв. 1. См.: Архив Государственного Эрмитажа (Далее—АГЭ). Ф. 1. Оп. 13. Д. 818. Л. 17.

Ленинграда, с 4–5 класса занимался в школьных исторических кружках Гос. Эрмитажа³, Русского музея, Музея антропологии, археологии и этнографии. В 1937 году впервые принимал участие в работах Оленеостровской археологической экспедиции ИИМК РАН СССР в качестве практиканта. С 1937 г. — член ВЛКСМ.

В 1938 году окончил первую образцовую школу Свердловского района и поступил на 1-ый курс исторический Лен. Гос. Университета⁴.

Учеба была прервана Великой Отечественной войной. В конце июня 1941 г. вступил добровольцем в Аэродромную комсомольскую команду, а 1 сентября 1941 г. — в учебный автомобильный комсомольский батальон ВВС Лен.Фронта, учебу в котором закончил в ноябре 1941 г. В дальнейшем проходил службу в 18 и 19 ОАТР⁵, а затем в 48-м Зап. стрелковом полку 36-ой зап. Стрелковой бригады, занимал должность зам. политрука, начальника клуба части, комсорга батальона, внештатного агитатора части. В августе 1945 г. принят в члены КПСС. В декабре 1945 г. был демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР и продолжил занятия на историческом факультете Лен. Гос. Университета, который закончил с отличием в 1948 году⁶. В течение трех лет (1946–48 гг.) был сталинским стипендиатом⁷. По окончании университета был рекомендован и принят в аспирантуру исторического факультета ЛГУ. Закончил ее в 1952 г. и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мариупольский могильник как исторический источник» в июне 1953 г. С декабря 1952 по август 1953 г. работал зав. сектором истории Ленинградского дворца пионеров им. А.А. Жданова. С июля 1954 г. по март 1956 г. работал и.о. старшего научного сотрудника отдела истории и археологии Крымского филиала АН СССР, откуда уволился в связи с изменением профиля работы отдела и исключением первобытной археологии из его тематики на основании решения Бюро отделения общественных наук Президиума АН УССР. Отец умер в 1944 г. в Ленинграде. Мать состоит на моем иждивении и проживает вместе со мной. Холост»⁸.

³ Работе со школьниками тогда в стране уделяли большое внимание. В Ленинграде при Городском отделе народного образования (ГОРОНО) была создана ДЭТС (Детская экскурсионно-туристическая станция), которая сотрудничала со школьными комиссиями в музеях. Музеи отчитывались за работу со школьниками в Политпросветцентре и школьно-массовом секторе РОНО. В Эрмитаже при Просветительном отделе была создана Школьная комиссия. Она располагалась в зале Совета. К ее работе были привлечены ведущие сотрудники отделов Востока, Античного и Западно-европейского. Даже вновь создаваемые экспозиции и выставки в то время «должны были в общем соответствовать школьным программам». См.: АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1416. Л. 1. В 1935–1936 гг. в Эрмитаже работало 9 кружков. Преподавателями были лучшие специалисты музея. С 1935 г. стали проводиться занятия в Отделе Востока, где кружковцам читали лекции ведущие сотрудники — А.Я. Борисов рассказывал о культуре и искусстве Сасанидской Персии, А.В. Банк — о Византии IX–XII вв. О культуре и искусстве Персии и Кавказа XII–XVII вв. рассказывала Т.А. Измайлова. А.Н. Изергина проводила занятия по западноевропейскому искусству. См.: АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 818. Л. 4.

⁴ В 1939 г. работал практикантом Староладожской археологической экспедиции ЛГУ.

⁵ Отделение автотранспортной роты.

⁶ В 1946–1949 гг. принимал участие в Днепровско-Славянской, Бурято-Монгольской, Юго-Подольской, Волго-Донской экспедициях ИИМК АН СССР, Южно-Туркменской археологической экспедиции Туркменского филиала АН СССР.

⁷ Стипендия имени И.В. Сталина в честь его 60-летия была учреждена постановлением Совнаркома СССР от 20 декабря 1939 г. № 2078. Постановлено было учредить «для студентов высших учебных заведений, находящихся в ведении народных комиссариатов СССР и приравненных к ним центральных учреждений при СНК СССР, тысячу стипендий по 500 рублей в месяц каждая».

⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 818. Л. 5.

От того времени, когда Столяр занимался в эрмитажном кружке сохранилось отношение Эрмитажа, выданное ему в ноябре 1936 г. в Государственную публичную библиотеку с просьбой разрешить ему заниматься по теме «История Грузии и ее культура»⁹. Такие отношения дирекция Эрмитажа выдавала кружковцам старших классов для работы в залах Публичной библиотеки, а научную библиотеку музея они могли посещать свободно.

17 марта 1956 г. А.Д. Столяр был принят на должность старшего научного сотрудника Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, а уже 23 марта сделал свой первый доклад на заседании отдела — «К вопросу об области и времени доместикации свиньи на юге Европейской части СССР»¹⁰.

В 1957 г. в Эрмитаже сотрудниками Отдела была организована экспериментальная выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области». На выставке было представлено около 900 экспонатов из фондов Эрмитажа, Государственного исторического музея, Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР, Музея антропологии и этнографии АН СССР и ЛГУ (географического и геологического факультетов)¹¹. В организации выставки А.Д. Столяр принимал активное участие и подготовил на ее основе лекцию. Для оформления выставки были привлечены научно-исследовательские экспериментальные мастерские Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухомовой¹². Опыт ее создания был положен в основу перестройки историко-культурных выставок не только Эрмитажа, но и других музеев.

Благодаря М.И. Артамонову в Эрмитаже было вновь организовано собственное издательство. В 1958 г. по его инициативе начал выходить «Археологический сборник», печатались научно-популярные книги, в том числе и «По бесовым следам», написанная А.Д. Столяром и Я.В. Доманским, — замечательная работа, в которой, по словам А.П. Окладникова, «авторы были воодушевлены стремлением показать, что жизнь и культура древних насельников Севера по своему столь же интересна, как и жизнь их современников, оставивших после себя величественные пирамиды и храмы Древнего Египта»¹³.

В 1957 г. Абрам Давидович возглавил Северо-Кавказскую экспедицию, задачей которой было выявление и исследование энеолитических поселений на Кубани. Экспедиция работала в течение семи полевых сезонов в крепости Мешоко. Это было первое хорошо исследованное поселение эпохи меди на Кубани с двумя культурными горизонтами — майкопским и новосвободненским. Собранная в результате этих раскопок коллекция остается важнейшим источником для изучения истории древнего населения Кавказа в эпоху раннего металла.

В архиве сохранились отчеты Абрама Давидовича и его выступления на научных заседаниях Отдела истории первобытной культуры, в которых он продолжал участвовать и после своего ухода из музея.

Абрам Давидович ушел из Эрмитажа в ноябре 1964 г. «в связи с избранием по конкурсу на должность доцента кафедры археологии истфака ЛГУ»¹⁴, как он сам написал

⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2086. Л. 66.

¹⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 834. Л. 14.

¹¹ *Матвеев В.Ю.* Эрмитаж «уединенный» или Выставочная мозаика Эрмитажа. Материалы к истории выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. СПб., 2014. Т. 2. С. 326.

¹² АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 930. Л. 4.

¹³ *Доманский Я.В., Столяр А.Д.* По бесовым следам. Л., 1962. С. 6.

¹⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 818. Л. 15.

в своем заявлении. Визируя заявление, заведующая Отделом Г.И. Смирнова просила «выдать Столяру А.Д. постоянный пропуск для входа в Эрмитаж, поскольку неофициально он остается научным консультантом отдела»¹⁵.

Писать разборчиво, аккуратно и только чернилами

АВТОБИОГРАФИЯ

на Стояра Абрама Давидовича
фамилия, имя и отчество

6 марта 1956 года
дата составления

Родился 10 мая 1921 г. в г.р. Ленинском (УССР) в семье часовщика-ремесленника. В 1928 г. поступил в школу. В 1930 г. вместе с родителями переехал в Киевскую, а, затем, в 1932 г. в Ленинград.

В течение этого времени, как и в дальнейшем, отец работал в часовой конструкторской фирме, мать была домохозяйкой. Участвовал в 7-ой и 17-ой школах Василевской района Ленинграда, с 4-5 класса занимался в школьных исторических кружках Гос. Эрмитажа, Русского музея, музея антропологии, археологии и этнографии. В 1937 г. впервые принимал участие в работах Ленинградского археологического общества имени А.Н. Смирнова в качестве практиканта. С 1937 г. — член ВЛКСМ.

В 1938 г. окончил первую образовательную школу Свердловского района г.р. Ленинграда и поступил на 1-ый курс Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченка.

Учеба была прервана Великой Отечественной войной. В конце июня 1941 г. получил добровольцем в Артодромную комсомольскую команду, а 1 сентября 1941 г. — в учебный авиационный комсомольский батальон ВВС Ленинградского фронта, учебу в котором закончил в конце 1941 г. В дальнейшем продолжил службу в 18 и 19 ОАТР, а затем в 48-ом Зап. сурявном полку 36-ой зап. сурявной бригады, занимая должности заместителя начальника клуба часов, комсугра батальона, заместителя агитатора часов.

В августе 1945 г. пришел в члены КПСС.

В декабре 1945 г. был демобилизован на основании указа Президиума Верховного Совета СССР и трудоустроен занятием на Киевском государственном университете имени Т.Г. Шевченка, который закончил с отличием в 1948 году. В течение трех лет (1946-48 гг.) был старшим специалистом.

1a

¹⁵ Там же.

По окончании Университета был рекомендован и принят в аспирантуру Ленинградского государственного ЛГУ Зинченко и в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Мариупольский могильник как исторический источник" в июне 1953 г.

С декабря 1952 по август 1953 г. работал зав. сектором истории Ленинградского дворца пионеров им. А.А. Жданова.

С июня 1954 г. по май 1956 г. работал ч.о. старшего научного сотрудника отдела истории и археологии Крпского филиала АН УССР, откуда ушел в силу сужения круга работы отдела и исключения из его тематич. плана основанной в городе отдела абрисивских наук Президиума АН УССР. Отец умер в 1944 г. в Ленинграде. Мать сослуживца на войне и инвалида и проживала вместе со мной. Женой

Подпись

А. Столяр

Тип. МФ УССР. Зак. 568-10000

Список литературы

Матвеев В.Ю. Эрмитаж «уединенный» или Выставочная мозаика Эрмитажа. Материалы к истории выставочной деятельности музея: выставки в Эрмитаже и в центрах Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2014. Т. 2. 385 с.

Столяр А.Д., Доманский Я.В. По бесовым следам. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 248 с.

References

Matveev, YU.V. *Jermitazh «uedinennyj» ili Vystavohnaja mozaika Jermitazha. Materialy k istorii vystavochnoj dejatel'nosti muzeja: vystavki v Jermitazhe i v centrah Gosudarstvennogo Jermitazha* [The Hermitage solitary or Mosaics of Exhibitions. The Materials for the History of Exhibitions of the Museum: The Exhibitions in the Hermitage and Centers of the State Hermitage]. Saint-Petersburg: Slavija Press, 2014. Vol. 2. 385 p. (In Rus.).

Stoljar, A.D., Domanskij, Ja.V. *Po besovym sledam* [Following Demon Tracks]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 1962. 248 p. (In. Rus.).

Константинов М.В.

ПРОФЕССОР АБРАМ ДАВИДОВИЧ СТОЛЯР: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Константинов, Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет, Россия, Чита, mk-rus@mail.ru.

Профессор Абрам Давидович Столяр оказывал большую научную и педагогическую помощь забайкальской археологии. На руководимой им кафедре археологии Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета систематически проходили стажировки преподаватели и студенты Исторического факультета Читинского государственного педагогического института (ЧГПИ — ныне Забайкальский государственный университет). Под его руководством ими были защищены две докторские и две кандидатские диссертации. Он выступал редактором ряда монографий и сборников. В 1989 г. А.Д. Столяр посетил Читку, прочитал ряд лекций студентам-историкам, ознакомился с коллекциями в лаборатории палеоэкологии, побывал на археологических памятниках в урочище Усть-Менза, изучаемых вузовской экспедицией, и оценил масштабность раскопок и значимость древних многослойных поселений. Он передал в Читку солидную подборку книг по археологии и этнографии, ксерокопии своих статей и некоторые рукописи. Персональные статьи, посвященные А.Д. Столяру, включены в книги забайкальского энциклопедического проекта. Ему посвящен стенд в вузовском Музее археологии Забайкалья. Студенты изучают его научные труды, такие как «Происхождение изобразительного искусства», «По бесовым следам», отражающие генезис древнего искусства, формирование интеллекта и творческого сознания. Студенты-историки всех поколений знают и ценят замечательного петербургского профессора, выдающегося ученого, мудрого и достойного человека — Абрама Давидовича Столяра.

Ключевые слова: археология, профессор А.Д. Столяр, кафедра археологии ЛГУ, Забайкальский государственный университет, Чита, музей археологии, экспедиция.

PROFESSOR ABRAM DAVIDOVITCH STOLYAR: SOME PERSONAL MEMORIES

Konstantinov, Mikhail Vasilievitch — Doctor of Historical Sciences, Professor, the Transbaikal State University, Russian Federation, Chita, mk-rus@mail.ru.

Professor Abram Davidovitch Stolyar provided great scientific and pedagogical assistance to Transbaikal archaeology. Teachers and students of the Faculty of History of the Chita State Pedagogical Institute (now the Transbaikal State University) underwent regular internships at the Department of Archaeology of Leningrad State University — St. Petersburg State University — which he managed. Under his supervision, two doctoral and two candidate dissertations were defended. He was an editor of a number of monographs and collections. In 1989 A.D. Stolyar visited Chita, gave a number of lectures to students-historians, got acquainted with the collections in the laboratory of paleoecology, visited archaeological sites in the Ust-Menza tract being studied by the university expedition, and appraised the scale of the excavations and the importance of ancient multilayer settlements. He handed over a solid selection of books on archaeology and ethnography, photocopies of his articles and some manuscripts

to Chita. Personalia dedicated to A.D. Stolyar found reflection in the Transbaikal encyclopedic project books. A stand in the University Museum of Archaeology of Transbaikalia is dedicated to him. Students study his books, such as “The Origin of Fine Art”, “Following Demons Tracks”, reflecting ancient art genesis, intelligence and formation of creative consciousness. Students-historians of all generations know and appreciate a remarkable St. Petersburg professor, an outstanding scientist, a wise and worthy person—Abram Davidovitch Stolyar.

Key words: archeology, professor A.D. Stolyar, Department of Archeology of the Leningrad State University, the Transbaikal State University, Chita, museum of archaeology, expedition.

В апреле 1979 г. в Государственном Эрмитаже состоялось открытие выставки «У истоков искусства». Открытие было приурочено к Всесоюзной конференции, посвященной 60-летию создания Государственной академии истории материальной культуры как отправному событию в истории советской археологии. На выставке были представлены произведения палеолитического искусства из собраний Государственного Эрмитажа, Музея археологии и этнографии АН СССР, Государственного исторического музея, Киевского исторического музея, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и других научных центров и музеев. В стеклянных витринах с яркой подсветкой были размещены 232 экспоната с палеолитических поселений Костенки, Авдеево, Гагарино, Хотылево, Елисеевичи, Мезин, Кирилловской, Межиричи, Мураловки, Мальты¹. Выставочный зал заполнили взволнованные происходящим участниками конференции. Среди них было немало тех, кто в процессе раскопок извлекал из культурных слоев поселений палеолитических венер, зооморфные фигурки, орнаментированные поделки, обручи и диадемы. В сообществе первооткрывателей были П.И. Борисковский, А.Н. Рогачев, З.А. Абрамова, Н.Д. Праслов, С.Н. Бибииков, Г.П. Григорьев и другие исследователи. Они с удовольствием представляли свои находки и обсуждали с коллегами проблемы изучения палеолитического искусства. Было необыкновенно интересно наблюдать за этим удивительным собранием ученых. В ауре творчества и радости словно оживали маленькие древние фигурки женщин и зверей, обитавшие в витринах. Для меня эта выставка особенно памятна тем, что покровительство надо мной дружески составил Абрам Давидович Столяр, с которым мне довелось познакомиться накануне, на пленарном заседании конференции, после того как я передал ему письмо от академика А.П. Окладникова с приглашением в Новосибирский Академгородок. Абрам Давидович посвящал меня в тайны генезиса изобразительного искусства, формирования интеллекта и творческого сознания, а вместе с тем интересовался забайкальскими раскопками и находками, полагая, что территориальных пределов в палеолитическом творчестве не существовало.

Может показаться невероятным, но буквально через три месяца, во время летних раскопок в Забайкалье, на палеолитическом поселении Толбага была найдена уникальная скульптура головы медведя, выполненная из обломка позвонка шерстистого носорога. Осенью 1979 г. мне довелось представить эту скульптуру в Новосибирске во время защиты кандидатской диссертации, а в дальнейшем доставить ее в Ленинград для демонстрации и обсуждения на кафедре археологии Ленинградского государственного университета (далее—ЛГУ) и на секторе палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. находка получила признание как произведение искусства, относящееся к ранней поре верхнего палеолита.

¹ См.: У истоков искусства. Каталог выставки. Л., 1979.

В 1988 г. по приглашению А.Д. Столяра мне довелось пройти семестровую стажировку на его кафедре археологии в ЛГУ. Мне интересно было общаться с Абрамом Давидовичем в пространстве его родного Исторического факультета. В моем вузе в Чите профессор-историков в ту пору не было. В рамках стажировки я посещал все лекции по археологии. В ярусной аудитории мне нравилось располагаться на верхнем ряду, откуда вся студенческая компания была прекрасно видна, а лектора хорошо слышно. Студенты относились к профессору с уважением и признательностью за интересные лекции. Для контраста вспомню, как однажды, в те минуты, когда мы с кафедры подходили к аудитории, Абрам Давидович предупредил меня, что студентов на это раз будет немного. Причина такая: он идет на замену заболевшему преподавателю истории партии. Разница в наполненности аудитории была очевидной. Студенты с удивлением встретили дорогого профессора, тут же отодвинули яблоки и булки и стали слушать.

Абрам Давидович обходился без конспектов, что позволяло ему творить за кафедрой в свободном режиме. Сам процесс изложения представлял для него несомненное удовольствие. Характеризуя эпохи и культуры, он непременно рассказывал о ком-либо из археологов, например, об А.А. Спицине или М.И. Артамонове, полагая, что, находясь на пороге большой науки, молодежь должна знать великих деятелей отечественной археологии. Никакой критики в адрес других исследователей он не допускал и непременно подчеркивал не только научные, но и человеческие достоинства ученых.

Особое внимание Абрам Давидович уделял духовной сфере, опираясь на пещерную живопись и петроглифы, а также погребальные культы. В его изложении, к примеру, Мариупольский могильник был наилучшим объектом для понимания того, как мир живых соотносился с миром мертвых. Скандинавские петроглифы благодаря его анализу превращались в симфонию, где небо и земля, сакральное и профанное сходились в удивительных созвучиях. Он учил студентов мыслить, учил уважать заслуги предков в жизни и предшественников в науке. Все это вытекало из его лекций естественно, без прямых наставлений и назидательности.

Однажды на заседании кафедры археологии, где мне как стажеру довелось присутствовать, за знаменитым круглым зеленым столом неожиданно зашла речь о том, насколько полезен студентам вводный археологический курс. Его обозначил Глеб Сергеевич Лебедев. Ему показалось, что достаточно специальных курсов—по камню, раннему металлу, античности и славянскому средневековью. Абрам Давидович как заведующий кафедрой внешне спокойно выслушал коллегу, а затем в академическом стиле убедительно изложил свои взгляды на то, как надо вводить студентов в мир археологических знаний.

За тем же круглым столом на кафедре мне довелось вести свой спецкурс «Каменный век Сибири». Занятия посещали пятеро наших студентов и пятеро африканцев. У меня были с собой коллекции с забайкальских памятников. Абрам Давидович, располагаясь по соседству, молчаливо, но одобрительно посматривал в нашу сторону, а иногда подходил и брал в руки какой-нибудь выразительный камень. Он очень ценил натуральность, подлинность, фактурность в археологии, умение понимать артефакт, извлекать из него информацию. Он говорил, что материал надо чувствовать и осознавать, и полагал, что такой спецкурс—с реальными сибирскими коллекциями—расширит кругозор студентов его кафедры.

В 1990 г. я вновь по приглашению Абрама Давидовича оказался на его замечательной кафедре, с тем чтобы в течение календарного года работать над докторской диссертацией. Несмотря на доброе отношение и покровительство, он потребовал от меня план-проспект диссертации и три докторских отзыва на него, и еще заключение от Полевого

комитета о том, что я исправно отчитываюсь за летние работы на своих забайкальских памятниках. Об этих памятниках Абрам Давидович имел к тому времени непосредственное представление, поскольку в 1989 г. побывал в нашей экспедиции и оценил масштабность раскопок и значимость многослойных поселений. В Ленинграде он помог мне поселиться в отдельной комнате общежития. Она оказалась достаточно просторной для того, чтобы в ней размещалось еще 3–4 студента из Читинского пединститута, прибывавших на стажировку на кафедру археологии ЛГУ. Всю молодежную компанию Абрам Давидович хорошо знал и опекал. По весне он приглашал нас на свою дачу в Токсово, а оттуда однажды организовал экскурсию на Вуоксу, туда, где происходили бои с финнами. Где-то здесь рядом, на Ленинградском фронте, воевал в Отечественную войну и сам Абрам Давидович. Он гордился этим, но особо не рассказывал. Пожалуй, только вспомнил, что им, закончившим второй курс Истфака, перед отправкой на фронт деканат предложил получить дипломы об успешном окончании ЛГУ. Но все призванные на военную службу отказались с четкой позицией и ясной мыслью — вернемся и доучимся!

Экскурсия на Вуоксу заканчивалась заездом в лесную чащу, к вольерам без видимых дальних границ, населенным могучими зубрами. Поскольку они были за крепкой высокой решеткой, то мы могли безопасно для себя тревожить их сосновыми шишками. Зубры ощетинились, наклоняли головы. Абрам Давидович сравнивал их с красочными бизонами Альтамыры.

Понимая, что провинциальных читинцев надо приобщать к культуре северной столицы, Абрам Давидович лично сопровождал нас в Эрмитаж. Он договаривался о том, чтобы нам показали скифское золото. Попутно мы узнавали историю о попытке кражи вазы, происходящей из Чертомлыка, и о том, как она при этом была разбита, а затем многими трудами реставраторов восстановлена.

Тогда же мне доводилось бывать у него дома, в сталинском доме у Кировского завода, в квартире с высокими потолками и книжными полками до верха. В его кабинете, под рабочим столом пылился старый портфель, набитый газетами 1930-х гг. «Это портфель Владислава Иосифовича Равдоникаса», разъяснял Абрам Давидович, «в нем газеты с материалами о политических репрессиях». Наследник портфеля извлекал какую-нибудь газету и показывал печатные строки, подчеркнутые его учителем. Под началом Равдоникаса кружковец Эрмитажа Абаня Столяр после окончания 9 класса трудился в своей первой экспедиции. Экспедиция раскапывала Оленеостровской могильник на Онежском острове. Это было в 1937 г. Абрам Давидович вспоминал, как долго и старательно он выполнял самостоятельное задание по зарисовке могильного пятна. В порядке поощрения руководитель экспедиции пригласил юного археолога в свою палатку, где преподнес полкружки водки. После того, как кружка была героически опустошена, Абаня услышал, что непременно станет настоящим археологом. Тогда же Равдоникас объявил, что надо ввести День археолога и незамедлительно его отпраздновать. Это начинание живет до сих пор и ждет, что его все-таки узаконит государство (как это сделано в отношении Дня геолога и Дня этнографа). А сам День — 15 августа — уже более 80 лет известен всем археологам от Петербурга до Магадана!

Абрам Давидович был настойчив, но терпелив. Он согласился со мной, что мне лучше защищаться по монографии. Согласился также стать ее редактором. Тщательно вычитал текст, сделал замечания. Точно также в Москве рукопись вычитывал геолог Семен Маркович Цейтлин. Оба почтенных доктора рекомендовали монографию «Каменный век восточного региона Байкальской Азии» к печати, а затем к защите. Защита состоялась в 1995 г. в Институте истории материальной культуры РАН. С такой же заботой Абрам

Давидович опекал в науке моего родного брата — Александра Васильевича Константинова. Сначала Александр прошел соискательство на кафедре археологии и защитил кандидатскую диссертацию в ЛГУ, а затем — докторскую по теме «Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит» в том же Институте истории материальной культуры РАН. Кандидатскую диссертацию в ЛГУ защитила аспирантка А.Д. Столяра Лариса Викторовна Семина (Екимова) по теме «Неолит и палеометалл юго-западного Забайкалья». Под его же руководством прошел аспирантуру Виктор Кириллович Колосов, являющийся ныне директором Забайкальского краевого краеведческого музея.

В Забайкальском университете берегут память об Абраме Давидовиче Столяре. В «Энциклопедии Забайкалья» представлены биографические статьи, посвященные ученому². Студенты изучают научные труды А.Д. Столяра и прежде всего «Происхождение изобразительного искусства»³. С удовольствием читают его (совместную с Я.В. Доманским) научно-популярную книжку «По бесовым следам»⁴. В Музее археологии Исторического факультета оформлен стенд, посвященный А.Д. Столяру. В книжных шкафах лаборатории палеоэкологии хранятся подаренные им многочисленные книги.

Благодаря книгам, энциклопедии, музею и рассказам старших студенты всех поколений знают и ценят замечательного петербургского профессора, выдающегося ученого, мудрого и достойного человека — Абрама Давидовича Столяра.

Список литературы

Константинов М.В. Столяр А.Д. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. В 4 т. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. С. 102.

Константинов М.В. Столяр А.Д. // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск: Наука, 2011. С. 275.

Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 300 с.

Столяр А.Д., Доманский Я.В. По бесовым следам. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 248 с.

У истоков искусства. Каталог выставки. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1979. 34 с.

References

Konstantinov, M.V. Stoljar A.D., in *Jenciklopedija Zabajkal'ja: Chitinskaja oblast'. V 4 t.* Novosibirsk: Nauka Press, 2006. Vol. 3. P. 102. (In Rus.).

Konstantinov, M.V. Stoljar A.D., in *Malaja jenciklopedija Zabajkal'ja: Arheologija.* Novosibirsk: Nauka Press, 2011. P. 275. (In Rus.).

Stoljar, A.D. *Proishozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva* [The Origin of Fine Art]. Moscow: Iskusstvo Press, 1985. 300 p. (In Rus.).

Stoljar, A.D., Domanskij, Ja.V. *Po besovym sledam* [Following Demon Tracks]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 1962. 248 p. (In Rus.).

U istokov iskusstva. Katalog vystavki [At the origins of art. Catalog of the exhibition]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Publ., 1979. 34 p. (In Rus.).

² Константинов М.В.: 1) Столяр А.Д. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. В 4 т. Новосибирск, 2006. Т. 3. С. 102; 2) Столяр А.Д. // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. Новосибирск, 2011. С. 275.

³ Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.

⁴ Столяр А.Д., Доманский Я.В. По бесовым следам. Л., 1962.

Шумкин В.Я.

НЕОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОР:
ПАМЯТИ АРХЕОЛОГА АБРАМА ДАВИДОВИЧА СТОЛЯРА

Шумкин, Владимир Яковлевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Россия, Санкт-Петербург, shumkinv@yandex.ru.

Про знаменитого почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, археолога Абрама Давидовича Столяра, преподававшего на кафедре археологии более 50 лет и возглавлявшего ее почти 25 лет, написано и сказано немало. Это и воспоминания, и разные студенческие байки, и легенды, многие из которых, правда, принадлежат не очевидцам и участникам событий, а являются нередко пересказами, часто далекими от реально случившегося и упускающими многие детали, которые содержали обычно более интересные моменты, а зачастую и значительно искажающими суть происходившего. Последнее особенно присутствует на студенческом сайте «Столяр рулит...». Несмотря на разнообразие ситуаций в этих, часто с любовью написанных заметках, пожалуй, незаслуженно редко уделяется место еще двум «ипостасям» этого многогранного человека: участие в войне и бытовая экспедиционная жизнь. Учитывая эти упущения, я осмелился несколько заполнить данный «пробел», представив на ваш суд некоторые свои воспоминания именно по этим темам, как непосредственный свидетель и участник событий. Будучи знаком с преподавателем кафедры археологии ЛГУ/СПбГУ А.Д. Столяром с 1965 г., а в последние 40 лет получив от Учителя «привилегию» называться его личным другом, которую всегда осознавал и до сих пор считаю за особую честь и доверие Мэтра, будучи в эти годы неоднократно в совместных с ним лекционных, экскурсионных, экспедиционных поездках в Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, на Кольском полуострове, помня памятные «застольные» беседы и дискуссии у него и у меня дома, предлагаю небольшой очерк «по следам» разных, на мой взгляд, симптоматичных событий.

Ключевые слова: А.Д. Столяр, археология, экспедиция, Великая Отечественная война.

THE EXTRAORDINARY PROFESSOR:
IN MEMORY OF THE ARCHAEOLOGIST ABRAM DAVIDOVITCH STOLYAR

Shumkin, Vladimir Yakovlevitch—Candidate of Science in History, the Senior Research Fellow, the Institute of history of material culture of Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Saint-Petersburg, shumkinv@yandex.ru.

A lot has been written and said about the famous Honorary Professor of St. Petersburg State University Abram Davidovitch Stolyar, who taught at the Department of Archaeology for more than 50 years and headed it for almost 25 years. These are memories and various student stories and legends, many of which, however, do not belong to eyewitnesses and participants of the events, but are often retellings, often far from what really happened and missing many details that usually contained more interesting moments, and often significantly distort the essence of what happened. The latter is especially present on the student website “Stolyar

rules ...” Despite the variety of situations in these often lovingly written notes, perhaps undeservedly too rarely paid to two more “hypostases” of this multi-faceted person: participation in the war and everyday expedition life. Given these omissions, I dared to fill in this “gap” somewhat by presenting to your court some of my memories on these topics, as a direct witness and participant in the events. Being in contact with the teacher of the Department of Archaeology of LSU-SPbSU A.D. Stolyar since 1965, and in the last 40 years having received from the Teacher the “privilege” to be called his personal friend, which I have always been aware of and still consider as a special honor and trust of the Teacher, being in these years repeatedly in joint lecture, excursion, expedition trips in Norway, Sweden, Finland, Estonia, on the Kola Peninsula, remembering the memorable “table” conversations and discussions at his and at my home, I offer a small essay “in the wake” of various, in my opinion, symptomatic events.

Key words: A.D. Stolyar, archaeology, expedition, the Great Patriotic war.

Вот уже почти семь лет как нет с нами дорогого учителя, почетного профессора СПбГУ Абрама Давидовича Столяра, а память часто возвращается к образу этого замечательного человека. И порой очень горько сознавать, что уже нельзя напрямую обратиться к Абраму Давидовичу, встретиться с ним, поделиться своими успехами, неудачами, сомнениями, посоветоваться, услышать его мудрые советы, напутствия, замечания, да просто дружеский голос. Поэтому я нередко пересматриваю на компьютере фрагменты полнометражного документального фильма «Предки», снятого в моей квартире мурманским режиссером Светланой Боковой (студия РЕКа) за пару лет до кончины Абрама Давидовича с его участием в качестве центрального героя. Воспоминаний и разных студенческих баек и легенд о знаменитом профессоре А.Д. Столяре немало, многие из них, правда, принадлежат не очевидцам и участникам событий, а являются нередко пересказами, часто далекими от реально случившегося и упускающими многие детали, причем именно те, которые и содержали обычно более интересные моменты. Зачастую они значительно искажают суть происходившего. Последнее особенно присутствует на студенческом сайте «Столяр рулит...». Несмотря на разнообразие ситуаций в этих, часто с любовью написанных заметках, пожалуй, незаслуженно мало внимания уделяется еще двум «ипостасям» этого многогранного Человека: участию в войне и бытовой экспедиционной жизни. Учитывая эти упущения, я и осмелился несколько заполнить данный «пробел», представив на ваш суд некоторые свои воспоминания именно по этим темам, как непосредственный свидетель и участник событий.

Будучи знаком с преподавателем кафедры археологии ЛГУ/СПбГУ (с 1972 г. ее возглавлявшим) А.Д. Столяром с 1965 г., а в последние 40 лет получив от Учителя «привилегию» называться его личным другом, которую всегда осознавал и до сих пор считаю за особую честь и доверие Мэтра, будучи в эти годы неоднократно в совместных с ним лекционных, экскурсионных, экспедиционных поездках по Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, Кольскому полуострову, помня застольные беседы и дискуссии у него и у меня дома, я и предлагаю небольшой очерк «по следам» разных, на мой взгляд, симпатичных событий.

Я неоднократно при удобном случае и в подходящие моменты пытался расспросить Абрама Давидовича о его военном прошлом. Но всегда, как и другие, получал скупой ответ: «в августе 1941 г. добровольцем ушел на фронт, воевал на Ленинградском, потом Волховском фронтах, был ранен, награжден орденом и медалями». И ВСЁ. Он никогда не любил рассказывать о своих военных буднях, ограничиваясь короткой фразой:

«особых подвигов не совершал, были более достойные, а лишения и горечь потерь словами не передать». Иногда, уже значительно позже, он отсылал меня к книге «Воспоминания о войне» своего давнишнего, еще с эрмитажных времен, друга, члена-корреспондента Российской академии художеств Николая Николаевича Никулина, которого хорошо знал и любил и чью кончину в 2009 г. очень тяжело переживал. Вот его он считал истинным героем, солдатом-фронтовиком, дошедшим до Берлина и как особый его подвиг отмечал, что его Друг написал и опубликовал горькую, суровую и страшную правду о войне.

Очень мне запомнился один случай, произошедший в середине 1990-х гг., когда из небольшого городка Киров Калужской области поздней осенью приехал в очередной раз навестить меня отец, Яков Иванович (1917 г.р.). Сидим с ним и моими детьми, Кириллом и Федором, в квартире на Ленинском проспекте. Дед «возится» с внуками и вдруг звонит Абрам Давидович и говорит: «Я тут недалеко от тебя, можно зайду в гости, чаю попьем?». О чем речь, отвечаю, конечно, буду очень рад, жду, непременно заходите. Минут через 20 заходит Столяр с пирожными, знакомлю его с отцом. Пьем чай с пирожными, начинается неторопливая, несколько скучная беседа о жизни в российской глубинке, о погоде и прочей незамысловатой чепухе, как это бывает часто при встрече с незнакомыми людьми. В какой то момент на вопрос Абрама Давидовича отец отвечает, что он бывший кадровый военный, гвардии майор в отставке, воевал на Ленинградском фронте младшим лейтенантом, командиром роты, в одной из атак был серьезно ранен, фашистская разрывная пуля вошла в правое плечо и вышла в левое, вырвав кусок спины шириной около 8 см. И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Абрам Давидович оживился, резко встал и подошел к отцу. Тот тоже поднялся со стула и они молча крепко обнялись и долго так и стояли, как бы скрепляя фронтовое братство. А потом потекла оживленная беседа о военном лихолетье, которое они пережили и чудом остались живы, в процессе которой поступил вопрос-просьба, почти приказ: «Володя, неужели у тебя не найдется по 100 грамм старым встретившимся фронтовикам?». Принес, налили, стоя выпили за погибших друзей. Через пару часов, вдоволь наговорившись, прощались эти немолодые (обоим за 70) люди как родные, долго не видевшие друг друга люди. И тогда я вдруг осознал, почему многие воевавшие люди, в том числе и отец, и Абрам Давидович, так неохотно рассказывают о войне. Просто они понимают, что то, что они пережили, не только не передать словами, но будет еще и непонятно нам, не прошедшим таких страшных испытаний.

Эта встреча имела для меня особое значение и радостное продолжение в моей семье. Дело в том, что мой отец был, что называется, «военной косточкой» и всю жизнь хранил в душе надежду, что я пойду по его стопам и стану военным. Даже после того, как я в 14 лет переболел корью, давшей осложнение на глаза, и надел очки, он не оставил эту мечту, сказав: «Ну что же, будешь военным медиком». Я же, помотавшись с родителями 11 лет по разным военным городкам (Псковская область, Эстония и т.д.), эту идею не приветствовал, тем более «заболев» еще в 6 классе историей и археологией, но желая сохранить отцовское спокойствие и по совету мамы Анны Тимофеевны и деда Тимофея Ефимовича, которые хорошо были осведомлены от учителей о моем пристрастии, особенных возражений отцу не выказывал. Это мне, правда, «аукнулось» в дальнейшем. После окончания школы с выбором города поступления у меня проблем не было. На семейном совете решили — Ленинград, именно там врачи спасли от неминуемой смерти тяжело раненного отца. Как он вспоминал, помимо нескольких операций, первоклассного

ухода и, по возможности, усиленного питания ему еще ежедневно давали полстакана жидкого животного жира, чтобы затягивалась ужасная рваная рана на полспины. И это в блокадном, голодном городе. Отец прекрасно понимал, чего это стоило и забыть такое никогда не мог. А вот с ВУЗом было не так просто. Мои жалкие попытки сказать, что совсем не хочу быть ни медиком, ни военным, не имели ощутимых успехов. Тем более, что местный военкомат выдал мне направление-характеристику на поступление в ВОЕНМЕД им. Кирова. Так и уехал поступать. Только мать и дед Тимофей Ефимович Гавриков, участник трех войн (гренадер в Первую мировую, красный боец в Гражданскую, ездовой в Отечественную) знали про мое пристрастие, но держали это в тайне. После сдачи экзаменов послал телеграмму: поступил, правда, «скромно» не указав куда. А поступил я на вечернее отделение кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ и одновременно на завод токарем, благо уже дома имел третий разряд по этой специальности. Мой план раскрыт был через год, когда на станции Фаянсовой, что ближайшая к Кирову, меня поздней осенью встречали отец и дед. Увидев вытянувшегося на 10 см худого сына с рюкзаком, да еще с козлиной бородкой (прибыл прямо из студенческой Нижнедонской экспедиции Т.Д. Белановской), отец, опешив, «рвкнул» командирским голосом: «Почему не в форме, да еще и небрит». Дед, выручая внука, поняв, что дальше тянуть бессмысленно, сказал по-крестьянски просто: «Ну что ты, Яша, постой, охолонься, у них, у архИОЛУгов, такая форма». После этого отец долго со мной не разговаривал, переживая крушение своей мечты. Даже много позже, когда я закончил университет, аспирантуру, защитил диссертацию, побывал во многих зарубежных странах, отец все еще не редко ворчал: «Что это за профессия такая непонятная, пошел бы в военные, был бы уже полковником». Слегка смягчило это его неприятие, пожалуй, только, когда я ему заявил (грешен, присочинил), что защита кандидатской диссертации приравнивается к майорскому званию.

И вот тотчас, после встречи с Абрамом Давидовичем отца словно подменили. Долго восхищенно говорил о нем, уже убеждая меня, что раз меня учили такие люди, то он понимает мой выбор, что я должен гордиться знакомством с таким феноменальным человеком. Вот так, за пару часов, благодаря огромному обаянию Абрама Давидовича завершился застарелый семейный спор об археологии. А отец с тех пор стал даже делать вырезки из газет и журналов с материалами по археологии, демонстрировать их мне при встречах и требовать пояснений, если встречались непонятные места. И делал это до самой смерти.

Как-то ранней весной в конце 1980-х гг., когда я уже был начальником Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН, подошел ко мне на кафедре профессор Столяр и, загадочно улыбаясь, сказал: «Владимир Яковлевич (что уже было необычно, так он обращался ко мне разве только на конференциях, но никогда в быту), могу я Вас (опять необычно) попросить об одном одолжении? Помните, когда Вы нашли первые наскальные изображения на Кольском, я первый признал их подлинную древность. Не забыли? А я очень хочу поехать в экспедицию на Кольский север. Возьмете? Я давно это задумал, но пока экспедицию возглавляла Н.Н. Гурина никак не мог просить ее о зачислении в состав» (относился он к ней крайне негативно, называя «выдвиженкой», что имело в его понимании презрительный смысл). Отвечаю: «Конечно, Абрам Давидович, с удовольствием. Мы, в конце июня небольшой группой (шофер, я, фотограф Паша Иванов и геолог Гена Шейко) на машине ГАЗ-66 собираемся на полуостров Рыбачий в Мурманскую область. Будете пятым сотрудником». «Это там у тебя еще писаницы новые?»

спрашивает. «Да, еще и масса древних стоянок и мест героических событий последней войны». «Очень хорошо, только одно условие—зачислишь меня в состав экспедиции ЛАБОРАНТОМ». «Да что Вы, Абрам Давидович, хотите, чтобы меня все гуманитарные учреждения страны высмеяли и подвергли остракизму? “Слыхали, у Шумкина в экспедиции профессор Столяр в лаборантах ходит”. Хуже не придумаешь». Но убедить не смог. Пришлось идти другим путем. В Институте оформил его ведущим научным сотрудником, д.и.н., профессором, как и полагается, но попросил чистую копию командировочного удостоверения, куда и вписал, помимо ФИО Столяра, должность ЛАБОРАНТ-КОНСУЛЬТАНТ. После экспедиции спустя год, правда, признался в подлоге, и милостиво был прощен.

И вот доехав на машине до Мурманска, закупив продовольствие, встречаем Столяра в аэропорту. Появляется профессор в шляпе, летнем темно-сером дождевике, обут в полуботинки, с небольшим рюкзачком на плече и с туго набитым портфелем (как потом выяснилось, там были непрочитанные газеты «Аргументы и факты» за многие месяцы). Уговариваем его сесть в кабину. Сопrotивляется, говорит—никаких привилегий, как все. Убеждаем только тем, что я ему обещал показать Кольскую тундру, а из кузова многого не увидишь. Тихо говорю шоферу: «Сперва едем в Печенгу, надо экипировать профессора, иначе домой не вернем». В Печенге покупаем ему фуфайку, шапку, сапоги резиновые, помню, ярко розовые (других на его ногу не было). Зашли в книжный, где Абрам Давидович скупил все экземпляры книги В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба», посчитав удобным, раз мы на машине, добавив: «Буду дарить друзьям правдивую литературу».

По дороге на Рыбачий он восторгался суровой красотой тундры, особенно впечатлил перевал между «матерой» землей и полуостровом Средний, где дорога (если можно так назвать направление пути) всего в несколько километров «позволяет» даже такой мощной машине, как ГАЗ–66 двигаться со скоростью не более 2 км. в час. И вот мы прибыли в место слияния рек Майка и Пяйве, где будем изучать обнаруженные нами недавно писаницы. Соорудили лагерь (поставили шестиместную старенькую палатку, устроили очаг). Приступили к работе. Все что касалось быта и нашего стремления освободить Профессора от мелких хозяйственных забот, встречало его самое ожесточенное сопротивление. Он с энтузиазмом брался за любую работу: колоть дрова, носить воду, собирать дрова, разжигать огонь, даже ловить рыбу. Правда, надо сказать, что это у него довольно плохо получалось. Сибиряк-геолог Гена, проведенный в якутской тайге почти четверть века, в шутку присвоил ему квалификацию «рубщик дров 2 класса», что профессор принял с явной гордостью, пока не узнал от экзаменатора, что высший класс в этом деле десятый. С рыбалкой тоже был такой случай. Я дал ему в руки удилице, насадил червяка на крючок и сказал: «Закидывайте в воду, тут полно мелкой форели». Это, правда, он и так знал, т.к. Паша Иванов в 20 метрах от нас на противне уже жарил около 10 форелей. Увидев через минуту уныло стоящего Столяра с удилицем в руке, с поплавком давно ушедшим под воду, я громко крикнул ему: «Тащите». Мощный взмах удилица и рыба, взметнувшись ввысь, падает за его спиной. Он хватает рыбу и мчится к очагу, где слегка отстранив кулинара Павла, бережно кладет ее на свободное место на противень. Подождав пять минут, проговорив: «Вот, наконец-то и я добытчик», снимает с огня противень и начинает уплетать уже жареных форелей. Остановившись только где-то после пятой рыбины, он с горечью и в то же время осуждающе обращается ко мне: «Вот всегда так, Володя, ты же знаешь, что я блокадник, мне сколько не положи, все съем, мне нужно класть маленькими порциями, вот теперь всех оставил без ужина».

И это все под громкий добродушный хохот, т.к. в это самое время подошел к костру Гена с куканом на котором было около 15 только что пойманных форелей.

Было у нас всего два марлевых полога от комаров, их было мало в сей год, да и с моря ветерок сдувал. Мы решили один отдать шоферу (он спал в машине), а второй Столяру, который тут же заявил: «Никаких дискриминаций для меня, повесим торжественно внутри на входе в палатку». И настоял на своем.

А вот в осмыслении творчества древних художников на местных скалах ему не было равных. Мы уже давно обсуждали тему, как технически были выполнены краской (охрой, смешанной с жиром) эти изображения. Профессор несколько часов просидев перед рисованной профильной фигурой оленя, вдруг потребовал кружку с водой и отойдя к свободному месту на скальном останце, объявив мастер-класс, окунул три пальца в воду и уверенными поочередными движениями пальцев обозначил такую же фигуру. Затем победно вытер пальцы на поверхности вышележащего скального блока. Кстати, позднее мы нашли слабо различимые такие же охристые следы вытирания пальцев древнего живописца прямо над изображением одного из оленей. Ай да Профессор! А про сохранности Пяйвенских писаниц в течение многих тысяч лет Столяр высказался так. Древние люди заботливо располагали изображения под небольшими природными скальными «козырьками» и наносили их на поверхность в сухой период. А природная краска со временем въелась в камень. И подобные «проникновения» в жизнь древнего человека случались и позднее, на многих других памятниках, в частности, на петроглифах норвежской Альты, шведском Немфоршене, на Поное, на писаницах Финляндии.

Были и комически-трагические случаи. Погода стояла очень хорошая, тем более полярный день, и как-то, выбрав свободное время, мы решили с целью разведки прогуляться недалеко, на 8–10 км вдоль моря. Выбрали маршрут, но вначале нужно было перейти реку Майку, неширокую, метров 15 шириной и глубиной около 1 м. Лодки, конечно, не было. Пришлось переходить вброд. Разделись, держа в руках одежду и обувь, вышли на противоположный берег. Стали одеваться, обуваться. Смотрю, Абрам Давидович оделся, но свои розовые сапоги заботливо пакует под карликовые березки. Явно, что-то задумал. И точно, говорит, не хочу их поргить, и ноги заодно помассирую. Уговоры не удались. Поначалу все было хорошо, шли не быстро, но бодро, а потом началась сухая тундра с высохшим ягелем, а он как жесткая щетка, хрустит под ногами, да и острые каменистые участки стали попадаться. Сперва Столяр хорохорился: замечательный массаж, слабо, молодежь. Потом стал прихрамывать, а когда вышли к морю, то совсем обезножил, да и раненая нога давала себя знать. Вышли мы к морю на большой прекрасный песчаный пляж. Искупались в Баренцевом море, Столяру намного полегчало, он остудил и замочил ноги в морской воде, но мы уже понимали, что босиком ему обратно не дойти, поэтому стали рыскать по прибрежной линии в поисках какой либо обуви, зная, что мимо нашего полуострова проходит международная морская линия перевозок, а с судов море часто взимает дань, смывая при штормах с палуб всякую мелочь, в том числе и обувь, и услужливо выбрасывает ее на берег. Так и есть, набрали с десятков разнокалиберной обуви, разобрали на правую и левую и подобрали по размеру. Обратились шли медленно, но уже без больших остановок. Когда подошли к переправе, профессор первым делом кинулся к своим знаменитым сапогам и, любовно прижав их к груди, уже с нашей поддержкой («босоногое» путешествие давало себя знать) перешел реку. Но и после он расставался с сапогами только для ночлега. Так и вернулся в Питер на машине и в розовых сапогах. А потом долго хранил их на антресолях, иногда надевая в торжественных случаях, например, помню, при поездке на дачу.

Не менее показательный случай произошел у нас в палатке, да такой, что чуть нас привел в обморок, а все в результате своеобразного столяровского юмора. Дело было так. Ночуем в палатке, на входе повешен марлевый полог, параллельно лежат четверо мужчин, ногами ко входу. Первый, справа налево, у стенки я, далее Столяр, потом Паша Иванов и с другой стороны, тоже у стенки Гена Шейко. Шофер метра в 10 спит в машине. Тихо, комаров нет, время, где-то 3 часа ночи, а незаходящее в июле полярное солнце «жарит» меня в левую щеку. Заснуть не могу. Полез левой рукой в карман палатки, вынул из пачки беломорину и спички и, немного приоткрыв полог, закурил. Курю, стараясь выпускать дым за палатку, но вдруг чувствую, что Столяр зашевелился и, вроде, приподнимается. Значит, не спит, как и я. «Дым мешает?», спрашиваю, «извините, знаю что Вы курить бросили». А он «нет», говорит, «продолжай», и рукой машет в свою сторону. «Обещали в Венгрию пустить для чтения лекций, но условие поставили, если курить брошу. Курить-то я бросил, а в Венгрию так и не пустили, а покурить все равно хочется, так я по-цыгански покурю, хоть дым понюхаю». потушил я папироску, не спим. И вдруг Абрам Давидович тихо говорит, да таким необычным, даже жалостливым голосом, какого я от него никогда не слышал: «Беда у меня, Володя, приключилась». Я напрягся. Говорю: «У нас лекарства разные есть в аптечке. Что болит, нога?». «Нет», говорит, «хуже». «Желудок?» «Нет». «Может быть с сердцем? Давайте я подниму нашего шофера и мы Вас в Печенгу, к врачу». «Да нет, тут никакая Печенга уже не поможет». Тут уже и наши «сопалаточники» зашевелились, поскольку разговор стал принимать серьезный оборот и становился все громче. И тут Профессор совсем трагическим голосом спрашивает: «Как ты считаешь, я жадный человек?» «Да что Вы, ну разве только до знаний». А он продолжает тем же голосом: «Скажи честно, когда ты был студентом, я много, часто вас мучил?» «Что вы, Абрам Давидович, мы вас все очень любили и уважали, ну а если и были строги иногда, так это только для нашей пользы». А сам думаю, ну, дела принимают совсем трагический характер, прямо предсмертная исповедь. И тут Гена Шейко громко его спрашивает: «Абрам (он единственный из нас с самого первого дня звал его только по имени, т.к. был близок по возрасту) так что случилось? Чем помочь? Сейчас носилки смастерю, спальник положим и в Печенгу». «Что, что», отвечает, «как тут можно помочь в такой беде...». Тут мне совсем уже плохо становится, спрашиваю: «Что за беда такая с Вами приключилась?» и смотрю на профессора в упор, стараясь рассмотреть какие-нибудь признаки недомогания. А он вдруг так хитро в полуулыбке, громко, уже обычным своим голосом провозглашает: «Конечно, как не беда — еврей». Тут я совсем стушевался, не зная, что сказать, чтобы не обидеть профессора, ведь любая моя реплика за или против этого его утверждения выглядела бы несуразно. Нашелся Гена, спросив: «Абрам, а что ты, прожив на свете уже более 60 лет, до сих пор этого не знал?» И тут раздался всеобщий, включая и шутника, такой хохот, что через пять минут прибежал полуголый шофер с криком: «Что, пожар или гуляем?». Теперь уже мудрый Паша выдал: «Еще одна такая шуточка, Абрам Давидович, и мы все поедем, но не в Печенгу, а прямо в желтый дом». А водитель потом утром долго нас пытал, чего мы так ночью веселились, выпивали, наверное, а его не позвали, на что ему резонно отвечали, что весь алкоголь именно у него в машине, в ящике, на котором он спит. Но никто сию тайну ему так и не выдал.

Немало еще случалось забавного в этой и других Кольских экспедициях (на Поное, в Ловозеро), в заграничных поездках, на конференциях, всего и не перечислить. Но оставим это для других случаев, иначе придется составлять многостраничную повесть. А если

добавить его собственные рассказы про своих коллег, учителей, которыми он особенно был богат и щедро с нами делился, то вообще целый роман получится

Многих, кому посчастливилось встречаться на жизненном и научном пути с Абрамом Давидовичем, поражали его острый ум, юмор, цепкая память, увлеченность работой, теплое, доброжелательное отношение к людям, готовность помочь, поддержать словом и делом. Заслуживает искреннего уважения его трепетное отношение к учителям и коллегам, которое неизменно передавалось новым поколениям.

Абрам Давидович навсегда останется в сердцах всех своих многочисленных друзей, младших товарищей, учеников. С любовью и благодарностью будем помнить прекрасного человека, доброго учителя, Почетного профессора СПбГУ Абрама Давидовича Столяра, горестно сознавая, одновременно уход и блестяще одаренной личности, и целой эпохи в петербургской археологии.

Рис. 1 А.Д. Столяр в Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН у скального останца с писаницами на р. Пяйве (п-ов Рыбачий)

Сенаторов С.Н.

КЕРАМИКА СТОЯНКИ АЛИМОВСКИЙ НАВЕС В КРЫМУ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ИЗ РАСКОПОК А.Д. СТОЛЯРА В 1955–1956 гг.

Сенаторов, Сергей Николаевич—кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург, senatorov-s@yandex.ru.

В статье приводится краткий анализ коллекции керамических материалов из археологических раскопок А.Д. Столяра в 1955–1956 гг. стоянки Алимовский навес Бахчисарайского района Республики Крым. В верхнем перемешанном культурном слое этой стоянки были встречены фрагменты керамики от эпохи керамического неолита до новейшего времени. Анализ архивных и фондовых материалов показал, что лепная посуда этого памятника относится к периоду существования трех археологических культур Крыма. Первая культура представлена одним фрагментом керамики периода керамического неолита Таш-аирской культуры. Ко второй—Протокеми-обинской культуре эпохи крымского энеолита—относятся два фрагмента керамики. Близкие по форме и орнаментации сосуды известны в керамических комплексах различных культур эпохи энеолита Поднепровья второй половины V—первой половины IV тыс. до н.э. Третья культура представлена фрагментами посуды первого этапа Кизил-кобинской культуры эпохи поздней бронзы—раннего железа XII–IX вв. до н.э. и одним фрагментом сосуда третьего этапа (таврского) этой культуры второй половины VI—первой половины IV в. до н.э. Редкой категорией находок является фрагмент боспорского рыбного блюда V в. до н.э., который свидетельствует о контактах местных таврских племен с греческими полисами Боспора.

Ключевые слова: керамический неолит Крыма, энеолит Крыма, таш-аирская культура, протокеми-обинская культура, нижнемихайловская культура, кизил-кобинская культура, тавры, Боспор, лепная керамика, рыбное блюдо V в. до н.э.

CERAMICS OF THE ALIMOVSKY NAVES SITE IN THE CRIMEA:
BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE HERMITAGE
FROM THE EXCAVATIONS OF A.D. STOLYAR IN 1955–1956

Senatorov, Sergey Nikolaevich—Candidate of Science in History, the Senior Research Fellow, the State Hermitage, Russian Federation, Saint-Petersburg, senatorov-s@yandex.ru.

The article provides a brief analysis of the collection of ceramic materials from the archaeological excavations of A.D. Stolyar in 1955–1956 of the Alimovsky naves site in the Bakhchisarai district of the Republic of Crimea. In the upper mixed cultural layer of this site, fragments of ceramics from the Neolithic Ceramic era to modern times were found. Analysis of archival and stock materials showed that the handmade ware of this monument belongs to the period of existence of three archaeological cultures of the Crimea. The first culture is represented by one fragment of pottery from the period of the ceramic Neolithic of the Tash-Air culture. Two ceramic fragments belong to the second ProtoKemi-Oba culture of the Crimean

Eneolithic period. Similar in shape and ornamentation vessels are known in ceramic complexes of various cultures of the Eneolithic period of the Dnieper region of the second half of the V—first half of the IV millennium BC. The third culture is represented by fragments of utensils of the first phase of Kizil-Koba culture of the Late Bronze Age—early iron age 12–9th centuries BC and one fragment of a vessel of the third stage (Taurus) this culture of the second half of 6—first half of 4th century BC. A rare category of finds is a fragment of a Bosporan fish dish of the 5th century BC, which testifies to the contacts between the local tribes of the Taurian with the Greek city-states of the Bosporan Kingdom.

Key words: ceramic Neolithic of the Crimea, Eneolithic of the Crimea, Tash-Air culture, Protokemi-Oba culture, Lower Mikhaylovka culture, Kizil-Koba culture, Tauri, Bosporus, handmade ceramics, fish dish of the 5th century BC.

Открытие и изучение целого ряда археологических памятников Крыма эпохи камня—раннего железного века тесно связаны с исследовательской деятельностью А.Д. Столяра. Научные результаты археологических раскопок курганов эпохи бронзы—раннего железного века, проведенных им наряду с другими исследователями в 1954 г. в долине реки Салгир¹, и в настоящее время не утратили своего значения². Однако значительная часть коллекционных материалов из раскопок исследователя остается пока не введенной в научный оборот.

Настоящая работа посвящена публикации небольшой коллекции керамических материалов эпохи неолита—раннего железного века стоянки Алимовский навес, происходящих из раскопок А.А. Формозова в 1952 г. и А.Д. Столяра в 1955–1956 гг.

Стоянка Алимовский навес³ расположена в 1 км к юго-западу от с. Баштановка (быв. Пычки) Бахчисарайского района Республики Крым (Рис. 1)⁴. Она была открыта в августе 1952 г. Палеозоологической экспедицией Зоологического института АН СССР в составе палеонтолога И.М. Громова и студентки Ленинградского государственного университета А.В. Таттар⁵. Тогда же аспирантом Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР⁶ А.А. Формозовым на памятнике были определены общие размеры навеса (длина 52 м, ширина 12 м, высота до 20 м) и заложен разведочный шурф⁷.

¹ Шульц П.Н., Столяр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1958. Вып. 71. С. 53–64; Столяр А.Д., Щепинский А.А.: 1) Археологические памятники Симферопольского водохранилища (часть I) // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 81–96; 2) Курганы у Симферопольского водохранилища (часть 2) // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 34–50.

² Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины реки Салгир // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 47–58.

³ По данным Н.А. Абрамовой и А.В. Севастьянова в краеведческой литературе встречается название Алимов навес. См.: Абрамова Н.А., Севастьянов А.В. Глава об археологических памятниках долины реки Качи из неопубликованной работы Н.И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до гнузцев. СПб., 2017. С. 286. Прим. 9.

⁴ Горный Крым. Карта 2010 г. [Электронный ресурс]. См. по адресу: http://www.etomesto.ru/map-krum_gornyi/. (ссылка последний раз проверялась 29.12.2020).

⁵ Громов И.М. Ископаемые верхнечетвертичные грызуны Предгорного Крыма. М., 1961. С. 5.

⁶ Ныне—Институт археологии РАН.

⁷ Формозов А.А. Отчет об археологических разведках 1952 г. в Крымской области // Архив Института археологии РАН. Д. № Р–1/663. Л. 16.

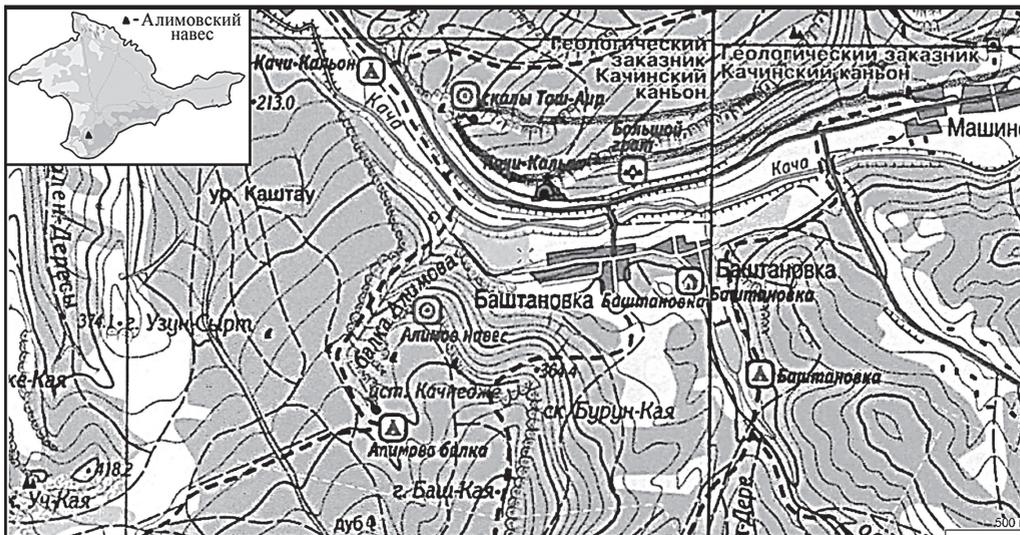

Рис. 1 Расположение стоянки Алимовский навес на карте Крыма 2010 г. По: Горный Крым. Карта 2010 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.etomesto.ru/map-krum_gorniy/. (Дата обращения: 29.12.2020)

Шурфовка показала, что культурный слой памятника разделен на две части обрушившимися в древности известняковыми плитами и камнями свода навеса. По предварительной оценке исследователя первая верхняя часть культурного слоя содержала фрагменты керамики, связанные с кизил-кобинской культурой⁸. Вторая нижняя часть слоя по находкам каменной индустрии была отнесена к эпохе неолита и раннего металла⁹.

В октябре 1955—феврале 1956 г. А.Д. Столяр, находясь в должности старшего научного сотрудника в составе Баштановского отряда археологической экспедиции (начальник—П.Н. Шульц) Отдела истории и археологии Крымского филиала АН УССР¹⁰, предпринял (совместно с А.А. Щепинским) раскопки Алимовского навеса.

На сегментовидной площадке навеса длиной 50 м и шириной 15 м исследователем был заложен раскоп общей площадью 80 кв. м и глубиной, доходящей на участке кв. 9Г до 3,7–4,0 м. Материалы раскопок поступили в Государственный Эрмитаж (Табл. 1)¹¹.

В результате работ А.Д. Столяра была установлена следующая стратиграфия памятника. Верхний культурный слой стоянки содержал смешанные находки средневекового¹² и татарского¹³ времени, а также обломки лепной керамики кизил-кобинской культуры. Нижний культурный пласт, перекрытый камнями и крупной щебенкой рухнувшего

⁸ Материалы раскопок А.А. Формозова поступили в Бахчисарайский историко-археологический музей. Шифр: Музей пещерных городов (Бахчисарай). № 5802. КП 6092.

⁹ Формозов А.А. Исследования стоянок каменного века в Крыму // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1954. Вып. 54. С. 67–70.

¹⁰ Ныне—Крымский филиал Института археологии РАН.

¹¹ Описание хранения № 118 Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

¹² Фрагменты стенок амфор с широкими желобками и кружальной посуды VI–XI вв. См.: Фонды ГЭ. Оп. хр. 118. № 22 и др.

¹³ Фрагменты «турецких» курительных трубок (Фонды ГЭ. Оп. хр. 118. № 548, 567), вероятно, XVII–XIX вв. См.: Зайцев И.В. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2. С. 24.

в древности свода, был разделен исследователем на четыре стратиграфических слоя, содержащих различный кремневый инвентарь. Три верхних слоя (I–III) были отнесены к тарденуазской, а самый нижний слой (IV)—к азильской фазе¹⁴ эпохи мезолита¹⁵. При этом отмечалось присутствие единичных кремневых изделий эпохи раннего неолита в верхнем тарденуазском слое (I)¹⁶.

Таблица 1

Категории коллекционных материалов стоянки Алимовский навес

Категории предметов	Материал	Эпоха	Культура	Кол-во номеров хранения	%	Дата
Керамика лепная	Глина	Керамический неолит	Таш-Аирская	1	0,1	Последняя треть VII—1-я пол. V тыс. до н.э.
—	—	Энеолит	Протокеми-обинская	1	0,1	2-я пол. V—1-я пол. IV тыс. до н.э.
—	—	Поздняя бронза-Ранний железный век	Кизилкобинская	79	5,5	XII–IX вв. до н.э.
—	—	Позднеархаическая - классическая	Кизилкобинская / Таврская	1	0,1	2-я пол. VI—1-я пол. IV в. до н.э.
—	—	Не определено	Не определено	26	1,8	—
Керамика кружальная	—	Классическая	Боспорская	1	0,1	V в. до н.э.
—	—	Средневековая	Византийская, Салтово-маяцкая	31	2,2	VI–XI вв. н.э.
Курительные трубки	—	—	Татарская / Османская	2	0,2	XVII–XIX вв. н.э.
Костяные предметы	Органика	Не определено	Не определено	4	0,3	—
Створки морских раковин	—	—	—	4	0,3	—
Орудия труда	Камень	Мезолит—Энеолит	Шанкобинская, Мурзаккобинская, Таш-Аирская, Протокеми-обинская	1270	89,4	XII—1-я пол. IV тыс. до н.э.
ВСЕГО				1420	100,1	

¹⁴ Азильская культура финального палеолита и тарденуазская мезолитическая культура бытовали на территории Северо-Восточной Франции. См.: Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей. Киев, 2006. С. 10, 260. По мнению исследователей П. Бьяджи и Б. Киосака: «Такие прямые параллели с классической периодизацией каменного века Франции сейчас представляются невозможными, в то же время (они—С.С.) носили прогрессивный характер и служили установлению реальной картины развития материальной культуры в конце плейстоцена—раннем голоцене». См.: Бьяджи П., Киосак Д. Новые даты для финального палеолита и мезолита Горного Крыма // Человек в истории и культуре. Одесса, 2017. С. 188.

¹⁵ Столяр А.Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 84. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 39–40, 44. Рис. 11, 18.

Оценивая в целом значимость работ А.Д. Столяра на стоянке Алимовский навес, важно отметить, что предложенная им стратиграфическая колонка нижнего пласта этой стоянки прочно вошла в научный обиход исследователей каменного века Крыма. При этом часть микролитов в виде трапеций из верхнего слоя I В.Ю. Коен предлагал называть «Алимовским типом», который может служить одним из хронологических индикаторов ранненеолитических памятников¹⁷, а Н.П. Оленковский выделяет в Крыму группу ранненеолитических памятников «таш-аирско-алимовского типа»¹⁸.

Возвращаясь к собственно керамике Алимовского навеса¹⁹, необходимо отметить три фрагмента лепной посуды (Рис. 2, 2а; 4, 1,3) из верхнего перемешанного слоя этой стоянки, которые были опубликованы и отнесены А.А. Щепинским к ранней фазе бытования керамики кая-арасинского типа эпохи неолита—раннего энеолита Крыма IV—начала III тыс. до н. э.²⁰

В целом всю рассматриваемую коллекцию керамики стоянки Алимовский навес можно разделить на четыре группы: 1) эпохи неолита; 2) эпохи энеолита (Рис. 2, 1–2), 3) кизил-кобинской культуры (Рис. 4, 1–8) и 4) кружальной посуды античного классического времени (Рис. 2, 3).

Керамика первой группы представлена одним фрагментом стенки лепного сосуда с выгоревшими при обжиге растительными примесями в тесте²¹. По наблюдению

¹⁷ Коен В.Ю. Неолитическая стоянка Кафка-Богаз в Крыму // Каменный век на территории Украины. Киев, 1990. С. 67. Важно отметить, что периодизация и культурная атрибуция слоев I–IV нижнего пласта стоянки Алимовский навес определяется специалистами неоднозначно. Одна часть исследователей каменную индустрию слоя I (См.: *Формозов А.А.* Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 73. С. 39; *Коен В.Ю.* Неолитическая стоянка Кафка-Богаз в Крыму. С. 70) или I–III (См.: *Колосов Ю.Г.* Некоторые вопросы истории неолита Крыма // Советская археология. 1963. № 3. С. 261. Подписи к Рис. 2) связывают с эпохой раннего неолита. Слой I этой стоянки по данным Л.Г. Мацкевой может относиться к позднетарденуазскому-ранненеолитическому времени или бескерамическому неолиту. См.: *Мацкевой Л.Г.* Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977. С. 158. К бескерамическому периоду неолита относит этот же слой и А.А. Яневич. См.: *Яневич О.О.* Таш-аирська неолітична культура Гірського Криму // Кам'яна доба України. Київ, 2004. Вип. 5. С. 175. Другая часть специалистов связывает кремневый инвентарь нижнего слоя Алимовского навеса с Мурзак-кобинской (См.: *Буров Г.М.* Энциклопедия крымских древностей. С. 13. Слой I) и Шан-кобинской культурами Горного Крыма (См.: *Телегин Д.Я.* Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Мезолит СССР. М., 1989. С. 108. Нижний слой; *Буров Г.М.* Энциклопедия крымских древностей. С. 13. Слой II–IV; *Залізняк Л.Л.* Стародавня історія України. Київ, 2012. С. 94. Слой III–IV; *Яневич О.О.* Шан-Кобинська культура // Енциклопедія історії України. Київ, 2013. Т. 10. С. 593. Слой II–IV). Обе культуры датируются соответственно второй половиной IX–VII тыс. до н. э. и XII—первой половиной IX тыс. до н. э. См.: *Яневич О.О.*: 1) Мурзак-Кобинська культура // Енциклопедія історії України. Київ, 2010. Т. 7. С. 135; 2) Шан-Кобинська культура. С. 593. Выделяется предположение Д.Я. Телегина об отношении стоянки Алимовский навес в целом к Горнокрымской мезолитической культуре. См.: *Телегин Д.Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев, 1985. С. 14–15, 18–19. Табл. 3.

¹⁸ Оленковский Н.П. Неолит Присивашья. Херсон, 2012. С. 114–115.

¹⁹ Выражаю искреннюю благодарность хранителю Государственного Эрмитажа С.М. Осташиному и бывшим в 1981 г. сотрудниками Бахчисарайского историко-археологического музея Г.И. Золотовой и И.И. Лободе за помощь и ценные советы в работе с материалами Алимовского навеса.

²⁰ Щепинский А.А. Ранний энеолит Крыма // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. I. С. 320, 323. Рис. 86, 4–6. Два фрагмента лепной керамики (Рис. 4, 1, 3), опубликованные А.А. Щепинским, идентифицировать не удалось, но судя по форме и орнаменту, они относятся, скорее всего, не к эпохе энеолита, а к раннему этапу кизил-кобинской культуры (см. далее).

²¹ Фонды Государственного Эрмитажа. Оп. хр. № 118. № 565. Обломок найден на границе квадратов 8Г и 9Г (глубина от 0,45 до 1,2 м) в слое сухой, золистой земли, содержащей перемешанные

А.А. Формозова, для подобной керамики характерна пористость и хрупкость черепка²², что позволяет отнести данный фрагмент к эпохе неолита или керамического неолита таш-айрской культуры²³ конца VI—первой половины V тыс. до н. э.²⁴

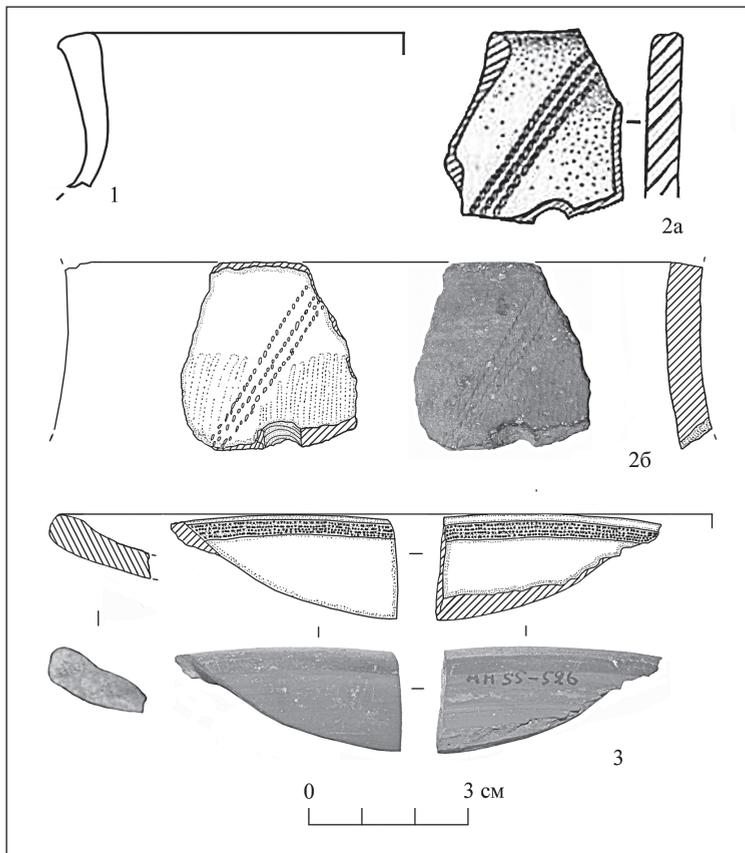

Рис. 2 Керамика стоянки Алимовский навес:

- 1—Венчик лепного сосуда. (Бахчисарайский историко-археологический музей, шифр Музей пещерных городов 5802); 2, а, б—Стенка лепного сосуда. Кв. 7–3, щебенистый грунт. Глубина 0,25 м. (ГЭ, оп. хр. 118, АН-55/668); 3—Венчик боспорского кружального рыбного блюда V в. до н. э. Кв. 8Д–8Е–9Д, темный золистый грунт. Глубина до 0,8 м. (ГЭ, оп. хр. 118, АН-55/526).
1—Раскопки А.А. Формозова. Шурф 1952 г.; 2а, б–3—Раскопки А.Д. Столяра 1955 г.
2а—По: Щепинский, 1985. С. 323. Рис. 86,5

керамические материалы кизил-кобинской культуры и средневекового времени, включая «турецкие» курительные трубки.

²² Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // Материалы Института археологии. 1962. № 102. С. 95, 113.

²³ Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М., 1960. С. 33, 42–43. Слои VI, Va.

²⁴ Яневич О.О. Таш-айрська неолітична культура Гірського Криму. С. 175. По данным В.А. Манько, таш-айрская неолитическая культура в целом может датироваться третьей четвертью VII—концом VI тыс. до н. э. См.: Манько В.О. Розвиток неолітичних культур на території України: подолання запрограмованості на певний тип ландшафту // Людина та ландшафт: первісна археологія Східної Європи. Київ, 2017. (Vita antiqua. № 9). С. 169–170. Рис. 6–8.

Ко второй группе относятся лишь два фрагмента разных сосудов. Их тесто сравнительно плотное с примесью мелких частиц известняка, кварца и толченых раковин.

Первый фрагмент (Рис. 2, 1) представлен отогнутым наружу прямым венчиком горшка с выделенным, слегка нависающим краем. Диаметр венчика сосуда 14 см. Внешняя поверхность подлощенная, черного цвета. Профиль венчика отдаленно напоминает форму венчиков сосудов «с выступом наружу» по классификации Н.С. Котовой, относящихся к посуде эпохи энеолита различных культур юга Восточной Европы²⁵.

Второй фрагмент (Рис. 2, 2а-б) относится к орнаментированной слабо отогнутой шейке диаметром 12 см (край венчика не сохранился), вероятно, горшковидного сосуда. Обе поверхности обломка заглажены, серо-бурого цвета. В его нижней части сохранились следы вертикального заглаживания гребенкой (расчески) и часть сквозного отверстия для починки сосуда. Орнамент состоит из трех косых параллельных поясков-насечек, выполненных оттиском перевитого шнура и зубчатого штампа, которые, вероятно, были частью орнаментальной композиции в виде «зигзага».

Подобная орнаментация характерна, по определению А.А. Щепинского, для керамики крымских памятников курцевского типа эпохи позднего неолита—раннего энеолита, например, поселения Курцы I (Рис. 3, 7)²⁶, а также поселений кая-арасинского типа²⁷, например, Ласпи I (Рис. 3, 6)²⁸ эпохи раннего энеолита²⁹.

Кроме того, орнамент такого типа, расположенный под венчиком и на горле сосудов, известен на керамике памятников Поднепровья эпохи энеолита: 1) Каменка, группа V, курган 4, погребение 5, тризна (Рис. 3, 1) стоговской культуры, датируемой 4100(?)–3900/3800 гг. до н. э.³⁰; 2) Озерное, курган 1, погребение 3 (Рис. 3, 2)³¹; Калиновка, группа II, курган 4, погребение 8 (Рис. 3, 3); поселение Молухов бугор (Рис. 3, 4) нижнемихайловской культуры³² или группы памятников 4150–3650 гг. до н. э.³³; 3) поселение Деревивка, жилище 2 (Рис. 3, 5) дереивской культуры 4300–3650 гг. до н. э.³⁴

Таким образом, орнаментация данного фрагмента Алимовского навеса находит аналогии в энеолитических культурах Поднепровья, синхронных среднему энеолитическому

²⁵ Котова Н.С.: 1) Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. С. 21, 176. Рис. 3, 12; 2) Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков, 2015. С. 15. Табл. 2, 4.

²⁶ Щепинский А.А. Ранний энеолит Крыма. С. 322–323. Рис. 85, 1.

²⁷ Фрагмент лепного орнаментированного сосуда, найденный в верхнем слое (слой 0) стоянки Кая-Арасы, возможно, относится не к кизил-кобинской культуре (См.: Телиженко С.А., Весельский А.П. Исследования на многослойном памятнике Кая Арасы // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 179, 186. Рис. 4, 1), а ко времени не позднее эпохи ранней бронзы.

²⁸ Телегин Д.Я., Котова Н.С. Энеолитическое поселение Ласпи-1 в Крыму // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. Вип. 5. С. 46, 51. Рис. 5, 10.

²⁹ Щепинский А.А. Ранний энеолит Крыма. С. 321.

³⁰ Rassamakin J.J. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Mainz, 2004. Teil I. S. 104, 211. Abb. 84, 2.

³¹ Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2006. Вып. 12. С. 5, 19. Рис. 3, 3; Rassamakin J.J. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit Gräber ... S. 129. Abb. 103, 19.

³² Rassamakin J.J. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit Gräber ... S. 121. Abb. 98, 8; S. 193. Abb. 130, 6.

³³ Котова Н.С. Деревивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков, 2013. С. 153.

³⁴ Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 35. Рис. 20, 1; Котова Н.С. Деревивская культура и памятники Нижнемихайловского типа. С. 153, 193. Рис. 37, 7.

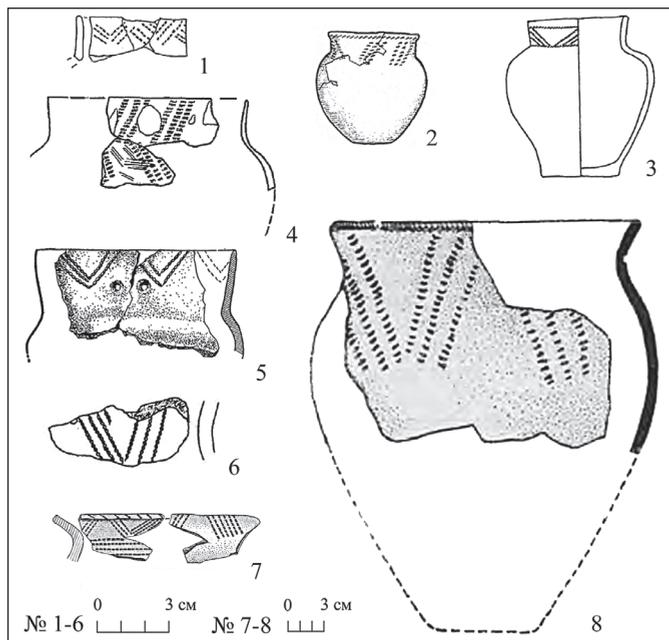

Рис. 3 Лепная керамика Поднепровья и Крыма:

1—Каменка, группа V, курган 4, погребение 5, тризна; 2—Озерное, курган 4, погребение 3; 3—Калиновка, группа II, курган 4, погребение 8; 4—поселение Моллюхов бугор; 5—поселение Деревивка, жилище 2; 6—поселение Ласпи I; 7—поселение Курцы I; 8—поселение Михайловка, средний слой.

1—Стоговская культура; 2-4—Нижнемихайловская культура; 5—Деревивская культура; 6—Кая-Арасинский тип; 7—Курцевский тип; 8—Ранний этап Ямной культуры.

1-7—эпоха энеолита; 8—эпоха ранней бронзы.

1-5,8—памятники Поднепровья; 6-7—памятники Крыма.

1-4—По: Rassamakin, 2004. S. 104. Abb. 84, 2; S. 129. Abb. 103, 9; S. 121. Abb. 98, 8; S. 193.

Abb. 130, 6; 5—По: Телегин, 1973. С. 35. Рис. 20, 1; 6—По: Телегин, Котова, 2006. С. 51.

Рис. 5, 10; 7—Щепинский, 1985. С. 322. Рис. 85, 1; 8—По: Лагодовська, Шапошникова,

Макаревич, 1962. С. 91. Табл. IX, 8

периоду VII—CI трипольской культуры второй половины V—первой половины IV тыс. до н. э. (4600–3400/3200 гг. до н. э.³⁵ или 4200–3500 гг. до н. э.³⁶), что позволяет оба

³⁵ *Відейко М.Ю.* Нова хронологія Кукутени-Трипілля // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ, 2004. С. 113; *Овчинников Е.В.* Трипільська культура Канівського Подніпров'я (етапи V II-C I). Київ, 2014. С. 8. Вместе с тем, крымские энеолитические памятники Гурзуф и Петровская балка А.А. Яневич датирует 5250–3500 гг. до н. э., ограничивая их верхнюю хронологическую границу первой половиной IV тыс. до н. э. См.: *Яневич О.О.* Таш-аїрська неолітична культура Гірського Криму. С. 175. Для обоих памятников имеются и другие датировки в пределах 4605+/-90—2635+/-90 гг. до н. э. (См.: *Фирсов Л.В.* Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, 1976. С. 166) и 3400–3000 гг. до н. э. (См.: *Телегин Д.Я.* О хронологии и периодизации культур неолита и медного века юго-запада Восточной Европы... // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 117).

³⁶ *Reingruber A., Rassamakin Ju.* Zwischen Donau und Kuban: Das nordpontische Steppengebiet im 5. Jt. v. Chr. // Der Schwarzmeer Raum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.). Rahden, 2016. S. 302. Abb. 40.

рассматриваемых обломка отнести к керамическому комплексу памятников Крыма эпохи энеолита³⁷.

В Крыму А.А. Щепинский выделяет три культурные группы энеолитических памятников: курцевскую, кая-арасинскую и «раковинных куч»³⁸. Материальная культура этих памятников и, в частности, керамики стоянок Курцы, Кая-Арасы и Таш-Аир (слой V), по справедливому наблюдению О.Г. Шапошниковой, близка материалам памятников нижнемихайловской культуры Поднепровья³⁹, что может свидетельствовать о тесных культурных связях древнего населения Крыма и Поднепровья в эпоху энеолита.

Проблемы культурной принадлежности, происхождения и датировки энеолитических памятников Крыма пока остаются недостаточно разработанными и спорными⁴⁰. Рассматривая погребальные памятники степного энеолита Крыма, Ю.А. Рассмакин называет их «докеми-обинскими»⁴¹. Данный термин удачно отражает более раннюю хронологическую позицию и определенное сходство этих сооружений с кеми-обинскими памятниками, а также их принадлежность к крымскому локальному варианту энеолитических культур Северного Причерноморья и Кавказа. На данном этапе исследований к докеми-обинской или, условно, протокеми-обинской культуре можно отнести и все памятники Крыма эпохи энеолита, которые предшествовали собственно кеми-обинской культуре⁴² эпохи ранней бронзы⁴³.

Третья группа лепной керамики представлена 80-ю фрагментами сосудов различных категорий кизил-кобинской культуры, выделенных А.Д. Столяром (Табл. 1). Еще 3 фрагмента керамики хранятся в Бахчисарайском музее (Рис. 4, 1–3). Тесто сосудов плотное с примесью мелких частиц известняка.

Орнаментированная посуда представлена: горшками, кувшинами и кубками.

К категории горшков относится плавно отогнутый наружу короткий венчик крупного сосуда (Рис. 4, 2) диаметром 28 см с грубой внешней поверхностью бурого цвета. Еще два фрагмента (Рис. 4, 4–5), диаметр шейки которых составляет 18 и 14 см, украшены на плечевой части горизонтальным налепным валиком. Поверхности сосудов слабо заглажены, серого и бурого цвета. Сюда же можно отнести стенку сосуда (Рис. 4, 3), у которого горизонтальный валик дополнен фрагментом налета в виде опускающегося «уса».

³⁷ Впрочем, подобная орнаментация украшала посуду и позднее — в эпоху ранней бронзы. Однотипный орнамент известен, например, на горшке из второго (среднего) слоя поселения Михайловка (Рис. 3, 8) раннего этапа ямной культуры (См.: *Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайлівське поселення. Київ, 1962. С. 81, 91. Табл. IX, 8; *Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г.* Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом, 2005. С. 28, 60, 62. Рис. 29, 5), датированного 3550–3200 гг. до н. э. (См.: *Котова Н.С.* Деривская культура и памятники Нижнемихайловского типа. С. 103).

³⁸ *Щепинский А.А.* Ранний энеолит Крыма. С. 320.

³⁹ *Шапошникова О.Г.* Памятники нижнемихайловского типа // *Археология Украинской ССР*. Киев, 1985. Том первый. Первобытная археология. С. 325, 329.

⁴⁰ *Тесленко Д.Л.* К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект) // *Бронзовый век Восточной Европы*. Самара, 2001. С. 25–32; *Тоцев Г.Н.* К вопросу о Кеми-обинской культуре // *Древности 2004*. Харьков. ист.-археол. ежегодник. Харьков, 2004. Т. 5. С. 96–113.

⁴¹ *Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л.* Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита. С. 30.

⁴² *Щепинский А.А.* Кеми-Обинская культура // *Археология Украинской ССР*. Киев, 1985. Т. I. С. 320, 331–336.

⁴³ *Тоцев Г.Н., Каишуба М.Т.* Кеми-оба. К 60-летию открытия кургана и культуры раннего бронзового века // *Археологические вести*. СПб., 2017. Вып. 23. С. 336.

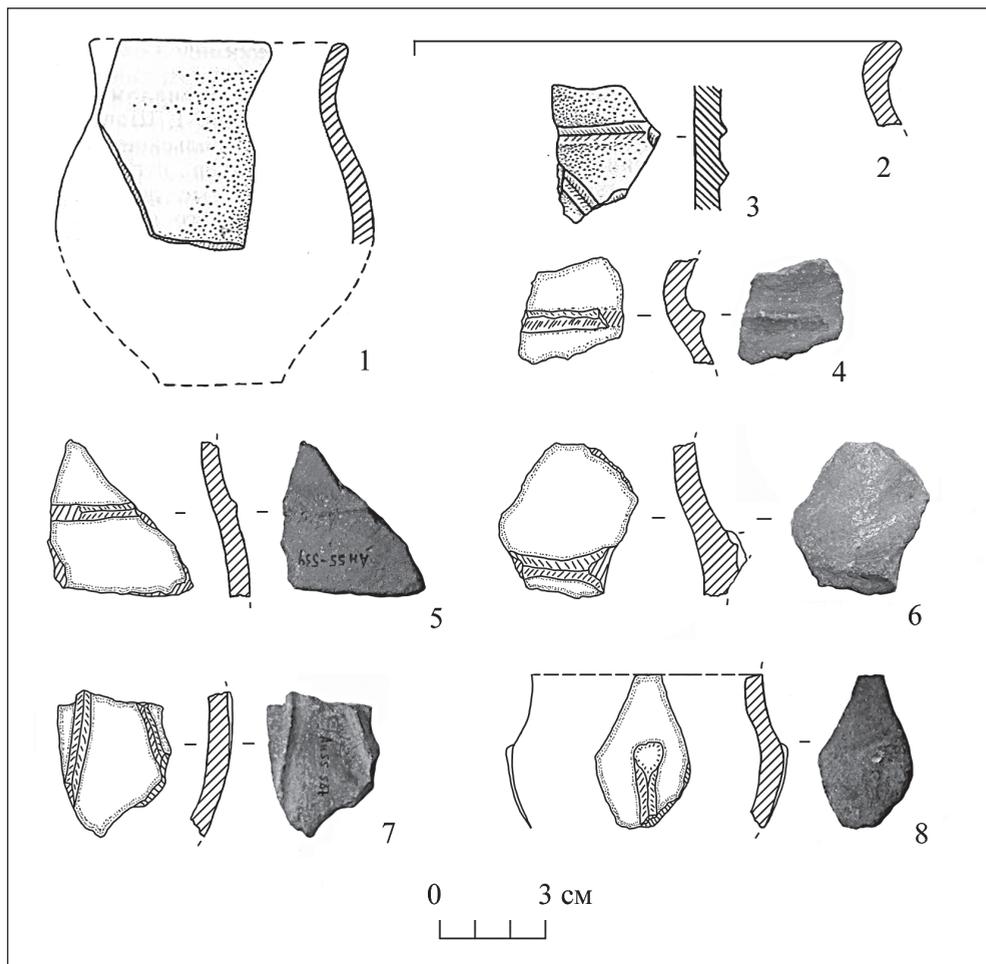

Рис. 4 Лепная керамика кизил-кобинской культуры стоянки Алимовский навес:

1, 3—По: Щепинский, 1985. С. 323. Рис. 86,5-6;

2—Венчик лепного сосуда. Раскопки А.А. Формозова. Шурф 1952 г.

(Бахчисарайский историко-археологический музей. КП 6098).

4-8—Стенки лепных сосудов. Раскопки А.Д. Столяра 1955 г.:

4—Кв. 7-3. Щебенистый грунт. Глубина до 0,25 м (ГЭ, оп. хр. 118, АН-55/669);

5, 8—Кв. 8Д-8Е-9Д. Темный золистый грунт. Глубина до 0,8 м (ГЭ, оп. хр. 118, АН-55/534-535);

6—Кв. 7Е. Под северо-восточной частью большой плиты. Глубина до 0,95 м

(ГЭ, оп. хр. 118, АН-55/102); 7—Кв. 8Г-9Г. Темный золистый грунт. Глубина 0,8-1,3 м

(ГЭ, оп. хр. 118, АН-55/587)

Категория кувшинов представлена двумя фрагментами стенок двух разных сосудов с диаметром тулова 14 см. Обе поверхности первого фрагмента (Рис. 4, 6) бурого цвета. Внешняя сторона лощеная, а внутренняя—заглажена. На обломке частично сохранился горизонтальный валик, переходящий, предположительно, в налеп или основание нижнего прилепа вертикальной ручки. Второго фрагмент (Рис. 4, 7) относится к стенке средней части тулова сосуда. Его поверхности заглажены. Внешняя сторона бурого цвета, внутренняя—серого. Обломок украшен орнаментом, состоящим из двух налепных

валиков, которые либо опускались по обеим сторонам несохранившейся вертикальной ручки, как предполагал А.Д. Столяр⁴⁴, либо являлись нижней частью налепа в виде «подковы».

Фрагмент стенки кубка (Рис. 4, 8) с диаметром тулова 8 см имеет заглаженные поверхности черного и серого цвета. Плечо сосуда украшено круглым плоским налепом, от которого опускается часть налепного валика. Кроме того, к категории кубков с диаметром венчика 7 см, вероятно, относится и фрагмент сосуда (Рис. 4, 1), опубликованный А.А. Щепинским⁴⁵.

Рассмотренные фрагменты находят аналогии в керамических комплексах памятников раннего этапа кизил-кобинской культуры⁴⁶ XII–IX вв. до н. э.⁴⁷ или «около конца» XII–XI — второй половины IX — первой половины VIII в. до н. э.⁴⁸

Кроме того, два фрагмента венчика толстостенного крупного лепного сосуда бурого цвета с примесью частиц известняка в тесте А.Д. Столяр отнес к таврской культуре⁴⁹, которая может соответствовать третьему этапу кизил-кобинской культуры. Для лепной керамики этого этапа характерен ранний тип гребенчатого орнамента второй половины VI — первой половины IV в. до н. э.⁵⁰ или середины VI — конца V в. до н. э.⁵¹ Однако выделить в коллекции соответствующую этому этапу лепную орнаментированную посуду не удалось.

⁴⁴ По личному сообщению хранителя Государственного Эрмитажа С.М. Осташинского, дополнительная надпись: «(переход к ручке)», выполненная карандашом и уточняющая основной текст описания фрагмента сосуда (ГЭ. Опись хранения 118. № 587), принадлежит, предположительно, А.Д. Столяру.

⁴⁵ *Щепинский А.А.* Ранний энеолит Крыма. С. 323. Рис. 86,4.

⁴⁶ *Шульц П.Н.* О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 241, 243; *Лесков А.М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965. С. 19.

⁴⁷ *Сенаторов С.Н.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология. Автореферат диссертации канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 14–16.

⁴⁸ *Кравченко Э.А.* Археологические источники к изучению хозяйственной деятельности // От бронзы к железу: хозяйство жителей Инкерманской долины (по материалам исследований поселений Уч-Баш и Сахарная Головка). Киев, 2016. С. 43. Ранний этап кизил-кобинской культуры датируется исследователями неоднозначно в пределах конца эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века XII–VIII вв. до н. э. См. обзор литературы: *Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VI. С. 8–17; *Бондаренко М.Е.* Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н. э.). М., 2010. С. 4; *Лучинский (Лунин) Н.Д.* Кизил-кобинская культура: Проблема этнической атрибуции. Доклад 2018 г. Рукопись. 27 л. [Электронный ресурс] // См. по адресу: https://www.academia.edu/37944481/Кизил_кобинская_культура_проблема_этнической_атрибуции. (ссылка последний раз проверялась 29.12.2020 г.). Примечательно, что исследователи эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья выделяют очень узкую территорию южнобережного Крыма и для кизил-кобинских памятников эпохи поздней бронзы (См.: *Черниенко Ю.А., Бруяко И.В.* Северо-Западное Причерноморье и соседние территории в эпоху поздней бронзы // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 934. Карта 5), синхронных белозерской культуре XII–X вв. до н. э. (См.: *Ванчугов В.П.* Белозерская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 2013. С. 329).

⁴⁹ Фонды Государственного Эрмитажа. Опись хранения № 118. № 3. Обломки найдены на границе квадратов 7Д–7Е в верхнем слое глубиной до 0,25 м.

⁵⁰ *Сенаторов С.Н.* Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология. С. 18.

⁵¹ *Кравченко Е.А.* Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк, 2011. С. 235. Рис. 195. Горизонт VII–К.

К четвертой группе керамики относится фрагмент венчика кружального красноглиняного сосуда (Рис. 2, 3) диаметром 25 см, покрытого бурым лаком и украшенного с обеих сторон вдоль края узкими поясками черного лака. По предварительному определению С.Л. Соловьева данный фрагмент принадлежит греческому рыбному блюду V в. до н. э., скорее всего, боспорского производства, подражающего импортным образцам греческих полисов северной Ионии⁵².

Вместе с тем, единичные фрагменты античной керамики V в. до н. э. сравнительно редко, но все же встречаются на памятниках кизил-кобинской (таврской) культуры⁵³. Эти находки могут свидетельствовать об определенных связях (торговых, хозяйственных и др.) таврских племен V в. до н. э. не только с греческим населением Херсонеса или Керкинитиды, но также и с Боспором.

Таким образом, рассмотренная керамика позволяет подтвердить и уточнить предположение А.А. Формозова, А.Д. Столяра и А.А. Щепинского о том, что стоянка Алимовский навес была обитаема, вероятно, с перерывами не только в эпоху мезолита и раннего неолита, но и в период керамического неолита, энеолита и, возможно, ранней бронзы. Кроме того, на стоянке прослеживается присутствие местного населения, связанного с ранним этапом кизил-кобинской культуры эпохи поздней бронзы—раннего железа, а также классического времени V в. до н. э.

Список литературы

Абрамова Н.А., Севастьянов А.В. Глава об археологических памятниках долины реки Качи из неопубликованной работы Н.И. Репникова «Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 272–307.

Бондаренко М.Е. Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н. э.). М.: МАКС Пресс, 2010. 128 с.

Буров Г.М. Энциклопедия крымских древностей: Археологический словарь Крыма. Киев: Издательский дом «Стилос», 2006. 528 с.

Бьяджи П., Киосак Д. Новые даты для финального палеолита и мезолита Горного Крыма // Человек в истории и культуре. Одесса: Ирбис, 2017. С. 187–197.

Ванчугув В.П. Белозерская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья: (К 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса: ООО РИА «СМИЛ», 2013. С. 316–334.

Видейко М.Ю. Нова хронологія Кукутені-Трипілля // Трипільська цивілізація у спадщині України. Київ: Вид. центр. «Просвіта», 2004. С. 106–117.

Громов И.М. Ископаемые верхнечетвертичные грызуны Предгорного Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 191 с.

Зайцев И.В. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. М.: Изд-во «Учитель», 2011. № 2. С. 13–33.

Залізняк Л.[Л.] Стародавня історія України. Київ: Темпора, 2012. 542 с.

⁵² Выражаю искреннюю благодарность С.Л. Соловьеву за определение античной керамики и помощь в работе.

⁵³ *Савеля О.Я.* Некоторые результаты работ севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Херсонесский сборник. Севастополь, 1997. Вып. VIII. С. 88; *Сенаторов С.Н.* Кизил-кобинское поселение Тас-Тепе в Юго-Западном Крыму // Археологический сборник. Гос. Эрмитаж. СПб., 2015. Вып. 40. С. 86.

Коен В.Ю. Неолитическая стоянка Кафка-Богаз в Крыму // Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей. Киев: Наукова думка, 1990. С. 63–70.

Колосов Ю.Г. Некоторые вопросы истории неолита Крыма // Советская археология. 1963. № 3. С. 257–264.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины реки Салгир // История и археология Крыма. Симферополь: ИП Бровка А.А., 2016. Вып. III. С. 47–78.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка—эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом, 2005. 316 с.

Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. 486 с.

Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан, 2015. 154 с.

Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Вид-во СНУ ім В. Даля, 2006. 328 с.

Кравченко Е.А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: Волинські старожитності, 2011. 272 с.

Кравченко Э.А. Археологические источники к изучению хозяйственной деятельности // От бронзы к железу: хозяйство жителей Инкерманской долины (по материалам исследований поселений Уч-Баш и Сахарная Головка). Киев: ИА НАН Украины, 2016. С. 37–74.

Крайнов Д.А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 7–122.

Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ: Видавництво АН УРСР, 1962. 248 с.

Лесков А.М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.

Лучинский (Лунин) Н.Д. Кизил-кобинская культура: Проблема этнической атрибуции. Доклад 2018 г. Рукопись. 27 л. [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/37944481/Кизил_кобинская_культура_проблема_этнической_атрибуции. (ссылка последний раз проверялась 29.12.2020 г.).

Манько В.О. Розвиток неолітичних культур на території України: подолання запрограмованості на певний тип ландшафту // Людина та ландшафт: первісна археологія Східної Європи. Київ: Видавничий-поліграфічний центр «Київський університет», 2017. С. 152–170. (Vita antiqua. № 9).

Мацкевой Л.Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1977. 180 с.

Овчинников Е.В. Трипільська культура Канівського Подніпров'я (етапи VII–CI). Київ: Видавець Олег Філюк, 2014. 406 с.

Оленковський Н.П. Неолит Присивашья. Херсон: Айлант, 2012. 176 с.

Рассамакин Ю.Я., Евдокимов Г.Л. Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита // Донецкий археологический сборник. Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, 2006. Вып. 12. С. 4–31.

Савеля О.Я. Некоторые результаты работ севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Херсонесский сборник. Севастополь: Изд-во «Ахтиар», 1997. Вып. VIII. С. 88–95.

Сенаторов С.Н. Кизил-кобинское поселение Тас-Тепе в Юго-Западном Крыму // Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. Вып. 40. С. 74–87.

Сенаторов С.Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Типология и хронология: Автореферат диссертации канд. ист. наук. СПб., 2002. 22 с.

Столяр А.Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 84. С. 38–44.

Столяр А.Д., Щепинский А.А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища (часть I) // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 1980. С. 81–96.

Столяр А.Д., Щепинский А.А. Курганы у Симферопольского водохранилища (часть 2) // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 1981. С. 34–50.

Телегин Д.Я. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 352 с.

Телегин Д.Я. О хронологии и периодизации культур неолита и медного века юго-запада Восточной Европы. Понятие о неозеолитическом времени региона // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 106–121.

Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР: (Карта местонахождений). Киев: Наукова думка, 1985. 185 с.

Телегин Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка, 1973. 172 с.

Телегин Д.Я., Котова Н.С. Энеолитическое поселение Ласпи-1 в Крыму // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ: СНУ ім. Володимира Даля, 2006. Вип. 5. С. 41–51.

Телиженко С.А., Весельский А.П. Исследования на многослойном памятнике Кая Арасы // Самарский научный вестник. Т. 3. № 3 (8). Самара: Изд-во Самар. Гос. соц.-пед. ун-та, 2014. С. 178–189.

Тесленко Д.Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект) // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: СамГПУ, Науч. техн. центр, 2001. С. 25–32.

Тоцев Г.Н. К вопросу о Кемпи-обинской культуре // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: НМЦ «МД», 2004. Т. 5. С. 96–113.

Тоцев Г.Н., Кашуба М.Т. Кемпи-оба. К 60-летию открытия кургана и культуры раннего бронзового века // Археологические вести. СПб.: ИИМК РАН, 2017. Вып. 23. С. 336–344.

Фирсов Л.В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976. 224 с.

Формозов А.А. Исследования по каменному веку Крыма в 1956 году // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 73. С. 39–47.

Формозов А.А. Исследования стоянок каменного века в Крыму // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1954. Вып. 54. С. 62–70.

Формозов А.А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа (материалы к изучению неолита Юга СССР) // Неолит и энеолит юга европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 89–149.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: ООО «Керченская городская типография», 2004. Вып. VI. 240 с.

Черниенко Ю.А., Бруяко И.В. Северо-Западное Причерноморье и соседние территории в эпоху поздней бронзы // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья: (К 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса: ООО РИА «СМИЛ», 2013. С. 934. Карт. 5.

Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1985. Том первый. Первобытная археология. С. 324–331.

Шульц П.Н., Столяр А.Д. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1958. Вып. 71. С. 53–64.

Шульц П.Н. О некоторых вопросах истории тавров // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 235–272.

Щепинский А.А. Ранний энеолит Крыма // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1985. Том первый. Первобытная археология. С. 320–324.

Щепинский А.А. Кемпи-Обинская культура // Археология Украинской ССР. Киев: Наукова думка, 1985. Том первый. Первобытная археология. С. 331–336.

Яневич О.О. Мурзак-Кобинська культура // Енциклопедія історії України. Київ: Наукова думка, 2010. Т. 7. С. 135.

Яневич О.О. Таш-аїрська неолітична культура Гірського Криму // Кам'яна доба України. Київ: Шлях, 2004. Вип. 5. С. 169–190.

Яневич О.О. Шан-Кобинська культура // Енциклопедія історії України. Київ: Наукова думка, 2013. Т. 10. С. 593.

Rassamakin Ju.Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2004. Teil I. Text. 234 s. (Archäologie in Eurasien. Band 17).

Reingruber A., Rassamakin Ju. Zwischen Donau und Kuban: Das nordpontische Steppegebiet im 5. Jt. v. Chr. // Der Schwarzmeer Raum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.): Kulturelle Interferenzen in der zirkumpontischen Zone und Kontakte mit ihren Nachbargebieten. Rahden-Westf.: Verlag M. Leidorf GmbH, 2016. S. 273–310. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 30).

References

Abramova, N.A., Sevast'yanov, A.V. Glava ob arkheologicheskikh pamiatnikakh doliny reki Kachi iz neopublikovannoi raboty N.I. Repnikova «Materialy k arkheologicheskoi karte iugozapadnogo nagor'ia Kryma» [The chapter on the archaeological sites of the Kachi river valley from the unpublished work of N.I. Repnikov “Materials for the archaeological map of the southwestern highlands of Crimea”], in *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do gneuztsev*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia Press, 2017. P. 272–307. (In Rus.).

Bondarenko, M.E. *Tavry. Etnograficheskaia kharakteristika drevnikh plemen gornogo Kryma (I tys. do n. e.)* [Taurus. Ethnographic characteristics of the ancient tribes of the mountainous Crimea (1st millennium BC)]. Moscow: MAKS Press, 2010. 128 p. (In Rus.).

Burov, G.M. *Entsiklopediia krymskikh drevnostei: Arkheologicheskii slovar' Kryma* [Encyclopedia of Crimean Antiquities: Archaeological Dictionary of Crimea]. Kiev: Izdatel'skii dom «Stilos» Press, 2006. 528 p. (In Rus.).

B'iadzhi, P., Kiosak, D. Novye daty dlia final'nogo paleolita i mezolita Gornogo Kryma [New dates for the final Paleolithic and Mesolithic of Mountainous Crimea], in *Chelovek v istorii i kul'ture*. Odessa: Irbis Publ., 2017. P. 187–197. (In Rus.).

Chernienko, Iu.A., Bruiako, I.V. Severo-Zapadnoe Prichernomor'e i sosednie territorii v epokhu pozdnei bronzy [Northwestern Black Sea Region and Neighboring Territories in the Late Bronze Age], in *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia: (K 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy)*. Odessa: OOO RIA «SMIL» Press, 2013. P. 934. Map 5. (In Rus.).

Firsov, L.V. *Etiudy radiouglerodnoi khronologii Khersonesa Tavricheskogo* [Studies of radiocarbon chronology of Tauric Chersonesos]. Novosibirsk: Nauka Press, Sibirskoe otdelenie, 1976. 224 p. (In Rus.).

Formozov, A.A. Issledovaniia po kamennomu veku Kryma v 1956 godu [Research on the Stone Age of Crimea in 1956], in *KSIMK*. 1959. Vol. 73. P. 39–47. (In Rus.).

Formozov, A.A. Issledovaniia stoinok kamennogo veka v Krymu [Research of Stone Age sites in Crimea], in *KSIMK*. 1954. Vol. 54. P. 62–70. (In Rus.).

Formozov, A.A. Neolit Kryma i Chernomorskogo poberezh'ja Kavkaza (materialy k izucheniju neolita Juga SSSR) [Neolith of Crimea and Caucasian shore of Black sea (materials for Study of Neolith of South of USSR), in *Neolit i jeneolit juga evropejskoi chasti SSSR*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Press, 1962. P. 89–149. (In Rus.).

Gromov, I.M. *Iskopaemye verkhnechetvertichnye gryzuny Predgornogo Kryma* [Fossil Upper Quaternary rodents of the Piedmont Crimea]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Press, 1961. 191 p. (In Rus.).

Ianevich, O.O. Murzak-Kobins'ka kul'tura [Murzak-Koba culture], in *Entsiklopediia ic-topii Ukraini*. Kiiv: Naukova dumka Press, 2010. Vol. 7. P. 135. (in Ukr).

Ianevich, O.O. Shan-Kobins'ka kul'tura [Shan-kobin culture], in *Entsiklopediia ic-topii Ukraini*. Kiiv: Naukova dumka Press, 2013. Vol. 10. P. 593. (in Ukr).

Ianevich, O.O. Tash-air's'ka neolitichna kul'tura Girs'kogo Krimu [Tash-Air Neolithic culture of the Mountain Crimea], in *Kam'iana doba Ukraini*. Kiiv: Shliakh Press, 2004. Vol. 5. P. 169–190. (in Ukr).

Khrapunov, I.N. Etnicheskaia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke [Ethnic history of Crimea in the early Iron Age], in *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol'; Kerch': OOO «Kerchenskaia gorodskaia tipografiia» Publ., 2004. Vol. VI. 240 p. (In Rus.).

Koen, V.Iu. Neoliticheskaia stoinka Kafka-Bogaz v Krymu [Neolithic site Kafka-Bogaz in Crimea], in *Kamennyi vek na territorii Ukrainy: Nekotorye aspekty khoziaistva i etnokul'turnykh sviazei*. Kiev: Naukova dumka Press, 1990. P. 63–70. (In Rus.).

Kolosov, Iu.G. Nekotorye voprosy istorii neolita Kryma [Some questions of the history of the Neolithic of Crimea], in *Sovetskaja archeologija*. 1963. Is. 3. P. 257–264. (In Rus.).

Koltukhov, S.G., Senatorov, S.N. Pogrebeniia predskifskogo i skifskogo vremeni v kurganakh doliny reki Salgir [Burials of the pre-Scythian and Scythian times in the barrows of the Salgir river valley], in *Istoriia i arkheologija Kryma*. Simferopol': IP Brovko A.A. Press, 2016. Iss. III. P. 47–78. (In Rus.).

Korobkova, G.F., Shaposhnikova, O.G. *Poselenie Mikhailovka — etalonnyi pamiatnik drevneiarnoi kul'tury (ekologija, zhilishcha, orudiia truda, sistemy zhizneobespecheniia, proizvodstvennaia struktura)* [The settlement of Mikhailovka is a reference monument of ancient pit

culture (ecology, dwellings, tools, life support systems, production structure)]. Saint-Petersburg: Evropeiskii dom Press, 2005. 316 p. (In Rus.).

Kotova, N.S. *Dereivskaia kul'tura i pamiatniki Nizhnemikhailovskogo tipa* [Dereivskaya culture and monuments of the Lower Mikhaylovsky type]. Kiev; Khar'kov: Maidan Press, 2013. 486 p. (In Rus.).

Kotova, N.S. *Drevneishaia keramika Ukrainy* [The oldest ceramics of Ukraine]. Kiev; Khar'kov: Maidan Press, 2015. 154 p. (In Rus.).

Kotova, N.S. *Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ia i Priazov'ia* [Early Eneolithic of the steppe Dnieper and Azov]. Lugansk: Vid-vo SNU im V. Dalia Press, 2006. 328 p. (In Rus.).

Krajnov, D.A. *Peshhernaja stojanka Tash-Air I kak osnova periodizacii poslepaleoliticheskikh kul'tur Kryma* [Tash-Air I cave site as a basis for periodization of post-Paleolithic cultures of the Crimea]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Press, 1960. № 91. S. 7–122. (In Rus.).

Kravchenko, E.A. *Kizil-kobins'ka kul'tura u Zakhidnomu Krimu* [Kizil-kobinska culture in the Western Crimea]. Kiïv; Luts'k: Volins'ki starozhitnosti Press, 2011. 272 p. (in Ukr.).

Kravchenko, E.A. *Arkheologicheskie istochniki k izucheniiu khoziaistvennoi deiatel'nosti* [Archaeological sources for the study of economic activities], in *Ot bronzy k zhelezu: khoziaistvo zhitelei Inkermanskoi doliny (po materialam issledovanii poselenii Uch-Bash i Sakhar-naia Golovka)*. Kiev: IA NAN Ukrainy Press, 2016. P. 37–74. (In Rus.).

Lagodovs'ka, O.F., Shaposhnikova, O.G., Makarevich, M.L. *Mikhailivs'ke poselennia* [Mikhailovskoe settlement]. Kiïv: Vidavnistvo AN URSR Press, 1962. 248 p. (in Ukr.).

Leskov, A.M. *Gornyi Krym v I tysiacheletii do nashei ery* [Mountain Crimea in the 1st millennium BC]. Kiev: Naukova dumka Press, 1965. 198 p. (In Rus.).

Luchinskii (Lunin), N.D. *Kizil-kobinskaia kul'tura: Problema etnicheskoi atributsii*. Doklad 2018 g. Rukopis'. 27 l [Kizil-Koba culture: The problem of ethnic attribution. Report 2018. Manuscript. 27 p.] [Elektronnyi resurs], in URL: https://www.academia.edu/37944481/Kizil_kobinskaia_kul'tura_problema_etnicheskoi_atributsii. (last visit 29.12.2020). (In Rus.).

Man'ko, V.O. *Rozvitok neolitichnih kul'tur na teritorii Ukraini: podolannja zaprogramovanosti na pevnij tip landshaftu* [Development of Neolithic cultures on the territory of Ukraine: overcoming programming for a certain type of landscape], in *Ljudina ta landshaft: pervisna arheologija Shidnoi Evropi*. Kiïv: Vidavnichij-poligrafichnij centr «Kiïvs'kij universitet» Press, 2017. P. 152–170. (Vita antiqua. № 9). (in Ukr.).

Matskevoi, L.G. *Mezolit i neolit Vostochnogo Kryma* [Mesolithic and Neolithic of Eastern Crimea]. Kiev: Naukova dumka Press, 1977. 180 p. (In Rus.).

Olenkovskii, N.P. *Neolit Prisivash'ia* [Neolithic Sivash]. Kherson: Ailant Press, 2012. 176 p. (In Rus.).

Ovchinnikov, E.V. *Tripil's'ka kul'tura Kanivs'kogo Podniprovia (etapi BII-CI)* [Trypillian culture of the Kanev Podneiprovyie (stages BII-CI)]. Kiïv: Vidavets' Oleg Filiuk Press, 2014. 406 p. (in Ukr.).

Rassamakin, Ju.Ja. *Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr.* Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2004. Teil I. Text. 234 p. (Archäologie in Eurasien. Bd. 17). (in Germ.).

Reingruber, A., Rassamakin, Ju. *Zwischen Donau und Kuban: Das nordpontische Steppegebiet im 5. Jt. v. Chr., in Der Schwarzmeer Raum vom Neolithikum bis in die Früheisenzeit (6000–600 v. Chr.): Kulturelle Interferenzen in der zirkumpontischen Zone und Kontakte mit ihren Nachbargebieten*. Rahden-Westf.: Verlag M. Leidorf GmbH, 2016. P. 273–310. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 30). (in Germ.).

Savelia, O.Ia. Nekotorye rezul'taty rabot sevastopol'skoi arkhеologicheskoi ekspeditsii v okruge Khersonesa v 1990–1995 gg. [Some results of the work of the Sevastopol archaeological expedition in the Chersonesos district in 1990–1995.], in *Khersonesskii sbornik*. Vol. VIII. Sevastopol': Izd-vo «Akhtiar» Press, 1997. P. 88–95. (In Rus.).

Shaposhnikova, O.G. Pamjatniki nizhnemihajlovskogo tipa [Monuments of the lower Mikhailovsky type], in *Arheologija Ukrainskoj SSR*. Kiev: Naukova dumka Press, 1985. Vol. 1. Prehistorical archeology. P. 324–331. (In Rus.).

Shchepinskii, A.A. Kemi-Obinskaia kul'tura [Kemi-Oba culture], in *Arkheologija Ukrainskoj SSR*. Kiev: Naukova dumka Press, 1985. Vol. 1. Prehistorical archeology. P. 331–336. (In Rus.).

Shchepinskii, A.A. Rannii eneolit Kryma [Early Eneolithic of Crimea], in *Arkheologija Ukrainskoj SSR*. Kiev: Naukova dumka Press, 1985. Vol. 1. Prehistorical archeology. P. 320–324. (In Rus.).

Shul'ts, P.N. O nekotorykh voprosakh istorii tavrov [On some questions of the history of the Taurus], in *Problemy istorii Severnogo Prichernomor'ia v antichnuui epokhu*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Press, 1959. P. 235–272. (In Rus.).

Shul'ts, P.N., Stoliar, A.D. Kurgany epokhi bronzy v doline Salgira [Mounds of the Bronze Age in the Salgir Valley], in *KSIMK*. 1958. Vol. 71. P. 53–64. (In Rus.).

Senatorov, S.N. *Lepnaia keramika kizil-kobinskoj kul'tury: Tipologija i khronologija: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Handmade ceramics of the Kizil-Koba culture: Typology and chronology. Ph. D. of Historical Sciences]. Saint-Petersburg, 2002. 22 p. (In Rus.).

Senatorov, S.N. Kizil-kobinskoe poselenie Tas-Tepe v Iugo-Zapadnom Krymu [Kizil-Koba settlement Tas-Tepe in the South-Western Crimea], in *Arkheologicheskii sbornik. Gosudarstvennyi Ermitazh*. Saint-Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2015. Vol. 40. P. 74–87. (In Rus.).

Stoliar, A.D. Mezoliticheskie komplekсы Alimovskogo navesa v Krymu [Mesolithic complexes of the Alimovsky naves in Crimea], in *KSIA*. 1961. Vol. 84. P. 38–44. (In Rus.).

Stoliar, A.D., Shchepinskii, A.A. Arkheologicheskie pamiatniki Simferopol'skogo vodokhranilishcha (chast' I) [Archaeological sites of the Simferopol reservoir (part I)], in *Problemy arkheologii Severnoi Osetii*. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova Press, 1980. P. 81–96. (In Rus.).

Stoliar, A.D., Shchepinskii, A.A. Kurgany u Simferopol'skogo vodokhranilishcha (chast' 2) [Mounds near the Simferopol reservoir (part 2)], in *Katakombnye kul'tury Severnogo Kavkaza*. Ordzhonikidze: Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova Press, 1981. P. 34–50. (In Rus.).

Telegin, D.Ia. Mezolit Iugo-Zapada SSSR (Ukraina i Moldaviia) [Mesolithic of the South-West of the USSR (Ukraine and Moldova)], in *Mezolit SSSR*. Moscow: Nauka Press, 1989. 352 p. (In Rus.).

Telegin, D.Ia. O khronologii i periodizatsii kul'tur neolita i mednogo veka iugo-zapada Vostochnoi Evropy. Poniatie o neoneoliticheskom vremeni regiona [On the chronology and periodization of the Neolithic and Copper Age cultures of the southwest of Eastern Europe. The concept of the Neo-Eneolithic time of the region], in *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (khronologija neolita, osobennosti kul'tur i neolitizatsiia regionov, vzaimodeistviia neoliticheskikh kul'tur v Vostochnoi i Srednei Evrope)*. Saint-Petersburg: IIMK RAN Press, 2004. P. 106–121. (In Rus.).

Telegin, D.Ia. *Pamiatniki epokhi mezolita na territorii Ukrainskoj SSR: (Karta mestonakhozhdenii)* [Monuments of the Mesolithic era on the territory of the Ukrainian SSR: (Map of locations)]. Kiev: Naukova dumka Press, 1985. 185 p. (In Rus.).

Telegin, D.Ia. *Seredn'ostogivs'ka kul'tura epokhi midi* [Middle Stog culture of the copper era]. Kiiiv: Naukova dumka Press, 1973. 172 p. (in Ukr).

Telegin, D.Ia., Kotova, N.S. Eneoliticheskoe poselenie Laspi-1 v Krymu [Eneolithic settlement Laspi-1 in Crimea], in *Materiali ta doslidzhennia z arheologii Skhidnoi Ukraini*. Lugans'k: SNU im. Volodimira Dalia Press, 2006. Vol. 5. P. 41–51. (In Rus.).

Telizhenko, S.A., Vesel'skii, A.P. Issledovaniia na mnogosloinom pamiatnike Kaia Arasy [Research at the multi-layered site of Kai Arasa], in *Samarskii nauchnyi vestnik*. Samara: Izd-vo Samar. Gos. sots.-ped. un-t Press, 2014. Vol. 3. № 3 (8). P. 178–189. (In Rus.).

Teslenko, D.L. K voprosu o kul'turnoj prinalozhnosti pogrebenij v kamennykh grobnichakh stepnoj Ukrainy (istoriograficheskij aspekt) [On the question of the cultural identity of burials in stone tombs of steppe Ukraine (historiographic aspect)], in *Bronzovyy vek Vostochnoj Evropy: Charakteristika kul'tur, hronologija i periodizacija: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "K stoletiju periodizacii V.A. Gorodcova bronzovogo veka juzhnoj poloviny Vostochnoj Evropy"*. Samara: SamGPU: Nauch. tehn. Centr Press, 2001. P. 25–32. (In Rus.).

Toshhev, G.N. K voprosu o Kemi-obinskoj kul'ture [On the question of the Kemi-Obin culture], in *Drevnosti 2004. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik*. Har'kov: NMC «MD» Press, 2004. Vol. 5. P. 96–113. (In Rus.).

Toshhev, G.N., Kashuba, M.T. Kemi-oba. K 60-letiju otkrytija kurgana i kul'tury rannego bronzovogo veka [To the 60th anniversary of the discovery of the mound and the culture of the early Bronze Age], in *Arheologicheskie vesti*. Saint-Petersburg: IIMK RAN Publ., 2017. Vol. 23. P. 336–344. (In Rus.).

Vanchugov, V.P. Belozerskaia kul'tura [Belozersk culture], in *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia: (K 95-letiiu Natsional'noi akademii nauk Ukrainy)*. Odessa: OOO RIA «SMIL» Press, 2013. P. 316–334. (In Rus.).

Videiko, M.Iu. Nova khronologija Kukuteni-Tripillia [New chronology of Cucuteni-Tripoli], in *Tripil's'ka tsivilizatsiia u spadshchini Ukraini*. Kiiiv: Vid. tsentr. «Procvita» Press, 2004. P. 106–117. (in Ukr.).

Zaitsev, I.V. Tabak i kurenje v Krymu (XVII–XVIII vv.) [Tobacco and smoking in Crimea (XVII–XVIII centuries)], in *Istoriia i sovremennost'*. Moscow: Izd-vo «Uchitel'» Press, 2011. № 2. P. 13–33. (In Rus.).

Zalizniak, L.[L.] *Starodavnia istoriia Ukraïni* [Ancient history of Ukraine]. Kiiiv: Tempora Press, 2012. 542 p. (in Ukr.).

**СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ
АБРАМА ДАВИДОВИЧА СТОЛЯРА**

1. Мариупольский могильник // Сборник студенческих и аспирантских работ исторического факультета ЛГУ. Л., 1947. С. 3–56.
2. Переяславська маршрутна експедиція // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Вип. 3. С. 223–230. (Совм. с В.Н. Даниленко).
3. Опыт историко-культурного анализа Мариупольского могильника // КСИА. 1953. Вып. 2. С. 72–73.
4. Мариупольский могильник как исторический источник. Автореферат диссертации канд. истор. наук. Л., 1953. 24 с.
5. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950–1951 гг. // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 156–170.
6. Мариупольский могильник как исторический источник (опыт историко-культурного анализа памятника) // СА. 1955. Т. XXIII. С. 16–37.
7. Могильник мезолитического времени в с. Васильевки на Днепре // Советская антропология. 1957. № 2. С. 179–188.
8. Раскопки курганов у хут. Попово в 1950–1951 гг. // МИА СССР. 1958. № 62. С. 348–416.
9. Курганы эпохи бронзы в долине Сангира // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 53–64. (Совм. с П.Н. Шульцем).
10. К вопросу о построении музейно-археологической экспозиции // СА. 1958. № 4. С. 227–231. (Совм. с Г.П. Гроздиловым).
11. Выставка «Древнейшее прошлое Ленинградской области» // СГЭ. Л., 1958. Вып. XIV. С. 11–14. (Совм. с Я.В. Доманским).
12. Об одном центре одомашнивания свиньи // СА. 1959. № 3. С. 3–18.
13. Первый Васильевский мезолитический могильник // АСГЭ. Л., 1959. Вып. 1. С. 78–158.
14. Разведка третьего Васильевского могильника и изучение отдельных погребений в районе с. Васильевки // АСГЭ. Л., 1959. Вып. 1. С. 159–165.
15. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. 1960. № 2. С. 103–114. (Совм. с А.А. Формозовым).
16. Кубанская экспедиция 1958 года // СГЭ. Л., 1960. Вып. XVIII. С. 56–58. (Совм. с А.А. Формозовым)
17. Энеолитическое поселение Мешоко // Тезисы докладов, посвященные итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 год. Л., 1960. С. 33–37.
18. Об исторических корнях культуры надпрожского неолита // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 34–46.
19. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИИМК. 1961. Вып. 84. С. 38–44.
20. Мешоко—поселение майкопской культуры // Материалы по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 73–92.

21. Работы Северо-Кавказской экспедиции 1960 года // Тезисы ГЭ за 1960 год. Л., 1961. С. 16–18.
22. Первобытная культура // Вглубь веков. Книга о государственном Эрмитаже. Пособие для учителей истории. Л., 1961. С. 20–66. (Совм. с Я.В. Доманским).
23. Предисловие к археологическому сборнику Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 2. С. 3–4.
24. К вопросу об истоках первобытного искусства // Тезисы ГЭ за 1961 год. Л., 1961. С. 3–7.
25. По бесовым следам. Л., 1962. 247 с. (Совм. с Я.В. Доманским).
26. Кубанская экспедиция 1959–1960 годов // СГЭ. Л., 1962. Вып. XII. С. 49–54. (Совм. с А.А. Формозовым).
27. О родословном древе палеолитического изобразительного творчества // Тезисы ГЭ за 1962 год. Л., 1963. С. 3–9.
28. Раскопки энеолитического поселения Мешоко // Тезисы ГЭ за 1962 год. Л., 1963. С. 3–9.
29. Городище у дер. Серюпино // МИА СССР. 1963. № 110. С. 227–238. (Совм. с Л.П. Хлобыстиным).
30. «Мариупольский» могильник // Українська радянська енциклопедія. Київ, 1963. Т. 8. С. 236.
31. О роли «натурального макета» как исходной формы изобразительного творчества // АСГЭ. Л., 1964. Вып. 6. С. 20–52.
32. О женском образе верхнего палеолита // Тезисы ГЭ за 1963 год. Л., 1964. С. 3–12.
33. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тезисы ГЭ за 1963 год. Л., 1964. С. 31–32.
34. О происхождении искусства как конкретном историческом процессе // СГЭ. Л., 1964. Вып. XXV. С. 39–42.
35. Проблема происхождения изобразительного творчества верхнего палеолита Евразии // Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1964. С. 8–16.
36. Энеолит Кубани в свете работ Северо-Кавказской экспедиции (1957–1960, 1962–1963) // Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа. Секционные заседания. Л., 1964. С. 5–6.
37. Северокавказская экспедиция 1964 года // Тезисы ГЭ за 1964 год. Л., 1965. С. 36–37.
38. О генезисе элементарных форм изображения зверя в палеолитическом творчестве Евразии // СГЭ. Л., 1965. Вып. XXVI. С. 24–28.
39. Утро искусства // Неделя. 1965. № 9. С. 20–21.
40. О первых этапах изобразительной деятельности в культуре верхнего палеолита // СГЭ. Л., 1966. Вып. XXVII. С. 44–47.
41. Северокавказская экспедиция 1962–1964 годов // СГЭ. Л., 1966. Вып. XXVII. С. 93–94.
42. Проблемы происхождения палеолитического изобразительного искусства Евразии // БМОИП. 1966. № 5. С. 155–156.
43. «Камни — писаницы» Уруштена // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секция «Археология Кавказа». М., 1966. Ч. 2. С. 2. (Совм. с П.У. Аутлевым и П.А. Дитлером).

44. К вопросу о происхождении «фрески» альтамирского типа // Тезисы ГЭ за 1966 года. Л., 1967. С. 35–37.
45. Тезисы К. Маркса о первичном «производстве идей» (в связи с проблемой ранних форм идеологических воззрений) // Тезисы докладов научной сессии Лен. отд. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1968. С. 15–17.
46. Археологические свидетельства становления логического мышления в свете идей «Философских тетрадей» В.И. Ленина // Вестник ЛГУ. 1970. № 2. С. 77–92.
47. О материальном «производстве идей» в антропогенезе как археологической реальности // Вестник ЛГУ. 1971. № 20. С. 69–80.
48. «Натуральное творчество» неандертальцев как основа генезиса искусства // Первобытное искусство: [Сборник статей]. Новосибирск, 1971. С. 118–164.
49. Археологічне вирішення проблеми походження анімалістичного мистецтва // Український історичний журнал. 1971. № 11. С. 87–91.
50. Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении. Автореферат диссертации доктора истор. наук. Л., 1972. 52 с.
51. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания (К постановке проблемы) // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 31–75. [В 1973 г. был опубликован венгерский перевод статьи]
52. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // МИА СССР. 1972. № 185. С. 201–219.
53. Рец.: А.А. Формозов. Очерки по первобытному искусству // СА. 1974. № 4. С. 304–315.
54. О «гипотезе руки» как традиционном объяснении происхождения палеолитического искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 8–24.
55. О некоторых возможностях изобразительного анализа писаницы Астувансалми (Финляндия) // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 151–156. (Совм. с Ю.А. Савватеевым).
56. Некоторые итоги источниковедческого изучения петроглифов Карелии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 110–126.
57. A historical-archaeological analysis of origin animalistic art during the paleolithic // Доклады и сообщения археологов СССР. IX Международный Конгресс доисторических и протоисторических наук. М., 1976. С. 35–41.
58. Искусство каменного и бронзового века // Триста веков искусства. Искусство европейской части СССР. М., 1976. С. 7–27. (Совм. с А.А. Формозовым).
59. Проблемы зь произхода на изобразительного изкуство // Изкуство. 1977. № 1. С. 2–9.
60. Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья // СА. 1977. № 3. С. 24–41.
61. On the sociohistorical decoding of Upper Paleolithic female signs // Soviet Anthropology and Archeology. 1977. Vol. 16. Is. 2. P. 36–77.
62. On the genesis of depictive activity and its role in the formation of consciousness (Toward a formulation of the problem) // Soviet Anthropology and Archeology. 1977. Vol. 16. Is. 3–4. P. 3–42.
63. On the genesis of depictive activity and its role in the formation of consciousness (Toward a formulation of the problem) [Part 2] // Soviet Anthropology and Archeology. 1978. Vol. 17. Is. 2. P. 3–33.

64. Эволюция формы «натурального макета» в генезисе верхнепалеолитического анимализма // *Первобытное искусство*. Новосибирск, 1978. С. 86–105.
65. Археологические гипотезы происхождения изобразительного искусства в свете фактов и теории (уроки историографии) // *Проблемы историографии и источниковедения*. Л., 1978. С. 186–201.
66. Об археологическом аспекте генезиса анималистического искусства в палеолите Евразии // *СЭ*. 1978. № 3. С. 72–90.
67. *Cronica de sesiones del curso de Arte Rupestre Paleolitico // Curso de Arte Rupestre Paleolitico*. Santander, 1978.
68. Памяти В.И. Равдоникаса // *Вестник ЛГУ*. 1978. № 14. С. 156–158. (Совм. с Т.Д. Белановской).
69. Михаил Илларионович Артамонов // *Проблемы археологии*. Вып. 2. Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. Л., 1978. С. 3–4. (Совм. с Б.Б. Пиотровским и В.В. Мавродиным).
70. О генетической природе «Беса» онежских петроглифов // *Проблемы археологии*. Л., 1978. Вып. 2. Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова. С. 209–221.
71. Археологические памятники Симферопольского водохранилища. Ч. 1 // *Проблемы археологии Северной Осетии*. Орджоникидзе, 1980. С. 81–96. (Совм. с А.А. Щепинским).
72. Противостояние материализма и идеализма в проблеме генезиса палеолитического сознания в свете археологических источников // *Идеологические представления древних обществ: Тезисы докладов конференции*. М., 1980. С. 34–40.
73. Проблема происхождения изобразительного искусства как предметно-генетическая задача // *Древний Восток и мировая культура*. М., 1981. С. 5–11.
74. Традиции как основа изобразительного творчества неолита // *Преемственность и инновации в развитии древних культур*. Л., 1981. С. 76–79.
75. Об основных аспектах исследования палеолитического изобразительного творчества как исторического источника // *Контакты и взаимодействие древних культур. Краткие тезисы докладов научной конференции отдела истории первобытной культуры (к 50-летию отдела)*. 27–30 октября 1981 г. Л., 1981. С. 55–59.
76. Письмо в редакцию // *СА*. 1981. № 4. С. 289–295. (совм. с М.П. Грязновым, А.Н. Рогачевым).
77. Проблемы за прохода на палеолитного изобразительно искусство като предметно генетическа задача // *Искусство*. 1981. № 9–10. С. 9–14.
78. Курганы у Симферопольского водохранилища. Часть 2 // *Катакомбные памятники Северного Кавказа*. Орджоникидзе, 1981. С. 34–50.
79. On the archeological aspect of the problem of the genesis of animalistic art in the Eurasian Paleolithic // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1981. Vol. 20. Is. 2. P. 72–108.
80. Охотничья сфера антропогенеза как база становления сознания // *ИНКВА XI конгресс*, Москва, август 1982 г. Тезисы докладов. М., 1982. Т. 3. С. 307–308.
81. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // *Изыскания по мезолиту и неолиту СССР*. Л., 1983. С. 145–158.
82. Рец.: А.Н. Москаленко. Славяне на Дону (Борщевская культура) // *Вестник ЛГУ*. 1983. № 14. (совм. с И.В. Дубовым и Е.Н. Носовым).

83. Тезис К. Маркса о материальном производстве идей в свете археологических источников // СА. 1983. № 4. С. 22–31.
84. Кафедра археологии // Вопросы истории исторической науки. Л., 1984. С. 104–125.
85. Об основных аспектах изучения палеолитического изобразительного творчества как исторического источника // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 25. С. 7–18.
86. К вопросу об истоках искусства (в связи с выходом книги Я.Я. Рогинского «Об истоках возникновения искусства». М.: Изд. МГУ, 1982) // СА. 1984. № 4. С. 284–286. (Совм. с З.А. Абрамовой).
87. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985. 298 с.
88. Археологическая перспектива генезиса сознания (к постановке проблемы) // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тезисы докладов. Баку, 1985. С. 23–27.
89. On the genetic aspect in studying the petroglyphs of Karelia (Studies 1 and 2) // Труды шестого Международного конгресса финноугроведов. Сыктывкар, 1986. С. 164–168.
90. Происхождение творческого сознания в свете археологических источников // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Улан-Удэ, 1986. Ч. 1. С. 19–21.
91. Pri lanso nuo taves — pranalbesin ar linsinebylus [интервью Т. Сакалаускасу] // Suyturus. 1986. № 17. S. 8–9; № 18. S. 24–27.
92. Памяти Александра Михайловича Линевского // СА. 1987. № 1. С. 300–301. (совм. с И.П. Шаскольским и Ю.А. Саватеевым).
93. Основной вопрос философии в генетико-археологическом освещении (Знаково-иконическая система палеоантропа) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС». М., 1987. С. 243–244.
94. Натуральный макет в культуре палеолита (опыт реконструкции «невидимого звена» генезиса феномена человека) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1987. [Часть 2]. Тезисы докладов областной научной конференции по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность; Раннее и позднее средневековье. С. 3–7.
95. Синкретизм сознания неоантропа в генетическом освещении // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе»: Тезисы докладов. М., 1987. С. 47–51.
96. Опыт археологической интерпретации «матриархата» верхнего палеолита // Конференция «Религиозные представления в первобытном обществе»: Тезисы докладов. М., 1987. С. 69–73.
97. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. С. 8–25.
98. О генетическом аспекте изучения Онежских петроглифов Карелии // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 114–117.
99. Проблема ашело-мустьерских корней верхнепалеолитической религии (археологический аспект) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1990. С. 27–29.
100. Археологический словарь. М., 1991. С. 11–12, 17–20, 31, 39, 45 и след.
101. Памяти Бориса Борисовича Пиотровского // СА. 1991. № 3. С. 112–114.

102. Слово памяти М.П. Грязнова (резонанс личности) // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова). СПб., 1992. С. 12–17.
103. Утраченное звено генезиса петроглифов Онежского озера // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова). СПб., 1992. С. 78–83.
104. Вклад Д.В. Айналова в изучение происхождения искусства // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 28–30.
105. Проблемы духовных механизмов локальной трансляции в социогенезисе культур каменного века Фенноскандии // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации. Тезисы докладов симпозиума по теме гранта «Культурные трансляции и исторический процесс» (октябрь 1993). СПб., 1993. С. 14–17.
106. Проблема исторической реабилитации северных культур эпохи камня (по археологическим материалам Фенноскандии) // Историческое познание: традиции и новации: материалы международной теоретической конференции: Ижевск, 26–28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч. 1. С. 16–20.
107. Духовные факторы социокультурной адаптации в циркумполярной зоне европейской России // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. СПб., 1993. Ч. 2. С. 5–11.
108. Художественная культура первобытного общества. Сост. И.А. Химик. СПб., 1994. С. 20, 169–170, 171–178, 265–271, 288–316.
109. Предисловие // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 5–14. (Проблемы археологии. Вып. 3). (Совм. с Д.Г. Савиновым).
110. В.И. Равдоникас как исследователь первобытного искусства // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 14–29. (Проблемы археологии. Вып. 3).
111. Проблемы социокультурной реабилитации лесного неолита Карелии // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память профессора В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 29–53. (Проблемы археологии. Вып. 3).
112. Трансляция идей как многообразная археологическая реальность // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит — средневековье). СПб., 1994. С. 44–65.
113. Перечитывая «Петроглифы Карелии» Александра Михайловича Линевского // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1994. Вып. 2. С. 3–10.
114. Вклад профессора А.А. Иностранцева в развитие первобытной археологии России // Вопросы геологии и археологии. Тезисы докладов Международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения профессора Санкт-Петербургского университета, члена-корреспондента Российской Академии наук Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). СПб., 1994. С. 51–54.
115. Традиции А.А. Иностранцева в исследовании первобытного Севера кафедрой археологии Санкт-Петербургского университета // Вопросы геологии и археологии. Тезисы докладов Международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения профессора Санкт-Петербургского университета, члена-корреспондента

- Российской Академии наук Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). СПб., 1994. С. 65–67.
116. Общее (стадиальное) и особенное (историческое) в петроглифах Карелии // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 14–17.
117. Межкультурные контакты (позитивные и негативные) как фактор истории неолитических петроглифов Карелии (к постановке проблемы) // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье: тез. докл. междунар. науч. конф. Сыктывкар, 7–10 июня 1994 г. Сыктывкар, 1994. С. 90–93.
118. Новое в старом материале («миниатюрные» свидетельства исторического взаимодействия культур лесного неолита на мировоззренческой основе) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза: Материалы методологического семинара. СПб., 1994. С. 86–90.
119. Петроглифы Беломорья как субъект конкретно-исторического прогресса (к проблеме косвенного отражения негативного контакта) // Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму [ИИМК] 5–7 апреля 1994 г. СПб., 1994. С. 59–63.
120. Древнейшая вещь-символ, «путеводительница разума» (ашело-мустьерское производство формы шара) // Вещь в контексте культуры: Материалы научной конференции. СПб., 1994. С. 27–28.
121. Об исторической миссии онежского «петроглифического Эрмитажа» // Древности лесной зоны Восточной Европы: тезисы докладов к заседанию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, посвященному 60-летию А.М. Микляева. СПб., 1994. С. 8–11.
122. «Лодки мертвых» (В.И. Равдоникас) Онежского петроглифического святилища. Опыт имманентной дешифровки // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 30–33.
123. Памяти Павла Иосифовича Борисковского // АВ. 1994. № 3. С. 256–260.
124. Древнейший пласт петроглифов Онежского озера (к постановке проблемы) // ПАВ. 1995. № 9. С. 85–95.
125. Предыстория человеческого феномена (к постановке проблемы) // Культурные традиции народов Сибири и Америки: Преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): материалы международного научного симпозиума. Чита, 1995. С. 71–74.
126. К проблеме монизма истории в финале эпохи камня (хронологический аспект) // Культурные традиции народов Сибири и Америки: Преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): материалы международного научного симпозиума. Чита, 1995. С. 103–107.
127. The historical mission of neolithic art in Karelia // International Rock Art Congress: North, East, West, South, 1995 IRAC; International Federation Rock Art Organizations IFRAO Meeting 1995 from 30 August to 6 September 1995, Valentino Royal Castle, Faculty of Architecture, Polytechnic, Torino, Italy. Pinerolo, 1995.
128. Земное и сакральное «чтение» комплекса Оленеостровского могильника // Сакральное в культуре. Материалы III международных Санкт-Петербургских религиозно-ведческих чтений. СПб., 1995. С. 3–5.

129. «Феномен человека» Тейяра де Шардена и проблема человеческой грани // Сакральное в культуре. Материалы III международных Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений. СПб., 1995. С. 66–69.
130. Происхождение искусства как археологическая реальность // АВ. 1995. № 4. С. 217–233.
131. Оленеостровский могильник и его погребение № 100 как агенты мезолитического этнокультурогенеза Севера // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова. СПб., 1995. С. 16–22.
132. Морская предыстория Беломорья // Россия, Север, Море. Тезисы материалов конференции. Архангельск, 1995. С. 17–21.
133. Международный симпозиум, посвященный 150-летию со дня рождения А.А. Иностранцева // АВ. 1995. № 4. С. 284–287. (Совм. с И.Л. Тихоновым).
134. О реалиях Майкопского кургана как свидетельствах драматургии энеолитической истории Кубани // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб., 1996. С. 59–64.
135. О научном предвидении в археологии // Древности Русского Севера: Сборник статей. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 3–11.
136. «Пластические каламбуры» Мезинской коллекции (в защиту атрибуции «фаллосов» Ф.К. Волковым) // Традиции отечественной палеоэтнологии: Тезисы Международной Научной конференции, посвященной 150-летию Федора Кондратьевича Волкова (Вовка). СПб., 1997. С. 85–89.
137. Археологические предвидения С.Н. Замятнина // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 24–26.
138. Об историческом значении искусства верхнего палеолита // Пещерный палеолит Урала: Материалы Международной конференции (г. Уфа, 9–15 сентября 1997 г.). Уфа, 1997. С. 56–58.
139. Программа «Происхождение искусства» // Программы базовых курсов по археологии. СПб., 1997. С. 9–14.
140. Б.Б. Пиотровский о проблеме происхождения искусства // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1997. С. 89–93.
141. Н.К. Рерих об отношении древнего искусства и археологии // Гуманитарный Вестник Забайкальского отделения Академии гуманитарных наук. Чита, 1997. С. 101–102. (Совм. с А.А. Никоновой).
142. Воспоминания об Учителе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. 6. С. 34–57.
143. Предисловие // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. СПб., 1998. С. 5–6. (Совм. с Д.Г. Савиновым). (Проблемы археологии. Вып. 4).
144. Триада жизнедеятельности М.И. Артамонова // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. СПб., 1998. С. 7–32. (Проблемы археологии. Вып. 4).

145. Три поля деятельности М.И. Артамонова // Санкт-Петербургский университет. 1998. № 27. С. 2–8.
146. Студенческие годы М.И. Артамонова // Санкт-Петербургский университет. 1998. № 27. С. 9–11.
147. М.И. Артамонов во главе ИИМК АН СССР (1938–1943 гг.) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. М.И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 9–16. (Совм. с Н.И. Платоновой).
148. Лук и стрелы как факторы мезо- неолитической меры пространства (генезис архетипа левантийского «искусства») // Теория и методология архаики. (ТЕМА). Материалы теоретического семинара. СПб., 1998. Вып. 1. С. 67–77.
149. Судьба старой книжки // «Нам надо одолеть времен и мира дали...». Чита, 1998. С. 14–15. (Совм. с М.В. Константиновым).
150. Памяти Аскольда Александровича Щепинского (1926–1997) // РА. 1998. № 4. С. 245–246. (Совм. с А.А. Формозовым).
151. Сергей Николаевич Замятнин как личность // Локальные различия в каменном веке. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию С.Н. Замятнина. СПб., 1999. С. 39–44.
152. Атланты и кариатиды Эрмитажа // Научная конференция памяти Петра Филипповича Губчевского (1909–1989). СПб., 1999. С. 12–15.
153. Как Пушкин боролся с ВКП (б)... // Аргументы и факты. 1999. № 16 (295). С. 15.
154. Рец.: «История города, который старше 2.500 лет» // Ялик. 1999. № 34 (июнь). С. 11–12. (Совм. с А.А. Хлевым).
155. Петроглифы Севера европейской России как стадийный художественно-исторический источник // Реферативный сборник избранных работ по грантам в области гуманитарных наук. Екатеринбург, 1999. С. 143–148.
156. «Mea culpa» // Современные экспериментально-трассологические и технико-технологические разработки в археологии. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Аристарховича Семёнова. СПб., 1999. С. 12–16.
157. Neolithic rock art of Karelia: the problem of its historical mission // News 95—International rock art Congress. Pinerolo, 1999. P. 90.
158. «Первобытная культура». Часть программы коллективного курса «Введение в специальность» для культурологов // Учебные программы по специальности «Культурология» философского факультета СПбГУ. СПб., 1999. С. 98.
159. «Первобытная культура эпох камня». Раздел программы по истории мировой культуры // Учебные программы по специальности «Культурология» философского факультета СПбГУ. СПб., 1999. С. 99–101.
160. Индексы феномена интеллигентности в деятельности В.И. Равдоникаса (1894–1976)—лидера ленинградской археологии 30–40-х годов минувшего столетия (по личным воспоминаниям) // Феномен российской интеллигенции. История и психология. СПб., 2000. С. 108–114.
161. Потаенная глава истории советской археологии (К столетию со дня рождения М.И. Артамонова) // Исторический ежегодник. Омск, 2000. С. 184–194.

162. Проблемы исторической структуры онежской петроглифической галереи в свете ее относительной хронологии // Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы международной конференции памяти Н.Н. Гуриной. СПб., 2000. С. 75–78.
163. *Spiritual Treasures of Ancient Karelia* // *Myandash: Rock Art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi, 2000. P. 136–173.
164. Раздумывая о Деде... // Судьба ученого. К 100-летию Б.А. Латынина. СПб., 2000. С. 144–149.
165. Малоизвестная глава истории советской археологии // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 613–618.
166. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова (Санкт-Петербург, 9–12 декабря 1998 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2001. № 2. С. 148–152.
167. Начальный генезис обрядового пространства. Имманентный анализ археологических источников // Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума 26 февраля—7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 85–89.
168. Мои года—мое богатство // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 5–25.
169. Охотничья сфера антропогенеза как база становления сознания // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 41–42. [опубликовано № 80]
170. Синкретизм сознания неантропа в генетическом освещении // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 42–45. [опубликовано № 95]
171. Проблема ашело-мустьерских корней верхнепалеолитической религии (археологический аспект) // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 46–48. [опубликовано № 99]
172. Древнейшая вещь-символ, «путеводительница разума» (ашело-мустьерское производство формы шара) // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 49–51. [опубликовано № 120]
173. Предыстория человеческого феномена (к постановке проблемы) // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 51–56. [опубликовано № 125]
174. К проблеме монизма истории в финале эпохи камня (хронологический аспект) // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 56–61. [опубликовано № 126]
175. «Феномен человека» Тейяра де Шардена и проблема человеческой грани // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 61–64. [опубликовано № 129]
176. Земное и сакральное «чтение» комплекса Оленеостровского могильника (мезолит; Карелия) // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 64–66. [опубликовано № 128]
177. Начальный генезис обрядового пространства. Имманентный анализ археологических источников в диапазоне—от позднего ашеля (ок. 250.000 лет назад) до эпохи неолита (V–IV тыс. до н.э.) // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 67–72. [опубликовано № 167]
178. Об основных аспектах исследования палеолитического изобразительного творчества как исторического источника // *Археология в пути или путь археолога*. СПб., 2001. Ч. 1. С. 75–78. [опубликовано № 75]

179. Традиции как основа изобразительного творчества неолита // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 78–81. [опубликовано № 74]
180. Опыт археологической интерпретации «матриархата» верхнего палеолита (гносеологические корни древнейшего культа «женского божества») // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С.81–85. [опубликовано № 96]
181. Об историческом значении искусства верхнего палеолита // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 85–87. [опубликовано № 138]
182. «Пластические каламбуры» мезинской коллекции (в защиту атрибуции «фаллосов» Ф.К. Волковым) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 87–90. [опубликовано № 136]
183. К вопросу об истоках искусства (в связи с выходом книги Я.Я. Рогинского «Об истоках возникновения искусства». М.: Изд-во МГУ, 1982) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С.93–97. [опубликовано № 86]
184. Вклад Д.В. Айналова в изучение происхождения искусства // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С.97–99. [опубликовано № 104]
185. Б.Б. Пиотровский о проблеме происхождения искусства // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С.99–105. [опубликовано № 140]
186. Лук и стрелы как факторы мезолито-неолитической меры пространства (генезис архетипа «перспективы» левантийского типа) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 109–118. [опубликовано № 148]
187. О генетическом аспекте изучения онежских петроглифов Карелии // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С.121–126. [опубликовано № 98]
188. Проблемы духовных механизмов локальной трансляции в социогенезе культур каменного века Фенноскандии // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 126–129. [опубликовано № 105]
189. Духовные факторы социо-культурной адаптации в циркумполярной зоне европейской России // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 129–135. [опубликовано № 107]
190. Проблема исторической реабилитации северных культур эпохи камня (по археологическим материалам Фенноскандии) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 135–140. [опубликовано № 106]
191. Общее (стадиальное) и особенное (конкретно-историческое) в петроглифах Карелии // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 140–142. [опубликовано № 116]
192. Петроглифы Беломорья как субъект конкретно-исторического изучения (к проблеме косвенного отражения негативного контакта) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 143–147. [опубликовано № 119]
193. Новое в старом материале («миниатюрные») свидетельства исторического взаимодействия культур лесного неолита на мировоззренческой основе // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 151–155. [опубликовано № 118]
194. Межкультурные контакты (позитивные и негативные) как фактор истории неолитических петроглифов Карелии (к постановке проблемы) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 151–155. [опубликовано № 117]

195. «Лодки мертвых» (В.И. Равдоникас) онежского петроглифического святилища (опыт имманентной дешифровки) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 155–159. [опубликовано № 122]
196. Оленеостровский могильник и его погребение № 100 как агенты мезолитического этнокультурогенеза Севера // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 159–166. [опубликовано № 131]
197. О становлении сознания в свете археологических источников эпох камня (к постановке проблемы) // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 169–178. [опубликовано № 214]
198. Вертикальное погребение (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 178–193. [опубликовано № 219]
199. Слово исторической признательности охотничьей фауне плейстоцена // Археология в пути или путь археолога. СПб., 2001. Ч. 1. С. 193–201. [опубликовано № 207]
200. Археологические источники эпохи камня по проблеме архаичного сознания и мировоззрения // Проблемы исторической психологии и взаимодействия мировоззрений в истории. Орел, 2001. С. 55–58.
201. Перечитывая статью П.И. Борисковского и С.Н. Замятнина «Габриель де Мортилье» // Каменный век Старого Света (К 90-летию П.И. Борисковского). СПб., 2001. С. 73–77.
202. Археологическая и культурологическая интерпретация мезо-неолитических древностей европейского Северо-Запада // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. СПб., 2001. С. 245–255.
203. Великая каменная летопись // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 4 (25). С. 19–20.
204. О мировоззренческом потенциале археологии (На полпути к истине) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2001. С. 13–21.
205. О мировоззренческих факторах мезо-неолитического этногенеза на Севере европейской России (по археологическим памятникам Карелии) // АВ. 2001. Вып. 8. С. 238–249.
206. Памяти профессора М.И. Артамонова. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова — основателя ИИМК АН СССР // АВ. 2001. Вып. 8. С. 302–305.
207. Слово исторической признательности охотничьей фауне плейстоцена // Математическая морфология: электронный математический и медико-биологический журнал. 2001. Т. 3. № 4. С. 149–157.
208. Летопись нашей дружбы // Виктор Павлов. Отражение. Каталог. СПб., 2002. С. 107–108.
209. *Ledes morts du lac Onega* // *Dossiers d'Archeologic*. 2002. Fevrier. № 270. P. 44–47.
210. Резонанс личности в науке // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научно конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. I. С. 24–28.
211. Milestones of spiritual evolution of prehistoric Karelia // *Folklor*. 2002. Vol. 18/19. P. 80–126.
212. *Muinaskarjala vaimuvara* // *Mäetagused*. 2002. Т. 17/18. P. 76–120.

213. Искусство—есть великое дело // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». СПб., 2002. Т. I: Музей-институт семьи Рерихов в культурно-историческом пространстве Санкт-Петербурга. С. 16–25.
214. О становлении сознания в свете археологических источников эпох камня (К постановке проблемы) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 15–18.
215. Феномен Оленеостровского могильника // Тверской археологический сборник. Тверь, 2003. Вып. 5. С. 19–24.
216. Духовно мы рождались в Эрмитаже // Школьные кружки Эрмитажа. История и современность. СПб., 2003. С. 8–22.
217. Археологическая дружба или «дружба археологической длины» // Неолит—энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003. С. 8–10.
218. Первобытная культура // Введение в культурологию. СПб., 2003. С. 68–78.
219. Вертикальные погребения (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб., 2003. С. 166–175.
220. Сохраните и Вам воздастся! Открытое письмо к жителям Пудожского района // Карелия. 31.10.2003. № 116.
221. Мешоко—древняя энеолитическая крепость Предкавказья // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 315–333.
222. Мой друг Александр Александрович Формозов. Часть первая (1949–1965 гг.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 419–453.
223. О факторе слухов в историографии // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С. 151–152.
224. Oleni island cemetery and the first petroglyphs at lake Onega // Aurinkopeura 2: Kaksikymmentä vuotta muinaistaiteen parissa. Tartu; Hämeenlinna, 2004. P. 15–29.
225. Из тьмы лесов. Страницы первобытной летописи Невского края. СПб., 2004. 95 с. (В соавторстве с Я.В. Доманским).
226. Память—богатство историка // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 22–23. С. 30–33.
227. Слово о вечерниках // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 22–23. С. 41–45.
228. Слово признательности // Зоя Александровна Абрамова. Библиография. СПб., 2005. С. 11–25.
229. Проблема исторической гуманизации первобытной археологии эпохи камня // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3. С. 51–70.
230. Архив археологических свидетельств генезиса первобытного сознания // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2006. Т. 3. С. 129–142.
231. Мировоззренческий феномен этносоциокультурогенеза первобытного севера Европейской России // Международная научно-практическая конференция «Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции». Сборник научных статей и докладов. Соловки, 2006. С. 24–38.

232. Доверительный разговор // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 581–584.
233. Основные вехи биографической тропы // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006. С. 585–604.
234. Летописец древностей Русской Лапландии // Кольский сборник. Посвящается 60-летию Владимира Яковлевича Шумкина. СПб., 2007. С. 247–250.
235. Уроки гражданского мужества историков: научное содружество В.В. Мавродина и М.И. Артамонова (1936–1974 гг.) // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009. С. 15–38.
236. Мешоко — древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской археологической экспедиции 1958–1965 гг. /Ред.-сост. А.Д. Столяр, А.А. Формозов. СПб., 2009. 249 с.
237. Феномен Канозера // Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012. С. 5.

Список сокращений:

АВ — Археологические вести

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы

ГЭ — Государственный Эрмитаж

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК — Краткие сообщения докладов и полевых исследований Института истории материальной культуры АН СССР

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

РА — Российская археология.

СА — Советская археология

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа

СЭ — Советская этнография

МУЗЕЙ

Тихонов И.Л.

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПОНИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

Тихонов, Игорь Львович — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, I.Tikhonov@spbu.ru.

В 1958 г. А.Д. Столяр и Г.П. Гроздилов в журнале «Советская археология» опубликовали статью «К вопросу о построении музейной археологической экспозиции», которая стала одной из первых работ, посвященных проблемам создания понятной для массового посетителя экспозиции археологических материалов. Многие ее тезисы звучат актуально и сегодня. Центральным вопросом остается возможность использования помимо оригинальных артефактов всевозможного дидактического материала (фотографий, рисунков, экспликаций, макетов, моделей, реконструкций и т.д.), доносящего до зрителей семантику и функциональное назначение выставленных экспонатов. Важной задачей является демонстрация не отдельных предметов, а создание цельного образа определенной культуры прошлого. Фрагментированные, зачастую не очень аттрактивные археологические находки сами по себе не всегда позволяют это сделать. Современные музеи, особенно специализированные, археологические, используют различные экспозиционные приемы, которые делают более доступным для понимания археологический материал. В настоящей статье рассматриваются эти методические приемы, применяемые в отечественных и зарубежных музеях. Автор выделяет шесть групп музеев, хранящих и экспонирующих археологические коллекции. Крупнейшие художественные музеи мировой культуры стремятся выставлять только подлинные вещи, в то время как археологические и исторические музеи более активно используют дидактический материал в экспозициях.

Ключевые слова: А.Д.Столяр, археологические коллекции, музей, экспозиция, методические приемы.

PROBLEMS OF EXHIBITING OF ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS

Tikhonov, Igor Lvovich — Doctor of Science in History, Professor, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, I.Tikhonov@spbu.ru.

In 1958 A.D. Stolyar and G.P. Grozdilov published an article “On the construction of a museum archaeological exposition” in the journal “Soviet Archaeology”. That paper became one of the first works devoted to the problems of creating an exposition of archaeological materials that was understandable for a general public. Many of their theses still sound relevant today. The central issue is the possibility of using, in addition to the original artifacts, all kinds of didactic materials (photographs, drawings, explications, models, dummies, reconstructions, etc.), conveying to the audience the semantics and functional purpose of the exhibits on display. An important task is not to demonstrate individual objects, but to create an integral image of a certain culture of the past. Fragmented, often not very attractive archaeological finds by themselves

do not always allow this to be done. Modern museums, especially specialized in archaeology, use various exposition techniques that make archaeological material more accessible for understanding. This article examines these methodological techniques used in domestic and foreign museums. The author identifies six groups of museums which store and exhibit archaeological collections. The largest art museums of world culture tend to exhibit only authentic things, while archaeological and historical museums use didactic material more in their exhibitions.

Key words: A.D. Stolyar, archaeological collections, museum, exposition, methodological techniques.

Абрам Давидович Столяр известен, прежде всего, как университетский профессор, почти четверть века возглавлявший кафедру археологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Однако, в 1956–1964 гг. ему довелось быть старшим научным сотрудником Отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Начинаясь его деятельность на музейном поприще с разработки принципов новой археологической экспозиции при создании выставки «Древнейшее прошлое Ленинградской области», которая пользовалась большим успехом у посетителей музея. В результате этой работы из-под пера А.Д. Столяра (в соавторстве с Г.П. Гроздиловым) вышла одна из первых в отечественной литературе работ, посвященных проблемам экспонирования археологических материалов в музейных экспозициях. Конечно, отдельные публикации о музейных экспозициях по археологии появлялись и ранее, но они в основном, особенно в 1930-е гг., были посвящены идейно-политическому или тематическому содержанию экспозиций¹. Немалое количество работ, вышедших в свет и до и после этой публикации, представляли собой описания музейных экспозиций, а еще большее количество — рассматривали различные аспекты музеефикации недвижимых археологических объектов. Последняя тема со второй половины XX в. неоднократно привлекала внимание многих археологов, культурологов, специалистов по охране культурного наследия². Сравнительно небольшое число публикаций в отечественной историографии касалось вопросов о способах экспонирования археологических коллекций³. Статья Гроздилова и Столяра, пожалуй, впервые

¹ Напр.: *Бернштам А.Н.* Принципы построения археологического отдела в краеведческом музее // Методический сборник. Л., 1929. С. 56–61. (Труды студенческого кружка краеведения при географическом факультете ЛГУ); *Кричевский Е.Ю.* Буржуазная археология в советском музее // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9–10. С. 62–71; *Карцев В.Г.* К вопросу экспозиции археологических материалов в краеведческих музеях // Советский музей. 1931. № 6. С. 71–75; *Брюсов А.Я.* Экспозиция отдела древнейшей истории // Советский музей. 1938. № 3. С. 23–27.

² *Медведь А.Н.* Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М., 2004; *Каплунов В.А., Покровская А.Ф., Евдокимова М.А.* Проблемы музеефикации памятников археологии в трудах российских исследователей // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 32–38.

³ *Попова Т.Б., Раушенбах В.М.* Археологические материалы в краеведческих музеях. М., 1954; *Рабинович М.Г.* Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев. М., 1961. Ч. 2. Период феодализма; *Пирс С.* Структурируя прошлое: археологические экспозиции // *Museum*. 1995. № 185. С. 9–13; *Белецкий С.В.* К проблеме выявления «узловых экспонатов» в историко-археологической экспозиции // Музей в современной культуре. СПб., 1995. С. 36–39; Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. М., 2000; *Жукова А.В.* Эволюция взаимоотношений археологической науки и музея: на материалах экспозиций музеев Москвы. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2000; *Андреев В.М.* Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–1. С. 195–200; *Скрипкина Л.И.* Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях археологических и историко-краеведческих музеев // Фелицианские чтения XX. Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного

ставила вопрос не «что» выставлять, а «как», и предлагала конкретные пути решения этой проблемы. Многие ее тезисы звучат вполне актуально и сегодня, по прошествии более чем шестидесяти лет. В частности, утверждение о том, что любая экспозиция или выставка такого рода должна быть выразительна и доступна для массового посетителя, и «погрешности в этом отношении не могут быть восполнены демонстрацией археологических коллекций самой высокой научной ценности, ибо они попросту не будут поняты посетителем»⁴. Далее авторы писали, что господствующий «академический» принцип построения археологических экспозиций, заключающийся в демонстрации многочисленных, часто повторяющихся археологических комплексов и отдельных находок без какого-либо сопроводительного и пояснительного материала, фактически приводит к тому, что экспозиция оказывается адресованной узкому кругу посетителей, которые, по крайней мере, должны быть знакомыми с основами археологии.

Археологические материалы, которые посетитель видит в музее, имеют ряд специфических черт, отличающих их от других предметов музейного показа. Во-первых, это изделия неживой культуры, зачастую отдаленной от нас хронологически очень большим промежутком времени, и в современной жизни никак не используемые. Семантика некоторых вещей бывает однозначно не понятна и специалистам, вызывая дискуссии (например, трипольские «бинокли» или римские додекаэдры). Во-вторых, это часто не целые предметы, а их части — каменный или металлический наконечник вместо целого копья или стрелы; умбон вместо несохранившегося деревянного щита; железные заклепки вместо целого корабля; нашивные бляшки вместо одежды; пряжка вместо пояса; лезвие ножа, кинжала или топор без рукоятки. Даже если предмет сохранился целиком, его функция и назначение зачастую мало понятны зрителю. Откуда современный горожанин, никогда вблизи не видевший лошади с ее упряжью, и не стрелявший из лука, может понять, для чего служили «псалии» или что значит загадочное слово «горит» на музейной этикетке. Уж не говорю про «бутероли», «тутули», «брикетажи», не очень понятные и многим археологам. Даже столь привычное для нас слово «фибула» оказывается не всегда знакомо посетителям музея, и, глядя на массивные скандинавские скорлупообразные или изошренные пальчатые фибулы, зритель вряд ли поймет, что это всего лишь застёжки для плаща или сарафана.

Также необходимо учитывать, что аттрактивные свойства большинства археологических предметов, если это не шедевры древнего искусства, типа Солохского гребня, Кумской вазы или статуи Венеры, не велики, поскольку чаще всего это обычные бытовые вещи, которые не обладают высокой визуальной привлекательностью. Еще одной специфической чертой археологических коллекций является многочисленность и однообразность некоторых категорий (монеты или бронзовые кельты из клада, фрагменты керамики, грузики ткацкого станка и т.п.), которые тоже не способствуют привлечению внимания посетителей⁵.

Для преодоления этой сложности восприятия семантики и функций выставленных артефактов Г.П. Гроздилов и А.Д. Столяр предлагали использовать всевозможные и природного наследия. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. С. 242–246.

⁴ Гроздилов Г.П., Столяр А.Д. К вопросу о построении музейной археологической экспозиции // Советская археология. 1958. № 4. С. 227.

⁵ Тихонов И.Л.: 1) Археологическое музееведение или музейная археология: реалии, проблемы, перспективы // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 544–556; 2) Археологическое музееведение: постановка проблемы // Музеология — музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. СПб., 2009. С. 219–227.

пояснительные материалы: фотографии, рисунки, макеты, модели и т.п., которые могли бы донести необходимую информацию до посетителей без существенного увеличения объема текстов экспликаций и этикеток. Одним из основных приемов, которым пользовались экспозиционеры, являлось размещение подлинных находок на всевозможных графических прорисовках, показывающих недостающие части предметов — рукоятки топоров, древки копий и стрел, деревянную соху, от которой сохранился только железный наконечник, и т.д. Подобные же приемы были широко использованы в начале 1960-х гг. сотрудниками Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа при создании постоянной экспозиции, посвященной скифам и сарматам Северного Причерноморья⁶. Украшения из женских погребений демонстрировались на прорисовках фигур, что позволяло наглядно показать место конкретного отдельного предмета (гривны, браслета, ожерелья) или множества бляшек, украшавших одежду, в общем убранстве и costume. Предметы вооружения были помещены на рисованные или выполненные из прозрачного пластика фигуры воинов в тех местах, где они носились и были обнаружены в погребениях. При таком показе у зрителя не возникало сомнений о назначении горита и для чего служили псалии.

Подобные принципы построения археологической экспозиции получили в то время большое распространение. На конференции Комитета музеев археологии и истории ИКОМ, прошедшей в 1970 г. в СССР (Ленинград, Новгород, Москва), были приняты рекомендации о применении комплексно-тематического метода организации музейного материала, включающего в себя различные вспомогательные материалы, повышающие общедоступность и понятность экспозиций. Рекомендовались и такие формы демонстрации музейных собраний, как открытое хранение фондов, выставки. Конференция отмечала, что для дальнейшего совершенствования экспозиционной работы необходимо проводить исследования того, как воспринимают экспозицию различные категории посетителей, учитывать характер воздействия на посетителя разных типов музейных материалов⁷.

Такой способ показа как открытые фонды в дальнейшем стал использоваться повсеместно и встречается в современных музеях все более часто. Пример — Реставрационно-хранительский центр Государственного Эрмитажа в Старой деревне. А от принципов использования дополнительных материалов в археологических экспозициях крупнейшие музеи мира постепенно отошли. Их позиция абсолютно понятна — обладая несметными сокровищами древнего и средневекового искусства, они выставляют уникальные экспонаты и коллекции, которые чаще всего нигде более увидеть невозможно. Также необходимо учитывать, что хотя археология и занимает важное место в различных сторонах деятельности таких музеев мировой культуры, как Эрмитаж, Лувр, Метрополитен, основной поток массовых посетителей идет туда не столько ради археологических экспозиций, сколько для знакомства с произведениями искусства более поздних эпох или дворцовыми интерьерами.

В XIX — начале XX в. археологическая экспозиция Императорского Эрмитажа не имела не только каких-либо пояснительных материалов, но даже и этикеток. Вещи могли выставляться без соблюдения хронологических и географических привязок. Преобладал художественный, а не исторический подход, вещи демонстрировались в большей степени как самоценные произведения древнего искусства, а не элементы единой культурной среды.

⁶ Галанина Л., Доманский Я. Об экспозиционной работе отдела истории первобытной культуры // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1962. Т. XXII. С. 3–6.

⁷ Вержбицкий В.Г. Проблемы экспозиции музеев археологии и истории // Музейное дело в СССР. М., 1971. С. 159–164.

Предметы из одного комплекса вместе не выставлялись, так, например, сокровища Куль-Обы были разнесены даже по разным этажам музея. В одной витрине могли экспонироваться вещи, не связанные между собой ни хронологически, ни территориально, ни культурно⁸. Иные принципы экспозиции были применены при создании выставки Эллино-скифского отделения в 1927 г., где археологические предметы были расположены в тематико-хронологической последовательности с применением множества дополнительных материалов, поясняющих их⁹. Новая экспозиция ставила своей задачей показать в марксистском духе жизнь, быт, культуру и искусство скифских племен и греческих полисов в Северном Причерноморье.

Однако со временем возобладало представление о том, что подобные дидактические материалы отвлекают и затушевывают внимание посетителя от основных экспонатов. Подобный подход стал характерен для крупнейших художественных музеев мировой культуры, в то время как специализированные археологические или исторические музеи, имеющие большие экспозиции по древним эпохам, более ориентируются на противоположный принцип¹⁰. В национальных исторических музеях Стокгольма и Хельсинки в экспозициях, посвященных ранним периодам истории северных стран, много всевозможных макетов, моделей, тематических комплексов с использованием крупноформатных фотографий, видео и аудио инсталляций. Еще большее количество подобного копийного, неоригинального материала можно видеть в Музее римской цивилизации в столице Италии. Музей археологии на горнолыжном курорте Роза хутор в Сочи вообще не имеет ни одного подлинного экспоната, показывая искусно сделанные копии и многочисленные мультимедийные инсталляции.

Можно попытаться выделить несколько типов музеев, имеющих в своих фондах и экспозициях археологические коллекции. Помимо общих, присущих всем музеям функций собирания, хранения, экспонирования и изучения музейных предметов, они могут иметь и специфические цели и задачи.

1. Специализированные археологические музеи, полностью посвященные археологии. Подобные музеи довольно широко представлены в европейских странах. Музей национальных древностей Франции Сен-Жермен, Краковский археологический музей, Старый и Новый музеи Берлина, Палаццо Массимо алле Терме и Алтемпс в Риме не имеют в своих экспозициях ничего другого, кроме археологических материалов. В России подобных музеев не так много, в качестве примеров можно назвать Музей археологии Москвы, Таманский археологический музей, Феодосийский музей древностей, Курский государственный музей археологии. Особую и более многочисленную в России часть этой группы составляют музеи-заповедники, имеющие в своем составе музеефицированные недвижимые археологические объекты (стоянки, городища, укрепления, курганы, могильники, остатки древних производств, жилища, наскальные изображения и т.д.). К 2017 г. насчитывалось 42 археологических музея-заповедника, расположенных в 19 субъектах Российской Федерации¹¹. Самые известные среди них — Костенки, Аркаим,

⁸ Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 456–458.

⁹ Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Античное искусство в советском музееведении. Л., 1987. С. 59–66.

¹⁰ Бутягин А.М. Проблемы экспонирования археологического материала в художественном музее // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium (с международным участием). Омск, 2004. С. 8–11.

¹¹ Покровская А.Ф., Евдокимова М.А. Характеристика сети археологических музеев-заповедников России // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2017. № 5. С. 24; Гусев С.В.,

Херсонес Таврический, Танаис. Обсуждаются перспективные планы создания новых музеев-заповедников, поскольку это наиболее действенный способ сохранения археологического наследия в целом¹². В Европе и мире первым «archaeological site» такого рода стали Помпеи, приобретшие некоторые черты «музея под открытым небом» еще в XVIII в.

Еще одной подгруппой этой категории являются университетские археологические музеи, с ярко выраженной учебной функцией¹³. Подобные музеи есть в Казанском, Уральском, Воронежском, Тверском, Пермском и ряде других российских университетов. Для них часто характерны отсутствие официального статуса, небольшие площади, скудость финансирования, ориентированность на учебную и научную деятельность данного университета, малая доступность для посторонней публики. Немногими исключениями из общей картины являются Эшмолиан музей и Музей Питт-Риверса Оксфордского университета, являющиеся большими, открытыми для посещения и хорошо оснащенными музеями. Интересная коллекция, хорошо показывающая разные этапы развития античного искусства, представлена в Институте Винкельмана Гумбольдт университета в Берлине.

2. Археолого-этнографические музеи. Археология и этнография всегда развивались в тесной взаимосвязи, в некоторых странах они вообще воспринимаются как части одной научной дисциплины — антропологии, поэтому многие этнографические музеи обладают большими собраниями по археологии. В качестве примеров можно назвать Музей Луиджи Пигодини в Риме, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге, Музей археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН в Екатеринбурге. К этой же группе следует отнести и Британский музей в Лондоне, не имеющий картинных галерей в своем составе.

3. Художественные музеи. Особое место в этой группе занимают крупнейшие музеи мировой культуры — Эрмитаж, Лувр, Метрополитен, обладающие самыми значительными собраниями по археологии различных эпох и стран. Располагая также большими ресурсами, эти музеи имеют возможности устраивать помимо постоянных экспозиций временные выставки археологических материалов из собственных фондов или в кооперации с зарубежными партнерами. Так, Государственный Эрмитаж только за последние несколько лет провел крупные выставки египетских, ассирийских, помпейских древностей, предметов бронзового и железного веков. Немалое археологическое собрание имеет Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве.

4. Национальные исторические музеи почти всегда содержат фонды и экспозиции по археологии, поскольку ставят своей задачей показать всю историю данной страны

Загорюлько А.В., Минеева И.М. и др. Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России. Томск, 2011.

¹² См.: http://www.business.peterlife.ru/link.php?texid=151#.YD_OdlUzaM8 (ссылка последний раз проверялась 3.03.2021); <https://culture.gov.ru/documents/gosudarstvennaya-strategiya-formirovaniya-sistemy-dostoprimechatelnykh-mest-istoriko-kulturnykh-zapo/> (ссылка последний раз проверялась 3.03.2021).

¹³ *Ютина Т.К.* Археологические коллекции музеев и университетов: возможности популяризации историко-культурного наследия // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 48–56; *Томилов Н.А., Кильдюшева А.А., Патрушева Г.М.* Музею археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского — 40 лет // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования. Омск, 2015. С. 245–255; *Пряхин А.Д.* Музей археологии Воронежского университета // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2006. С. 232–244; *Степанова Ю.В., Жукова Е.Н.* Археологический музей Тверского государственного университета: история, фонды, направления деятельности // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2006. С. 244–255.

с древнейших времен. Таковы уже упоминавшиеся музеи в Стокгольме и Хельсинки. Музей в Копенгагене, созданный в начале XIX в. как собрание древностей, к настоящему времени перешел в разряд исторических музеев, т.к. экспонирует не только археологические коллекции. Очень большим собранием археологического материала и соответствующей экспозицией обладает Государственный исторический музей в Москве. Музеи третьей и четвертой группы, имеющие значительные кадры археологов, являются и крупными научными центрами в области археологии, разрабатывающими самые разные темы.

5. Историко-архитектурные или природные музеи-заповедники. Их отличительной чертой является наличие в составе крупных наземных архитектурных, а нередко и археологических памятников, зачастую тесно связанных между собой. К собственно археологическим музеям-заповедникам их отнести сложно, поскольку они сочетают различные историко-культурные объекты. Достаточно часто подобные музеи-заповедники имеют археологические собрания и экспозиции. Причем, они могут быть обособлены (как в Керченском (Восточно-Крымском) историко-культурном заповеднике, Самаркандском музее-заповеднике) или перемежаться с другими экспозициями (как во Владимиро-Суздальском заповеднике).

6. Самую многочисленную группу составят региональные, городские, краеведческие музеи. В СССР и современной России это очень распространенный тип музеев, встречающихся практически в любом областном центре и в менее крупных городах. Поскольку основной задачей таких музеев является сохранение и пропаганда истории данной местности, они почти всегда имеют хотя бы небольшой раздел, содержащий археологические находки. Некоторые из них возникли еще в XIX в. и хранят и показывают интересные и уникальные археологические коллекции, как, например, Минусинский музей имени Н.М. Мартыанова или Пермский краеведческий музей. Подобные музеи нередки и в других странах — в экспозиции музея истории Парижа Карнавале (Carnavalet) есть большой зал, посвященный археологии.

Небольшие археологические собрания и экспозиции можно встретить и в других музеях — мемориальных, историко-бытовых, естественнонаучных. Различные типы музеев могут использовать разные принципы экспозиции. Крупные художественные музеи ориентируются на демонстрацию уникальных подлинных предметов, как самоценных объектов. Конечно, в отличие от XIX в. их экспозиции строятся на строго научной основе. В большинстве случаев используются традиционные археологические периодизации: от глобальной системы трех веков до локальных культурно-стратиграфических колонок. Археологические и исторические музеи стремятся более «оживить» древние артефакты, донести их функциональное и семантическое значение до зрителя, поместить предметы в среду, которая будет больше способствовать восприятию данной эпохи или конкретного памятника на всех уровнях: познавательном, визуальном, эмоциональном. Например, в музее Латениум, расположенном в швейцарском городе Невшателе на берегу озера, где и было открыто эпонимное поселение Ла Тен, сама архитектура музейного здания с окнами во всю стену, настоящими камышами снаружи и их пластиковыми заместителями в экспозиции, в сопровождении световых и звуковых эффектов стремится погрузить посетителя в показываемый мир озерного свайного поселения.

Современные мультимедийные технологии позволяют оживить погребение, выставленное в музее *in situ* почти в прямом смысле, демонстрируя на стене рядом с ним движущееся изображение живой женщины — реконструкцию, показывающую как могла выглядеть погребенная, какая одежда и украшения были на ней. В афинском Музее кикладской цивилизации есть зал, не очень профильный для этого музея, поскольку он

посвящен классической греческой античности. В его витринах фоном для размещения подлинных предметов служат большие цветные фотографии и монтажи, наглядно объясняющие как использовались эти предметы. Особый интерес вызывают видеоролики, показывающие живые реконструкции погребального обряда или свадебной процессии, изображенной на кратере. В Краковском археологическом музее подобные технологии позволяют показать и технологические процессы—изготовление каменных орудий, керамики, отливку металлических изделий. Большой интерес посетителей, и не только детей, вызывают интерактивные возможности. На выставке в парижском Музее естественной истории, посвященной мамонтам, больше всего посетителей было не у витрин с подлинными статуэтками из бивня мамонта, а у компьютеров, предлагавших в форме игры собрать палеолитическое жилище из костей ископаемого великана. Современный музей уже сложно представить без использования современных информационно-коммуникационных технологий. Для археологических экспозиций они предоставляют особые возможности и перспективы¹⁴.

Безусловно, экспозиция археологических материалов, как и любых других, очень зависит от финансовых, кадровых, материальных ресурсов и возможностей музея, наличия площадей и оборудования. То, что могут позволить себе крупнейшие музеи мира, например, приобрести большую плазменную панель на стену для выставки или пригласить известного дизайнера, вряд ли будет доступно небольшому региональному музею. Но зачастую опыт знакомства с археологическими экспозициями многих отечественных и зарубежных музеев подсказывает, что не всегда для реализации интересных экспозиционных замыслов нужны значительные материальные вложения. Безусловно, никаких универсальных рецептов быть не может, поскольку и возможности музеев различны, и процесс создания экспозиции, качественной и в научном, и в художественном отношении, является скорее творческим актом. В нем большую роль, кроме научного сотрудника-археолога, должен играть художник-дизайнер. Важно только, чтобы не было перекоса ни в одну, ни в другую сторону. Разгулявшаяся фантазия художника не должна отойти от научных основ археологической экспозиции, но, с другой стороны, ее «академизм» не должен жертвовать зрелищной привлекательностью и эмоциональным воздействием на посетителя. Извечный вопрос, что должен вынести посетитель из музея, знание или художественный образ¹⁵? Ответ на него может быть довольно простым—знания, облаченные в определенные запоминающиеся образы.

Поясной набор из гравированных серебряных пластин можно просто положить на полку в витрину, а можно выставить на имитации кожаного пояса, и у посетителя музея не будет сомнений, что он видит перед собой. Фрагменты металлической обкладки деревянного ларца, помещенные на основу в виде сундучка, также сразу снимают вопрос о назначении этих плохо сохранившихся деталей. Заменяя несохранившееся древоко лука или голову лошади пластиковыми стилизациями, экспозиционеры Краковского археологического музея сразу показывают посетителю в первом случае, что две золотые детали являются обкладками этого лука, а множество мелких пластинок во втором—украшениями узды.

¹⁴ *Пестерева О.А.* Инновационные формы представления экспонирования археологических коллекций // *Наследие—музей—туризм: Мифы и современные реалии. Межрегиональный молодежный форум с международным участием.* Улан-Уде, 2016. С. 147–151.

¹⁵ *Поляков Т.Г.* Музейная экспозиция: собрание раритетов, учебное пособие или художественный ребус? // *Мир музея.* 2007. № 1. С. 28–31.

Фрагментированные тонкие ажурные золотые сетки, являвшиеся типичным украшением причёски знатных римлянок, выставлены в римском музее вместе с изображением фрески, на которой они хорошо видны на своем месте в женском убранстве. Конечно, не у всех музеев есть такой драгоценный в прямом и переносном смысле материал. Так, в музее Киевского университета скандинавские фибулы демонстрируются вместе с рукодельным рисунком, показывающим, как и где их носили.

Нередко в музеях можно видеть стремление показать не отдельные вещи, а целый археологический комплекс, например, погребение. Можно поместить в экспозицию целое погребение *in situ*, т.е. вырезанное вместе с частью грунта. В России одним из первых такой прием применил Н.Е. Бранденбург, привезя в 1893 г. в Артиллерийский музей погребение кочевника с конем¹⁶. Существует и более простой способ с использованием схематичной фигуры погребенного из полупрозрачного пластика или даже с использованием увеличенного изображения полевого чертежа в качестве дна витрины. Довольно редкий способ экспонирования, являющийся находкой для археологов, когда в одной витрине единым экспозиционным комплексом выставляется весь погребальный инвентарь из одного погребения. Таким способом в Термах Диоклетиана в Риме показаны наиболее интересные погребения из нескольких могильников эпохи бронзы и раннего железа.

Эффектно и познавательно смотрятся в археологической экспозиции манекены, одетые в костюмы соответствующей эпохи со всеми украшениями или предметами вооружения. Мог ли бы рядовой посетитель, не искушенный в археологии, представить себе великолепие наряда царской пары, погребенной в кургане Аржан-2, без манекенов, являющихся полной реконструкцией их богатого убранства?

Макеты и модели очень широко используются в экспозициях археологических и исторических музеев. Не являясь предметами основного фонда, они позволяют показать цельный облик палеолитической стоянки или средневекового замка. В Латениуме представлены даже макеты, демонстрирующие процесс раскопок свайного поселения в XIX в. или некоторые хозяйственные занятия древнего населения. Макет Краковского музея, изображающий подъем и установку большого каменного менгира, наглядно показывает, как это делалось.

Важную роль в археологической экспозиции играют реконструкции. Несмотря на долю гипотетичности, только они позволяют показать посетителю, как, например, выглядел дом в свайном поселении или палеолитическое жилище из костей мамонта. Без реконструкции деревянной или костяной рукоятки очень трудно показать, как использовались вкладышевые микролиты. Для массового посетителя вид целого объекта почти всегда предпочтительнее аутентичного фрагмента, особенно если фрагмент маловыразительный и не позволяет увидеть за ним целую форму. Принцип *pars pro toto* хорош в науке, но не в экспозиции музея.

Немало примеров, когда экспозиционеры с помощью цвета и света пытаются показать культурно-хронологическую стратиграфию разновременных остатков. В археологической крипте под площадью перед Парижским собором Нотр-Дам, если посетитель захочет увидеть остатки Лютеции галло-римской эпохи, ему следует нажать на специальном стенде красную кнопку, и красноватый свет высветит их; для остатков эпохи Мерovingов — синяя кнопка, включающая синее освещение; средневековые стены и постройки будут освещены желтым светом после нажатия на желтую кнопку. Подобная маркировка цветами разных хронологических горизонтов в более простом исполнении представлена в подземелье Женевского собора.

¹⁶ Бранденбург Н.Е. Путеводитель по С.-Петербургскому Артиллерийскому музею. I. Отдел доисторический. СПб., 1902. С. 52.

Место, которое занимает экспонат в экспозиции, также играет немалую роль. В 2003 г. мне довелось увидеть бюст Нефертити в Египетском музее в берлинском районе Шарлоттенбург. Он был выставлен в центре небольшой совершенно черной комнаты, являясь там единственным экспонатом, и не мог не привлечь внимания любого посетителя, сразу понимавшего, что перед ним один из самых известных шедевров древнеегипетского искусства. В настоящее время в Новом музее он тоже в отдельном зале, но этот зал имеет богатое разноцветное архитектурное убранство, рассеивающее внимание зрителя. Три примерно равные друг другу по своей художественной выразительности статуи Венеры в Лувре, Капитолийском музее в Риме и в Эрмитаже экспонируются по-разному. В Лувре — в центре зала и пройти мимо нее не заметив невозможно, в римском музее — в отдельном маленьком зале, в Эрмитаже — у стены близко к углу среди прочих античных статуй. В том же Капитолийском музее великолепная римская мозаика «Тигр, пожирающий ягненка» помещена на лестничной площадке высоко под потолком и большинство посетителей ее просто не заметит. Черная большая стена с кодексом Хаммурапи в зале цокольного этажа Лувра стоит напротив окна во всю стену и ее отлично видно не только с любой точки этого зала, но и с улицы Риволи. Существует много разнообразных способов акцентирования внимания посетителей на самых значимых экспонатах. Среди самых распространенных — помещение в отдельную витрину, размещение в центральной части экспозиционных залов, выделение подсветкой. Внутри одной витрины чаще всего выделяют разными уровнями.

Витрина не должна отвлекать внимание посетителя от своего содержимого. Сами музейные витрины претерпели большую эволюцию от произведений мебельного искусства в XIX в. (витрины в залах Боспора Киммерийского Императорского Эрмитажа) до минимализма XXI столетия¹⁷. В настоящее время нередко витрину заменяет ниша в стене перекрытая стеклом. Максимальная прозрачность со всех сторон при минимуме деталей — вот лозунг современной витрины. Очень простое и недорогое решение довелось увидеть в музее Ивангородской крепости — археологические предметы были выставлены на полу в центре зала в деревянных коробах, закрытых стеклами. В некоторых случаях витрина может удачно оттенять экспонаты, служить для них хорошим фоном. Так, например, в Музее национальных древностей Франции коллекция римских стеклянных сосудов помещена в витрины разбитые на ячейки матовым белым пластиком, который подчеркивает их полихромность. В этом же музее можно видеть великолепные золотые изделия, размещенные в витрине с задником естественного цвета дерева, т.е. желтое на желтом. Во втором случае золотые вещи смотрелись бы более эффектно на каком-нибудь другом фоне.

Значимо и количество экспонатов в витрине. Раньше музеи стремились выставить как можно больше предметов в одной экспозиции археологических материалов. Фотографии Копенгагенского музея первой половины XX в. показывают шкафы-витрины буквально набитые однообразными категориями вещей. Сейчас для этого есть открытое хранение. Не очень понятно, зачем создавать отдельную витрину с керамическими пряслицами. Разве они могут характеризовать латенскую культуру? В экспозициях египетских древностей Лувра, занимающих два этажа, есть витрины, содержащие до сотни и более мелких разнообразных предметов. Наверное, это очень хорошо для египтологов, но рядовой посетитель вряд ли будет в состоянии сконцентрировать внимание и запомнить хоть что-нибудь из них. Даже такие шедевры эллинистического искусства, как фаюмские портреты выставляются в Лувре без всякого акцентирования и пояснения какую функцию они

¹⁷ Семенова Т.Б. История Эрмитажа в зеркале витрин: Каталог выставки. СПб., 2014.

выполняли. Иные части экспозиции римских и ватиканских музеев больше напоминают лавки древностей, где на небольшой площади расположено очень много предметов античного искусства, например, римских скульптурных портретов, которых внимательно рассмотреть невозможно, поскольку они в нише, проход в которую перекрыт. В экспозициях, созданных в относительно недавнее время, как правило, оказывается меньше археологических предметов по сравнению с выставками прошлого столетия.

Еще раз подчеркну, что никаких универсальных способов показа археологических коллекций и создания экспозиций быть не может в принципе. Очень хорошо, что существуют разные музеи, по-разному демонстрирующие культурное наследие человечества и идущие своим путем. Важно только учитывать, что такие экспозиции должны создаваться не для узкого слоя подготовленных зрителей, а для самых широких масс публики и они должны быть доступны для понимания.

Список литературы

Алексеев А.Ю. Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Античное искусство в советском музееведении. Л.: Государственный Эрмитаж, 1987. С. 59–66.

Андреев В.М. Интерпретативность археологического наследия и его музейная презентация // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–1. С. 195–200.

Белецкий С.В. К проблеме выявления «узловых экспонатов» в историко-археологической экспозиции // Музей в современной культуре. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 1995. С. 36–39.

Бутягин А.М. Проблемы экспонирования археологического материала в художественном музее // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium (с международным участием). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 8–11.

Вержицкий В.Г. Проблемы экспозиции музеев археологии и истории // Музейное дело в СССР. [Б. м.: Б. и.], 1971. С. 159–164.

Галанина Л., Доманский Я. Об экспозиционной работе отдела истории первобытной культуры // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Государственный Эрмитаж, 1962. Т. XXII. С. 3–6.

Гроздилов Г.П., Столяр А.Д. К вопросу о построении музейной археологической экспозиции // Советская археология. 1958. № 4. С. 227–231.

Гусев С.В., Загорюлько А.В., Минеева И.М. и др. Археологическое наследие в музеях-заповедниках Европейской части России. Томск: ТМЛ-Пресс, 2011. 260 с.

Жукова А.В. Эволюция взаимоотношений археологической науки и музея: на материалах экспозиций музеев Москвы. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2000. 25 с.

Каплунов В.А., Покровская А.Ф., Евдокимова М.А. Проблемы музеефикации памятников археологии в трудах российских исследователей // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 32–38.

Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: «ГНОМ и Д», 2004. 80 с.

Пестерева О.А. Инновационные формы представления экспонирования археологических коллекций // Наследие — музей — туризм: Мифы и современные реалии. Улан-Уде: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2016. С. 147–151.

Пирс С. Структурируя прошлое: археологические экспозиции // *Museum*. 1995. № 185. С. 9–13.

Поляков Т.Г. Музейная экспозиция: собрание раритетов, учебное пособие или художественный ребус? // Мир музея. 2007. № 1. С. 28–31.

Покровская А.Ф., Евдокимова М.А. Характеристика сети археологических музеев-заповедников России // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2017. № 5. С. 22–29.

Попова Т.Б., Раушенбах В.М. Археологические материалы в краеведческих музеях. М.: Госкультпросветиздат, 1954. 124 с.

Пряхин А.Д. Музей археологии Воронежского университета // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 232–244.

Рабинович М.Г. Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев. М.: [Б. и.], 1961. Ч. 2. Период феодализма. 160 с.

Семенова Т.Б. История Эрмитажа в зеркале витрин: Каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2014. 157 с.

Скрипкина Л.И. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях археологических и историко-краеведческих музеев // Фелицинские чтения XX. Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Краснодар: Вика-Принт, 2018. С. 242–246.

Степанова Ю.В., Жукова Е.Н. Археологический музей Тверского государственного университета: история, фонды, направления деятельности // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 244–255.

Тихонов И.Л. Археологическое музееведение или музейная археология: реалии, проблемы, перспективы // Труды по русской истории. Сборник статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М.: Издательский дом «ПАРАД», 2007. С. 544–556.

Тихонов И.Л. Археологическое музееведение: постановка проблемы // Музеология—музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. СПб.: [Б. и.], 2009. С. 219–227.

Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 427–479.

Томилов Н.А., Кильдюшева А.А., Патрушева Г.М. Музею археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского—40 лет // Музеи научных и учебных заведений: история, вклад в сферы знания и образования. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. С. 245–255.

Ютина Т.К. Археологические коллекции музеев и университетов: возможности популяризации историко-культурного наследия // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 48–56.

References

Alekseev, A.Ju. Jellino-skifskoe otделение i vystavka 1927 goda [Hellenic-Scythian department and exhibition of 1927], in *Antichnoe iskusstvo v sovetskom muzevedenii*. Leningrad: Gosudarstvennyj Jermitazh Press, 1987. P. 59–66. (In Rus.)

Andreev, V.M. Interpretativnost' arheologicheskogo nasledija i ego muzejnaja prezentacija [Interpretation of the archaeological heritage and its museum presentation], in *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014. № 11–1. P. 195–200. (In Rus.).

Beleckij, S.V. K probleme vyjavlenija «uzlovyh jeksponatov» v istoriko-arheologicheskoj jekspozicii [On the problem of identifying “key exhibits” in the historical and archaeological exposition], in *Muzej v sovremennoj kul'ture*: Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj institut kul'tury Press, 1995. P. 36–39. (In Rus.).

Butjagin, A.M. Problemy jeksponirovanija arheologičeskogo materiala v hudozhestvennom muzee [Problems of exhibiting archaeological material in an art museum], in *Pamjatniki arheologii i hudozhestvennoe tvorčestvo: Materialy osennego kollokviuma (s mezhdunarodnym uchastiem)*. Omsk: OmGPU Press, 2004. P. 8–11. (In Rus.).

Galanina, L., Domanskij, Ja. Ob jekspozicionnoj rabote otdela istorii pervobytnoj kul'tury [On the exposition work of the department of the history of primitive culture], in *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha*. Leningrad: Gosudarstvennyj Jermitazh Press, 1962. Vol. XXII. P. 3–6. (In Rus.).

Grozdilov, G.P., Stoljar, A.D. K voprosu o postroenii muzejnoj arheologičeskoj jekspozicii [On the question of building a museum archaeological exposition], in *Sovetskaja arheologija*. 1958. № 4. P. 227–231. (In Rus.).

Gusev, S.V., Zagorul'ko, A.V., Mineeva, I.M. et all. *Arheologičeskoe nasledie v muzejah-zapovednikah Evropejskoj časti Rossii* [Archaeological heritage in reserve museums of the European part of Russia]. Tomsk: TML-Press, 2011. 260 p. (In Rus.).

Jutina, T.K. Arheologičeskie kollekcii muzeev i universitetov: vozmožnosti populjarizacii istoriko-kul'turnogo nasledija [Archaeological Collections of Museums and Universities: Opportunities for Popularizing Historical and Cultural Heritage], in *Arheologija Evrazijskih stepej*. 2019. Vol. 5. P. 48–56. (In Rus.).

Kaplunov, V.A., Pokrovskaja, A.F., Evdokimova, M.A. Problemy muzeifikacii pamjatnikov arheologii v trudah rossijskich issledovatelej [Problems of museumification of archaeological sites in the works of Russian researchers], in *Učenyje zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica»*. 2015. № 2. P. 32–38. (In Rus.).

Medved', A.N. *Muzeifikacija pamjatnikov arheologii v Rossii (proshloe i nastojashhee)* [Museumification of archaeological sites in Russia (past and present)]. Moscow: «GNOM i D» Press, 2004. 80 p. (In Rus.).

Pearce, S. Strukturiruja proshloe: arheologičeskie jekspozicii [Structuring the Past: Archaeological Exhibitions], in *Museum*. 1995. № 185. P. 9–13. (In Rus.).

Pestereva, O.A. Innovacionnye formy predstavlenija jeksponirovanija arheologičeskikh kollekcij [Innovative forms of presentation of exhibiting archaeological collections], in *Nasledie—muzej—turizm: Mify i sovremennye realii*. Ulan-Ude: Vostočno-Sibirskij gosudarstvennyj institut kul'tury Press, 2016. P. 147–151. (In Rus.).

Poljakov, T.G. Muzejnaja jekspozicija: sobranie raritetov, učebnoe posobie ili hudozhestvennyj rebus? [Museum Exposition: Collection of Rarities, Study Guide or Art Rebus?], in *Mir muzeja*. 2007. № 1. P. 28–31. (In Rus.).

Pokrovskaja, A.F., Evdokimova, M.A. Charakteristika seti arheologičeskikh muzeev-zapovednikov Rossii [Characteristics of the network of archaeological reserve museums in Russia], in *Učenyje zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja pisanica»*. 2017. № 5. P. 22–29. (In Rus.).

Popova, T.B., Raushenbah, V.M. *Arheologičeskie materialy v kraevedčeskikh muzejah* [Archaeological materials in local history museums]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat Press, 1954. 124 p. (In Rus.).

Prjahin, A.D. Muzej arheologii Voronezhskogo universiteta [Museum of Archeology of Voronezh University], in *Universitetskie muzei: proshloe, nastojashhee, budushhee. Materialy*

mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saint-Petersburg: SPbGU Press, 2006. P. 232–244. (In Rus.).

Rabinovich, M.G. *Arheologicheskie materialy v jekspozicii kraevedcheskih muzeev. Chast' 2. Period feodalizma* [Archaeological materials in the exposition of local history museums. Part 2. The period of feudalism]. Moscow: [without name of publisher], 1961. 160 p. (In Rus.).

Semenova, T.B. *Istorija Jermitazha v zerkale vitrin: Katalog vystavki* [History of the Hermitage in the Mirror of Showcases: Exhibition Catalog]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvenno Jermitazha Press, 2014. 157 p. (In Rus.).

Skripkina, L.I. Problemy interpretacii pamjatnikov arheologii v jekspozicijah arheologicheskikh i istoriko-kraevedcheskih muzeev [Problems of Interpretation of Archaeological data in Expositions of Archaeological and Local History Museums], in *Felicinskie chtenija XX. Problemy sohraneniya, izucheniya i muzeefkacii istoriko-kul'turnogo i prirodnogo nasledija. Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Krasnodar: Vika-Print Publ., 2018. P. 242–246. (In Rus.).

Stepanova, Ju.V., Zhukova E.N. Arheologicheskij muzej Tverskogo gosudarstvennogo universiteta: istorija, fondy, napravleniya dejatel'nosti [Archaeological Museum of Tver State University: history, funds, activities], in *Universitetskie muzei: proshloe, nastojashhee, budushhee. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Saint-Petersburg: SPbGU Press, 2006. P. 244–255. (In Rus.).

Tikhonov, I.L. Arheologicheskoe muzeevedenie ili muzejnaja arheologija: realii, problemy, perspektivy [Archaeological museology or museum archeology: realities, problems, prospects], in *Trudy po russkoj istorii. Sbornik statej v pamjat' o 60-letii Igorja Vasil'evicha Dubova*. Moscow: Izdatel'skij dom «PARAD» Press, 2007. P. 544–556. (In Rus.).

Tikhonov, I.L. Arheologicheskoe muzeevedenie: postanovka problem [Archaeological Museology: Statement of the problem], in *Muzeologija—muzeevedenie v XXI veke: problemy izucheniya i prepodavaniya*. Saint-Petersburg: [without name of publisher], 2009. P. 219–227. (In Rus.).

Tikhonov, I.L. Arheologija v Imperatorskom Jermitazhe [Archeology at the Imperial Hermitage], in *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*. 2014. Vol. 4. P. 427–479. (In Rus.).

Tomilov, N.A., Kil'djusheva, A.A., Patrusheva, G.M. Muzeju arheologii i jetnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F.M. Dostoevskogo—40 let [Museum of Archeology and Ethnography of F.M. Dostoevsky Omsk State University—40 years], in *Muzei nauchnyh i uchebnyh zavedenij: istorija, vklad v sfery znaniya i obrazovaniya*. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo Press, 2015. P. 245–255. (In Rus.).

Verzhbickij, V.G. Problemy jekspozicii muzeev arheologii i istorii [Problems of exposition of museums of archeology and history], in *Muzejnoe delo v SSSR*. [without place, without name of publisher], 1971. P. 159–164. (In Rus.).

Zhukova, A.V. *Jevoljucija vzaimootnoshenij arheologicheskoy nauki i muzeja: na materialah jekspozicij muzeev Moskvy. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Evolution of the relationship between archaeological science and the museum: on materials from expositions of museums in Moscow. Abstract of Ph.D. thesis]. Moscow, 2000. 25 p. (In Rus.).

Королькова Л.В.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТИХВИНСКОГО МЕЖРАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1919–1941)

Королькова, Людмила Валентиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ведущей категории, Российский этнографический музей, Россия, Санкт-Петербург, korolkoval@list.ru.

Статья представляет собой итог научного исследования, посвященного истории формирования Тихвинского межрайонного краеведческого музея в период с 1919 по 1941 гг. Особое внимание в работе уделено персонам, которые стояли у истоков музея и поддерживали его работу в 1920-е и 1930-е гг. (Е.В. Скородумов, И.П. Мордвинов, В.И. Равдоникас). В статье рассматривается процесс формирования музея и проблемы, с которыми пришлось столкнуться его сотрудникам в послереволюционные годы: сохранение исторических ценностей Тихвинского Успенского монастыря, выявление предметов музейного значения, обеспечение сохранности коллекций и отдельных особо ценных экспонатов. На протяжении всей деятельности организаторы и сотрудники музея в Тихвине ставили перед собой довольно масштабные задачи, которые предполагали комплексное изучение Тихвинского края. Однако направления работы приходилось часто корректировать, поскольку эта деятельность зависела от ряда объективных и субъективных факторов: сложной политической обстановки и экономической ситуации, особенностей менталитета различных категорий населения Тихвина и Тихвинского края. К 1930-м гг. музей уже располагал разноплановыми коллекциями, в которых было много редких и уникальных предметов. Однако практически все они погибли в годы Великой Отечественной войны. До недавнего времени состав этих коллекций был неизвестен. Приведенные в статье материалы частично заполняют эту лауну.

Ключевые слова: коллекция, музей, Тихвин, И.П. Мордвинов, В.И. Равдоникас.

THE HISTORY OF THE TIKHVIN REGIONAL LOCAL LORE MUSEUM (1919–1941)

Korolkova, Liudmila Valentinovna—Candidate of Science in History, the Leading Research Fellow, the Russian Museum of Ethnography, Russian Federation, Saint-Petersburg, korolkoval@list.ru.

The article is the result of a research devoted to the history of the formation of the Tikhvin regional Local Lore Museum in the period from 1919 to 1941. Special attention is paid to persons who were at the origins of the museum and supported its work in the 1920th and 1930th (E.V. Skorodumov, I.P. Mordvinov, V.I. Ravdonikas). The article examines the process of forming the museum and the problems that its employees had to face in the post-revolutionary years: preserving the historical values of the Tikhvin Assumption Monastery, identifying objects of museum significance, ensuring the safety of collections and individual particularly valuable exhibits. Throughout their activities, the organizers and employees of the museum in Tikhvin set themselves quite large-scale tasks that involved a comprehensive study of the

Tikhvin region. However, the directions of work were often adjusted, since this activity depended on several objective and subjective factors: the difficult political situation and the economic situation, the peculiarities of the mentality of various categories of the population of the city of Tikhvin and the Tikhvin region. By the 1930th, the museum already had diverse collections, which included many rare and unique objects. However, almost all of them were lost during the Second World War. Until recently, the composition of these collections was unknown. The materials presented in the article partially fill this gap.

Key words: collection, museum, Tikhvin, I.P. Mordvinov, V.I. Ravdonikas.

История становления Тихвинского краеведческого музея тесно переплетена с историей жизни и деятельности многих выдающихся краеведов, педагогов, деятелей науки и культуры. В их числе был и один из первых университетских преподавателей А.Д. Столяра, оставивший в его жизни неизгладимый след. Это хорошо известный всем современным исследователям археолог, профессор ЛГУ В.И. Равдоникас, уроженец города Тихвина. Несмотря на то, что «тихвинский период» в жизни этого ученого исследован довольно подробно¹, в нем есть ряд тематических лакун, которые не получили должного освещения на страницах научных изданий. Одним из таких «белых пятен» является его деятельность по руководству музеем и формированию коллекций музея.

Становление музейного дела в Тихвинском крае началось задолго до официального открытия первого уездного музея в Тихвине. Интерес к этой деятельности возник в русле общероссийского движения начала XX в., пришедшего на смену народничества, целью которого было «познание родины». Откликом на это явление стало создание в Тихвине местного отделения Новгородского общества любителей древности (21 мая 1913 г.) под руководством историка и краеведа И.П. Мордвинова².

В числе первых членов общества (1913–1916 гг.), помимо руководителя, был ряд лиц, которые в дореволюционный период занимались изучением памятников «тихвинской старины» и вопросами сохранения их для науки. Это выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Е.В. Скородумов, историк Б.Д. Греков, специалист по тихвинской водной системе К.Н. Проскураков, М.В. Муравьев (будущий директор Новгородского губернского архива), В.И. Равдоникас и др. Особо следует отметить Е.В. Скородумова, уроженца с. Ребовичи Тихвинского уезда. В 1912 г. он закончил Духовную академию в Санкт-Петербурге и вернулся в Тихвин. В его научном багаже, помимо знаний, полученных в высшем учебном заведении, были навыки работы с археологическим материалом, приобретенные в ходе освоения краткого курса лекций в петроградском Археологическом институте. Современники считали его специалистом в области археологии, архивного дела, филологом и краеведом³.

¹ Платонова Н.И., Бондарева В.В., Жэрвэ Н.Н., Титова А.А. К 125-летию юбилею В.И. Равдоникаса. Путь в науку. Ч. 1: Тихвинские истоки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 123–126; Спиридонова Е.К. Научная и просветительская деятельность Исаакия Петровича Мордвинова (1871–1925). Диссертация кандидата исторических наук. СПб., 2016; Королькова Л.В. Исследователь и собиратель материалов по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Сборник научных трудов по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея. Петрозаводск, 2008. С. 101–103.

² Мордвинов И.П. Познание родины // Новгородский Север. 1915. №№ 10, 11, 14, 17.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее — ЦГА СПб). Ф. Р-7384. Оп. 10. Д. 2539. Л. 1–3.

В 1912 г. Е.В. Скородумов был принят на педагогическую работу в Тихвинское духовное училище. Благодаря этому он был допущен в библиотеку Тихвинского Большого монастыря, где три года занимался изучением и описанием столбцов XV–XVII и XVIII вв. Евгений Васильевич первым смог оценить значение этого собрания источников для науки и первым сделал попытку ввести их в научный оборот. На основе указанных материалов исследователь начал работу над темой «Историко-археологический очерк Тихвинского монастыря и края». Когда часть этой книги была готова к печати, он передал ее в Новгородское археологическое общество. Однако из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны работа не была издана. Такая же участь постигла и статьи автора, написанные в период 1913–1914 гг. В их числе: «К истории вотчин Тихвинского Большого монастыря Новгородской епархии», «Николаевский Шуньгский погост в Занежье» (по материалам столбцов XVII в.), «Повинности монастырских крестьян Тихвинского Большого монастыря к половине XVIII века» и др.⁴

В то время, когда Е.В. Скородумов уже считался специалистом по истории и археологии Тихвинского края, В.И. Равдоникас был еще никак не проявившим себя на ниве науки молодым человеком, он только что закончил в Петрограде училище А.С. Черняева (1914). Однако по возвращении в Тихвин он сразу подключился к работе в Тихвинском отделении Новгородского общества любителей древности. Не имея никаких профессиональных навыков, в 1915 г. он «предпринял поездку с археологической целью» в Жуковскую волость, где раскопал ряд средневековых курганов у с. Дрегли и записал несколько народных преданий «о литве». Так как В.И. Равдоникас полагал, что курганы, раскопанные у с. Дрегли, оставлены финским населением, ему «захотелось поближе взглянуть на живое потомство тех широкоскулых индивидов, которых приходилось частенько извлекать из их погребений»⁵. В конце июня 1915 г. он отправился на север Тихвинского уезда в Пелдушскую волость. В Вонозере — первой деревне с преобладающим вепским населением, он свернул с земского тракта и далее следовал проселочными дорогами. Вепский край встретил В.И. Равдоникаса сурово, продемонстрировав ему свое бездорожье и дикость⁶.

Можно предположить, что именно эти первые факторы оказали на исследователя столь сильное влияние, что он лишь бегло ознакомился с несколькими вепскими деревнями, о чем свидетельствует весьма поверхностное описание жизни и быта чухарей, уместившееся на нескольких рукописных страничках его отчета, и несколько фотографий, сделанных в Вонозере, Мутнозере и Мягозере. Судя по тексту отчета, посвященного этой поездке (доклад В.И. Равдоникаса на общем собрании Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древности 21 марта 1916 г.), молодой исследователь не имел никаких навыков этнографической работы; буквально перед поездкой И.П. Мордвинов прислал В.И. Равдоникасу свою «программу о чухарях». Сведения о прибалтийско-финском населении Тихвинского уезда были на уровне материалов из статьи А.И. Колмогорова «Поездка по Чухарии» (в изложении результатов поездки В.И. Равдоникаса явно прослеживается структура статьи А.И. Колмогорова (по сути это было скрытое цитирование и реферативный пересказ))⁷.

⁴ Там же.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПбФ АРАН). Ф. 1049. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–8.

⁶ Там же.

⁷ Королькова Л.В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов. С. 102–103.

Документы, хранящиеся в архивах, позволяют сделать вывод о том, что большая часть работы по формированию Тихвинского музея перед революцией и сразу после нее лежала на плечах И.П. Мордвинова, поскольку В.И. Равдоникаса практически не было в Тихвине. В период 1914–1916 гг. он был студентом петроградского Политехнического института (экономическое отделение), где обучался полтора года⁸. В 1916 г. он поступил на юридический факультет Петроградского университета. А в мае того же года, будучи студентом, был мобилизован в армию и направлен в Михайловское артиллерийское училище. В декабре 1916 г. закончил его и был направлен на Западный фронт, где и находился по сентябрь 1917 г.⁹

В 1917 г. имущество частного тихвинского музея было национализировано. Перед местными краеведами была поставлена задача создания нового музея. Однако профессиональных кадров почти не было. В.И. Равдоникас вернулся в Тихвин только в январе 1918 г. Он поступил на педагогическую работу в школу второй ступени, где преподавал до 1 сентября 1918 г. В мае этого же года Владислав Иосифович обратился в Политехнический институт с просьбой о восстановлении его в статусе студента и просил разрешить ему держать экзамен по прослушанным им курсам во время его первой сессии 1915/1916 гг.¹⁰

Поскольку подготовка к сдаче экзаменов требовала много времени, музей по-прежнему оставался в стороне от его интересов. Вскоре Владислав Иосифович вновь был призван в армию, где и находился до декабря 1920 г.¹¹ Уже находясь на службе, в декабре 1918 г. В.И. Равдоникас подал заявление в университет о зачислении его в число студентов на естественное отделение физико-математического факультета¹², поскольку понимал, что без высшего образования ему будет трудно продвигаться по карьерной лестнице. К тому времени такая черта его характера как амбициозность стала проявляться особенно ярко. И.П. Мордвинов в своем дневнике писал: «Владик начинает страдать манией величия»¹³.

1919 год был для Тихвина, как и для всей страны, очень сложным. Не было никакой ясности о дальнейшей судьбе Тихвинского Большого монастыря и его исторических ценностей. Особое беспокойство по этому поводу высказывал И.П. Мордвинов. В январе 1919 г. он провел беседу с насельниками монастыря и рекомендовал им создать на его территории коммуны, чтобы оградить памятники культуры от различных посягательств. Однако пламенные призывы Исаакия Петровича, направленные на «возрождение монастыря в духе чистого христианства», не были поддержаны монахами, поскольку их в то время интересовали только бытовые вопросы. После собрания Мордвинов оставил в своем дневнике следующую запись: «Монахи шумно разошлись, и я понял, что среди них был только один монах—это я сам»¹⁴.

Непростое время переживал и местный музей, в который свозились и сваливались в кучи книги и документы из частных библиотек. Все это из-за отсутствия достаточного

⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 2. Д. 3781. Л. 7; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (Далее—ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 68318/1. Л. 1.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 661507. Л. 4.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 2. Д. 3781. Л. 12.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 1606. Л. 8.

¹² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 2941. Л. 3, 4.

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Далее—ЦГИА СПб). Ф. 2253. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

количества сотрудников превращалось в хлам. 15 апреля 1919 г. Мордвинов осмотрел музей и констатировал: «Всюду, начиная с коридора, по грязному полу раскиданы книги; это валяется библиотека Дурново <...> около стен здесь же на полу лежат груды образов, портретов, картин <...> здесь же вся коллекция Буткевича. Среди образов великолепный старинный образ Беседный (с Юрьшем посередине, целый ящик столбцов)»¹⁵. При осмотре монастырской библиотеки было обнаружено много хищений. Большое количество мешков со столбцами без всяких документов было отправлено в Устюжну. Оставшиеся сотни коробок со столбцами хранились в ужасных условиях. В 1919 г. значительное количество рукописных книг по требованию архиерея Тихвинского монастыря было разослано по неизвестным адресам. Библиотечные книги страдали от сырости, ценные грамоты валялись на полу, по рукописям текла вода и начался процесс гниения¹⁶.

В 1919 г., в преддверии репрессий, Тихвин покинул Е.В. Скородумов; он переехал в Новгород. Будучи на государственной службе он продолжал сотрудничество с Новгородским губернским архивом, а с 1921–1922 гг. временно исполнял обязанности его заведующего. В 1923 г. он исполнял обязанности секретаря Новгородского общества любителей древности, а в 1924 г. стал его председателем. Когда Евгений Васильевич спешно уезжал из Тихвина, он увез часть своих рукописей по описанию документов, хранившихся в монастырской библиотеке. Поскольку ему пришлось часто переезжать с места на место, часть описей была утрачена. То, что сохранилось, в июне 1925 г. (описи 1722–1732, 1738, 1748, 1750, 1761, 1762 гг.), через посредничество Б.Д. Грекова, было передано в Археографическую комиссию при Академии наук¹⁷.

Комплектование Тихвинского музея в послереволюционные годы проходило хаотично, однако в музей часто попадали весьма интересные вещи. Так в первой половине 1919 г. из имения Бутково, принадлежащего И.В. Богданову, в музей были доставлены старые вериги, принадлежавшие местному юродивому Иванушке. Согласно преданию, он принес их из Киевских пещер. Часть предметов этого почитаемого безумца и аскета-подвижника поступила из ризницы Тихвинского монастыря: шерстяная рубаха «власяница», тяжелая железная шапка в виде скуфьи с отделкой черным бархатом и медными образками, деревянный крест¹⁸.

Итак, Тихвинский межрайонный краеведческий музей был основан 23 июня 1919 г. в здании Казенных келий на территории Тихвинского Успенского мужского монастыря¹⁹. Несмотря на то, что инициаторами его создания была группа краеведов и педагогов Тихвина во главе с инструктором внешкольного образования, краеведом И.П. Мордвиновым, директором музея был назначен заведующий Тихвинским уездным Отделом народного образования В.И. Равдоникас. Позже к работе музея подключился заведующий Транспортно-судоходным отделом Тихвинского водного пути К.Н. Проскуряков. В то время Тихвинский музей состоял из одного историко-библиографического отдела.

Музейная работа мало интересовала В.И. Равдоникаса. После возвращения в Тихвин он активно включился в политическую жизнь города и уезда. С мая по октябрь 1919 г. он — в составе Уездного исполкома Тихвинского Совета рабочих и крестьянских депутатов; с декабря 1920 по март 1921 гг. являлся членом Тихвинского Уездного комитета

¹⁵ Там же. Л. 164, 165.

¹⁶ Там же. Л. 167, 170.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7438. Оп. 10. Д. 2539. Л. 4–32.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 4. Л. 216.

¹⁹ Самушенкова М.Л. Душевная щедрость // Трудовая слава. 14.09.1974.

ВКП(б), а в августе 1921 г. был избран членом Череповецкого Губернского комитета ВКП(б). Позже был избран уполномоченным Главнауки Наркомпроса и председателем Комиссии по изучению местного края при Тихвинском уездном исполкоме (комиссия входила в состав Череповецкого Губернского бюро краеведения)²⁰.

При такой занятости директора невозможно было обеспечить полную сохранность музейных коллекций, да и сам Владислав Иосифович не считал зазорным унести из музея какой-либо ценный предмет. Эти действия нового директора возмущали монахов, они открыто обвиняли Равдоникаса в кражах²¹. Сложившаяся ситуация очень огорчала И.П. Мордвинова, но состояние его здоровья не позволяло ему часто бывать в музее. Особую озабоченность исследователя вызывали старинные иконы и ценные исторические рукописи, среди которых были: Сказание об иконе Тихвинской Божией Матери, план Тихвина 1679 г., монастырские переписные книги XVII в., писцовые книги по Шуньгскому погосту (1496 г.), письма Юрия Сабурова, писцовые книги письма Андрея Плещеева по Тихвинскому посаду (1583 г.), писцовая книга Мины Лыкова по Тихвинскому посаду (1620 г.). В начале 1920 г. эти документы находились в монастырской библиотеке²². Зная о том, что музей не способен обеспечить сохранность ценных предметов, в апреле 1920 г. И.П. Мордвинов вернул в ризницу монастыря все иконы, которые к тому времени были перенесены в музей²³.

Поскольку после революции из тихвинских монастырей стала исчезать старинная утварь и предметы интерьера из текстиля (пелены, покрывала, подушки), нужно было срочно составлять описи ризниц, для того чтобы предотвратить исчезновение исторических памятников. Однако местных специалистов было мало. Эту работу по мере возможности делал И.П. Мордвинов. Так, 25 апреля 1920 г. он осмотрел ризницу Введенского монастыря, где зафиксировал наличие большого количества старинного шитья, старинных икон и церковной утвари, много свитков. Все эти предметы имели историческую и музейную ценность²⁴.

Помощи ждать было неоткуда, поскольку с мая 1920 г. В.И. Равдоникас находился в армии. Он исполнял обязанности комиссара Комиссии Реввоенсовета по ревизии боеспособности артиллерии карельского участка фронта. Затем был командиром артиллерии Петропавловской крепости²⁵. Будучи в Петрограде, он впервые задумался о научной деятельности и решил написать статью «О взаимоотношениях финнов и славян Северо-Запада России по археологическим данным». Однако в то время его познания в этой области были крайне фрагментарны. Это отмечал и его учитель И.П. Мордвинов. После получения письма с этой информацией, он написал в своем дневнике: «Уверен, что напишет ученическое упражнение, а потом будет сожалеть об этом»²⁶. В декабре 1920 г. Равдоникас был уволен из Красной армии, снят с военного учета и вернулся в Тихвин.

Во время его отсутствия в Тихвине почти полностью был сожжен полицейский архив, в котором хранилось много ценных документов²⁷. В конце 1920 г. в музей пришли новые советские кадры; это были работники канцелярии и сотрудники музея, которые не

²⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 1606. Л. 8; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 661507. Л. 8.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 6. Л. 49.

²² ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 4. Л. 169; Ф. 2253. Оп. 1. Д. 5. Л. 22, 91.

²³ Там же. Л. 84, 120.

²⁴ Там же. Л. 127.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 12. Д. 1606. Л. 8.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 5. Л. 93.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 7. Л. 48.

имели никакой профессиональной подготовки. Они сразу приступили к демонтажу старой экспозиции и оформлению нового выставочного пространства. Как образно заметил И.П. Мордвинов: «Заняли весь музей лубками»²⁸. Следующий год не сулил музею ничего хорошего, поскольку экономическая и политическая ситуация в Тихвине была очень сложная. Население голодало; учителя (особенно в сельских школах) прекратили работу. В Тихвине начались репрессии против местной интеллигенции: инженеров, военных, профессоров, выдающихся проповедников. Большинство тихвинцев потеряло веру в советскую власть. Жители «с жадностью читали Библию, Апокалипсис, сказание об Антихристе — верили в его пришествие и ждали падения советской власти»²⁹.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию, музей продолжал собирательскую работу. Сотрудники музея и сам директор неоднократно выезжали в сельскую местность для поиска исторических ценностей. В селе Петровское им удалось обнаружить деревянную скульптуру Нила Столобенского, в старой церкви Реконьской пустыни было зафиксировано наличие фрагментов древнего иконостаса. Здесь же в главном храме была найдена старинная икона с погрудным изображением образа Спаса³⁰. В апреле 1921 г. до Тихвина дошла информация о том, что повсеместно началось уничтожение учреждений, созданных после революции для охраны исторических памятников; музеи переходили в ведение Политпросвета. На уровне органов государственной власти было принято решение о легализации внешней торговли памятниками искусства и старины. А 3 мая в Тихвинский музей пришел документ, согласно которому в город должны были приехать специалисты для фотографирования и зарисовки памятников искусства, хранящихся в музее и монастырях³¹.

Поскольку И.П. Мордвинов был очень серьезно болен, он практически прекратил работу с музейным собранием. Редкие посещения музея причиняли ему боль, поскольку хищения предметов не прекращались. В 1922 г. Исаакий Петрович писал в дневнике: «Музей все поворовывают, контроля нет. В.И. Равдоникас взял из музея много редких икон и особо ценные художественные издания, снял с картин стекла и унес их»³². То, что директора мало интересовало музейное дело, подтверждают документы, написанные им самим (осень 1922 г.)

Для В.И. Равдоникаса это было непростое время. Над ним нависла угроза перевода в Череповец, а потом исключение из партии. В своем обращении в Череповецкий Губернский комитет РКП он четко сформулировал свои профессиональные приоритеты: «Я вовсе не журналист и если с некоторого времени веду уездную газету в Тихвине, то только потому, что больше здесь решительно некому было поручить это дело. К газетной работе ни склонности, ни способности не имею и потому считать меня журналистом — значит жестоко ошибаться. Основной же и при этом любимой работой является работа педагогическая. Я, прежде всего и больше всего, учитель. Я окончил факультет общественных наук Петроградского университета и являюсь педагогом по профессии <...> педагогической и преподавательской работой я занят с утра и до поздней ночи»³³.

Поскольку В.И. Равдоникас занимал много должностей, за которые в то время платили жалование, педагогическая работа была у него в приоритете. В Тихвине в то время

²⁸ Там же. Л. 95.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 8. Л. 66, 76, 85.

³⁰ Там же. Л. 95.

³¹ Там же. Л. 158.

³² ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 21.

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 68318. Л. 1-9.

он заведовал Педагогическим техникумом и преподавал в шести его классах историю, литературу, обществоведение, социологию. Эта работа ежедневно занимала у него от 5 до 6 часов. Кроме этого он был преподавателем общественных наук в двух старших классах школы второй ступени, руководил марксистским кружком при УКОМЕ и читал лекции в уездной партшколе³⁴. На музейную работу времени практически не оставалось. Только благодаря И.П. Мордвинову музейная жизнь не прекращалась. В апреле 1925 г. из ведения Тихвинского музея были изъяты архивы Тихвинского Большого и Введенского монастырей. Они поступили на хранение в Ленинград в Археографическую комиссию. В Тихвине документы принимал Н.И. Репников. А 16 июля в Тихвин был направлен А.Ф. Малов для ознакомления с библиотекой монастыря. В ноябре этого года она была вывезена в Ленинград³⁵.

После смерти И.П. Мордвинова (1925 г.) в музей пришли новые сотрудники, а в 1927 г. директор музея В.И. Равдоникас переехал на постоянное место жительства в Ленинград. Директором тихвинского музея стал В. Рассказов. Он был не только администратором, но и исследователем, интересовался историческими памятниками Тихвинского края и археологией. В начале 1930-х гг. музей был перемещен в особняк, который ранее принадлежал Лохвицким, и начал восстанавливать свои экспозиции. Однако вскоре директор был снят с занимаемого поста. На его место в 1933 г. пришел Константин Николаевич Проскураков, член Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древностей. Он занимал эту должность до 1944 г. Н.П. Проскураков был знатоком истории Тихвинского края, традиционного быта населения. Благодаря его заботам, музей постоянно пополнялся предметами, отражающими сельское хозяйство региона, местную промышленность и историю Тихвинского края³⁶.

Основными источниками комплектования Тихвинского музея в 1920-е гг. были поступления от частных лиц и передача вещей из дворянских усадеб, церквей; также предметы музейного значения поступали от корреспондентов музея — учителей тихвинских городских и сельских школ. К 1933 г. в Тихвинском межрайонном краеведческом музее функционировало четыре отдела: природы и быта, флоры и фауны Тихвинского края, археологии и антирелигиозный. Они находились на втором этаже каменного двухэтажного дома в центре Тихвина (пл. Свободы). Ранее эти помещения занимал Дом пионеров. В музее на тот период хранилось 4 816 предметов. В 1941 г. площадь всех экспозиционных площадей составляла 243 кв.м. В экспозиции было пять отделов: вводный, природы и быта, археологии, исторический и социалистического строительства (особое место в нем занимала тема добычи бокситов и технологии получения алюминия). В залах музея были представлены материалы по четырем районам Ленинградской области: Дрегольскому, Ефимовскому, Капшинскому и Тихвинскому³⁷.

В первом вводном отделе экспонировались географические карты Ленинградской области, Тихвинского района и прилегающих к нему территорий. Здесь были представлены картографические материалы по водоемам уезда и таблицы, характеризующие климат Тихвинского края³⁸. Во втором отделе, «Природа и быт», были выставлены чучела медведя, барсука, 38 видов птиц, рыбы ценных пород, лекарственные травы и ягодные

³⁴ Там же.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 201. Л. 14.

³⁶ Самушenkova М.Л. Душевная щедрость.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 265. Л. 3, 8, 10.

³⁸ Там же. Л. 11.

кустарники. Природные богатства края были представлены образцами огнеупорных и горшечных глин, доломитовых известняков, туфа. Здесь же располагались материалы по традиционной культуре вепсов: макеты бревенчатых изб, орудия обработки волокнистых культур: мялки, воробы, выюшки, прялки; модель ткацкого горизонтального станка, набойные доски, стол с резьбой, деревянная и берестяная утварь: ковши для пива, солонки, табакерки; пастуший рожок, манекен в мужском костюме, манекен в женском костюме, отдельные предметы одежды: кокошники, повойники, юбки и украшения из бисера, а также обувь из бересты³⁹.

Наиболее ценные экспонаты составляли третий, исторический отдел. В этом помещении были размещены чугунные пушки, которые защитники Тихвина в 1613 г. отбили у шведов, осаждавших Успенский монастырь; шведские знамена на древках, две шведские пушки с четырехколесными лафетами, медные пушки, украшенные орнаментом, на деревянных колесных лафетах, 69 ядер, шведские копыя (4), секиры, два шведских меча (один с медной рукоятью в виде головы петуха, а другой с рукоятью в виде головы птицы), пищали работы кузнецов Тихвинского посада, «чеснок» (105), латы из цветного металла с ремнями, мушкет с раструбом с гравировкой на дуле. История обороны Тихвинского монастыря и посада была представлена и в таблицах, и на диаграммах⁴⁰.

В четвертом отделе, посвященном археологии Тихвинского края, были представлены материалы по древнейшим эпохам (неолит), предметы, полученные в ходе раскопок курганов, расположенных в бассейнах р. Сясь и р. Паша (X–XIII вв.), и антропологические материалы из погребений. В витринах были выставлены каменные топоры, кремневые наконечники дротиков, глиняные лепные и круговые горшки, железные котлы и очажный инвентарь, бусы, фибулы и проч. Здесь же демонстрировались макеты могил с разными обрядами погребения (кремация, труположение). Из-за недостатка экспозиционных площадей в отдел археологии были помещены бивни и части челюсти мамонтов, обнаруженные у Бокситогорска при бурении скважин. В этом же помещении были выставлены культовые предметы, привезенные из церкви Тихвинского края. В их составе были иконы древнего письма, церковная утварь: посохи служителей культа, ковчеги, потиры, чаши, тарелки, кадильницы, кресты; предметы из текстиля: митры, плащаницы, пелены, антиминсы, а также облачения церковнослужителей. Особую ценность в этой части экспозиции представляла металлическая посеребренная рака и железная шляпа местного почитаемого святого Антония Дымского. Эти вещи были обнаружены в Дымском мужском монастыре при его закрытии (1939 г.) и перевезены в музей⁴¹.

Пятый отдел музея был посвящен революции, революционным преобразованиям и становлению советской промышленности. На площади отдела экспонировались бюсты Ленина и Сталина, тексты из их сочинений, карты, на которых были запечатлены военные действия в годы Гражданской войны. Современная промышленность края была представлена изделиями из алюминия (миски, ложки). Они были сделаны из металла, выплавленного из тихвинских бокситов. Легкую промышленность представляла артель «Галантерейщик»; она специализировалась на производстве изделий из пластмассы: гребней, расчесок, брошей и проч.⁴²

³⁹ Там же. Л. 11, 26.

⁴⁰ Там же. Л. 11, 12.

⁴¹ Там же. 12, 30.

⁴² Там же. Л. 12.

Помимо предметов, указанных выше, в состав собрания Тихвинского межрайонного краеведческого музея входили и другие тематические группы предметов: медные гравировальные доски, часы, предметы освещения, статуэтки, вазы, столовая посуда, мебель из красного дерева, дуэльные пистолеты, портреты тихвинских дворян и купцов, автографы Н.А. Римского-Корсакова на нотной бумаге, предметы нумизматики: монеты, отчеканенные во времена Алексея Михайловича, серебряные монеты XV–XVI вв.⁴³

За время оккупации Тихвина немецкими войсками (8.11.1941–9.12.1941) наиболее ценная часть коллекции Тихвинского музея была разграблена, а оставшаяся часть музейных предметов погибла; во время отступления немцев из города здание, в одном из помещений которого находился музей, было подожжено и полностью сгорело. Было уничтожено все музейное оборудование: витрины, щиты, бюсты и музейные экспонаты в количестве 4 816 единиц хранения. Их стоимость в 1944 г. была оценена в 2 млн. 500 000 рублей⁴⁴. Попытка воссоздания музея была предпринята Н.П. Проскураковым. В годы войны в помещении Дома Римских-Корсаковых была открыта краеведческая экспозиция, однако вскоре было принято решение о создании в этом помещении музея-квартиры Н.А. Римского-Корсакова. Возрождение Тихвинского краеведческого музея началось только в конце 1960-х гг. Но это уже другая история.

Список литературы

Королькова Л.В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Сборник научных трудов по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея. Петрозаводск: Редакционно-издательский отдел КарНЦ РАН, 2008. С. 91–106.

Платонова Н.И., Бондарева В.В., Жэрвэ Н.Н., Титова А.А. К 125-летию юбилею В.И. Равдоникаса. Путь в науку. Ч. 1: Тихвинские истоки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 101–126.

Самушенкова М.Л. Душевная щедрость // Трудовая слава. 14.09.1974.

Спиридонова Е.К. Научная и просветительская деятельность Исаакия Петровича Мордвинова (1871–1925): диссертация кандидата исторических наук. СПб., 2016. 290 с.

References

Korolkova, L.V. Issledovateli i sobirатели materialov po traditsionnoi culture vepsov: Aleksandr Ivanovich Kolmogorov, Vladislav Iosifovich Pavdonikas [The researchers and collectors of traditional culture of vepsians: Aleksandr Ivanovich Kolmogorov, Vladislav Iosifovich Pavdonikas], in *Istoriko-kulturnoe nasledie vepsov i rol muzeia v zhizni mestnogo soobschestva. Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 40-letiju Sheltozerskogo vepsskogo jetnograficheskogo muzeja*. Petrozavodsk: Redakcionno-izdatel'skij otdel KarNC RAN Press, 2008. P. 91–106. (In Rus.).

Platonova, N.I., Bondareva, V.V., Jerve, N.N., Titova, A.A. K 125-letiju iyubieiyu V.I. Ravdonikasa. Put' v nauku. Ch. 1: Tihvinskie istoki [To 125 years of V.I. Ravdonikas. His way to

⁴³ Там же. Л. 27.

⁴⁴ Там же. Л. 3.

science. Pt. 1: Tikhvin sources], in *Uchyonie zapicki Krimского federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seria «Istoricheskie nauki»*. 2020. Vol. 6 (72). Iss. 1. P. 101–126. (In Rus.).

Samushenkova, M.L. Dushevnyaya shedroct' [The hospitality of soul], in *Trudovaya slava*. 14.09.1974. (In Rus.).

Spiridonova, E.K. *Nauchnaia i prosvetitel'skaia deyatelnost Isaakia Petrovicha Mordvinova (1871–1925). Dissertacija kandidata istoricheskikh nauk* [Research and educational work of Isaaky Petrovitch Mordvinov (1871–1925). Thesis for Candidate of Science in History]. Saint-Petersburg, 2016. 290 p. (in Rus.)

Стасюк И.В.

УСАДЬБА Н.К. РЕРИХА ИЗВАРА И АРХЕОЛОГИЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Стасюк, Иван Вадимович—научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Россия, Санкт-Петербург, norroendreng@mail.ru.

Первый в России государственный музей художника, путешественника, археолога и миротворца Николая Рериха был открыт в 1984 г. в усадьбе Извара, где прошли его детство и юность. В окрестностях Извары в конце XIX в. Рерих проводил раскопки древнерусских курганов и других археологических памятников. Археология оказала значимое влияние на его идеи и мировоззрение, отразившись как в исторической живописи, так и в его миротворческой деятельности, направленной на защиту всемирного культурного наследия. Поэтому обращение музея в своей работе к археологической проблематике стало закономерным. В 1990–2017 гг. музеем в сотрудничестве с ИИМК РАН и СПбГУ были организованы археологические раскопки на семи памятниках железного века и средневековья Ижорского плато, проводились разведки и сбор случайных находок. Археологическое собрание музея насчитывает 2 106 предметов основного фонда и 378 предметов научно-вспомогательного фонда и регулярно пополняется. В 2017 г. в усадебном доме Рериха была открыта постоянная экспозиция «Древняя и средневековая история Ижорского плато», охватывающая периоды раннего железного века, раннего средневековья, эпоху Древнерусского и Московского государства. Существует возможность и необходимость расширения музейно-археологического направления в деятельности музея в Изваре. На базе принадлежащего музею отдельного здания Училищного дома—памятника архитектуры Северного модерна начала XX в.—возможно создание новой современной экспозиции, посвященной археологии запада Ленинградской области, оборудование фондохранилища для археологических коллекций, а ландшафты Извары предоставляют возможность для разнообразных научно-просветительских, туристических, культурно-массовых мероприятий исторической тематики.

Ключевые слова: Николай Рерих, музей-усадьба, Извара, музейная археология, археологические коллекции, археологическая экспозиция.

THE MANOR OF NICHOLAS ROERICH “IZVARA” AND ARCHAEOLOGY IN MUSEUM FIELD OF LENINGRAD REGION

Stasjuk, Ivan Vadimovitch—the Research Fellow, the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Saint-Petersburg, norroendreng@mail.ru.

The first Russian state museum of the artist, traveler, archaeologist and peacemaker Nicholas Roerich was opened in 1984 in the Izvara estate, where he spent his childhood and youth. In the region of Izvara at the end of the 19th century, Roerich carried out excavations of ancient Russian burial mounds and other archaeological sites. Archaeology had a significant impact on his ideas and worldview, reflected both in historical painting and in his peacekeeping activities aimed at protecting the world cultural heritage. Therefore, the museum turned in its

work to archaeological issues. In 1990–2017, the museum, in cooperation with the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and Saint-Petersburg State University, organized the archaeological excavations on 7 sites. The archaeological collection of the museum includes 2484 items and is regularly replenished; in 2017, an exhibition “Ancient and medieval history of the Izhora plateau” was opened in the Roerich manor house. It covers the periods of the Iron Age, the early Middle Ages, the era of the Old Russian and Moscow state. There is a possibility to expand the archaeological direction in the activities of the museum in Izvara. On the basis of the separate building of the School House belonging to the museum—an architectural monument of Northern Modern of the beginning of the 20th century,—it is possible to create a new modern exposition dedicated to the archaeology of the west part of the Leningrad region, equip a storage facility for archaeological collections. Izvara landscapes provide an opportunity for a variety of scientific and educational, tourist, cultural events of historical subjects.

Key words: Nicholas Roerich, estate-museum, Izvara, museum archaeology, archaeological collections, archaeological exposition.

Первый в нашей стране музей выдающегося русского художника, путешественника и миротворца Николая Константиновича Рериха был открыт в 1984 г. в усадьбе Извара в 10 километрах южнее станции Волосово на западе Ленинградской области. В этой усадьбе, принадлежавшей родителям художника, прошли его детство и юность. Здесь, будучи гимназистом, а позднее студентом Санкт-Петербургского университета и членом Императорского Русского археологического общества, он проводил свои первые исследования древнерусских курганов и городищ¹, охватившие в общей сложности около 150 захоронений XII–XV вв. Позднее его исследования охватили территорию современных Новгородской и Псковской областей, верхнее Поволжье, Сибирь. Вклад Рериха в изучение первобытной и средневековой археологии севера России на рубеже XIX–XX вв. был отмечен А.А. Спицыным. Позднее его заслуги не только как художника и популяризатора древней истории, но и как исследователя-археолога отмечали Г.С. Лебедев, Е.А. Рябинин, В.И. Молодин. Хотя главная стезя жизни Рериха—искусство—определилась довольно рано, археология занимала важное место в ряду его увлечений и во многом определила своеобразие его раннего творчества как художника исторического жанра. Непосредственный опыт исследования памятников древности и средневековья, осознание их уязвимости и ценности как объектов всемирного наследия отразились в Пакте Рериха—важном международном договоре о защите культурных ценностей, подписанном по его инициативе в Вашингтоне в 1935 г.

Таким образом, обращение музея Н.К. Рериха в Изваре к археологической проблематике было закономерным. Извара расположена на южной окраине Ижорской возвышенности, одной из крупнейших курганных территорий древнерусского времени, важного аграрного и железоделательного региона эпохи средневековья—Водской земли Великого Новгорода². Здесь на сравнительно небольшой территории сконцентрированы около 300 курганных, жальничных и грунтовых могильников, несколько городищ X–XIII вв. и каменных крепостей XIV–XV вв. Поэтому с первых лет существования музея в числе его целей были обозначены сбор, изучение, публикация и экспонирование древностей

¹ Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977. С. 66. Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабецкий П.П. Н.К. Рерих—археолог. Новосибирск, 2002. С. 13.

² Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. С. 11.

Ижорского плато в контексте интересов и исследований Н.К. Рериха. Позднее, по мере накопления материалов и развития полевых исследований на западе Ленинградской области, стало возможным создание в Изваре археологической экспозиции, отражающей современное состояние знаний о развитии археологических культур региона.

В 1990-е—начале 2000-х гг. существенную поддержку развитию археологического направления в музее оказали многие известные петербургские археологи, среди которых особо следует отметить Е.А. Рябинина, Г.С. Лебедева, Ю.М. Лесмана и А.Д. Столяра. Абрам Давидович неоднократно посещал Извару (Рис. 1), был участником нескольких крупных мероприятий, в том числе конференций, организованных музеем. Во многом благодаря его влиянию и наставничеству главный хранитель музея А.В. Семенов получил второе образование на кафедре археологии СПбГУ.

Рис. 1 Абрам Давидович Столяр с сотрудниками и гостями музея в Изваре, 10 сентября 2009 г.

Полевые археологические исследования на Ижорском плато музей организует с 1990 г. Первую экспедицию, организованную музеем и укомплектованную волонтерами, возглавила Н.И. Платонова (ИИМК РАН). В могильнике Озера в 1990–1991 гг. под ее руководством были исследованы четыре кургана XII–XIV вв. Коллекция находок положила начало комплектованию археологического собрания музея³. В 1993 г. под руководством инспектора Ленинградской областной инспекции охраны памятников С.В. Чернова были проведены небольшие архитектурно-археологические раскопки фундаментов утраченной беседки в парке Извары, положившие начало коллекции предметов усадебной археологии⁴. В 2002–2004 гг. под руководством В.И. Кильдюшевского и А.В. Семенова были исследованы фундаменты усадебного дома первой половины XVIII в. Небольшие по

³ Семенов А.В. Археологические экспедиции музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре // Петербургский Рериховский сборник. Самара, 1999. Вып. II–III. С. 717.

⁴ Там же. С. 719–721.

объему археологические работы, связанные с выявлением утраченных сооружений усадебного комплекса, проводились в Изваре и позднее, в 2005–2008 гг. Наибольший интерес представляет обнаруженный в 2008 г. фундамент богатого дома последней четверти XVII—первой четверти XVIII вв. на берегу Изварского озера⁵. Находки печных изразцов, гончарной керамики и железного навесного замка, фрагменты оконного стекла с закраиной и следами доалмазной резки (ретушь) позволяют отождествить выявленное строение с остатками ингерманландской мызы Iswar Hoff, к 1711 г. запустевшей в ходе Северной войны: «Мыза Изварская в верховье речки Изварки, а в ней двор мызнин впусте»⁶.

Следующий этап поступлений связан с многолетними археологическими исследованиями Е.А. Рябинина. Получившие широкую известность материалы его раскопок древнерусских курганно-жальничных могильников и городищ Ижорского плато⁷, грунтовых могильников в долине в нижнем Полужье⁸ поступили в музей несколькими крупными блоками. Е.А. Рябинин и Т.В. Рябинина принимали непосредственное участие в создании первой археологической экспозиции музея. Позднее Т.В. Рябинина, работавшая в музее в должности старшего научного сотрудника до 2007 г., передала в фонд музея материалы работ Ижорской и Заволжской экспедиций 1988–1990 гг., включая часть материалов городища Унорож⁹ в костромском Поволжье и небольшую коллекцию из раскопок на Земляном городище Старой Ладogi, включающую преимущественно полихромные бусы и берестяные донца туесков из слоев IX–X вв., а также деревянную рукоять черешкового орудия (шила?) с процарапанным изображением бегущего зверя—куницы или лисицы.

В период обучения на кафедре археологии СПбГУ А.В. Семенов работал в археологических экспедициях на Новгородском (Рюриковом) городище и на городище Любша близ Старой Ладogi под руководством Е.Н. Носова и Е.А. Рябинина. Им осуществлялся сбор подъемного материала, преимущественно поздней гончарной керамики, позднее поступившей в фонд музея в составе двух небольших коллекций. Они изначально рассматривались в качестве учебных, поскольку музей проводил работу с волонтерами и занятия с учащимися; с этой же целью в музей были переданы из ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа небольшие коллекции фрагментов античной керамики с острова Березань и копий кремневых орудий каменного века, изготовленных специалистами-трассологами.

С 2009 г. на базе музея начала работу Ижорско-Лужская археологическая экспедиция под руководством А.В. Семенова и автора данной статьи. Было исследовано городище Городок на р. Лемовже¹⁰, могильники I—начала II тыс. н.э. в Ратчино и Удосоново, проведены разведки в различных частях Ижорской возвышенности и нижнего Полужья, выявлен ряд новых средневековых памятников. В сотрудничестве с Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева СПбГУ организованы раскопки раннесредневекового городища Пиллово. Коллекции находок дополнили фонд музея. Параллельно велась работа по учету и сбору случайных археологических находок из этого же ареала.

⁵ Стасюк И.В. Извара—музей и памятник археологии // Извара—памятник природы, истории, культуры. СПб., 2014. С. 33.

⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 311. Д. 16670. Л. 295.

⁷ См.: Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода.

⁸ Он же. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

⁹ Археология Костромского края. Кострома, 1997. С. 140.

¹⁰ Стасюк И.В., Петрова И.А. Городище и могильник у д. Черная на Ижорском плато // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2017. Вып. 31. С. 232–237.

Таким образом, за три десятилетия музеем собран существенный объем археологических коллекций (Рис. 2), накоплен определенный опыт их изучения, атрибуции, публикации и экспонирования. По состоянию на март 2021 г. основной фонд музея (ОФ) насчитывает более 8 400 предметов, из которых к фонду археологии отнесены 2 106 единиц. Еще 378 предметов археологии хранятся в составе научно-вспомогательного фонда (НВФ). Структура фондовых коллекций и место среди них фонда «Археология» показаны на диаграмме (Рис. 2: А). В составе фонда выделяются несколько крупных тематических блоков (Рис. 3), их количественное соотношение показано на диаграмме (Рис. 2: Б). Древности Ижорского плато раннего железного века и Средневековья представлены материалами раскопок Е.А. Рябинына, А.В. Семенова, И.В. Стасюка, Е.Р. Михайловой, Н.И. Платоновой, а также серией случайных находок и сборов. Водские древности происходят из исследованных Е.А. Рябининым могильников Валговицы, Великоино, Вердия, ижорские — из сборов на месте разрушенного могильника в д. Покровская¹¹. Материалы верхнего Поволжья и Поволховья представлены преимущественно работами Е.А. Рябинына, а также керамическими сборами А.В. Семенова на Рюриковом городище и в Старой Ладоге. Наконец, крупный блок материалов относится к археологии усадьбы Извара. Динамика пополнения археологических коллекций основного фонда музея с 2008 по 2021 гг. представлена на графике (рис. 2: В). За этот период сотрудниками музея опубликовано более 30 научных работ в рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях по археологии, проведено несколько региональных научных конференций. С 2017 г. на базе музея проводятся ежегодные Рериховские археологические чтения.

Согласно данным Государственного каталога музейного фонда РФ, на территории Ленинградской области насчитывается как минимум 15 государственных музеев, имеющих в составе основного фонда предметы археологии. Их количественный состав по состоянию на март 2021 г. представлен на диаграмме¹² (Рис. 2: Г). Из нее видно, что Извара замыкает первую пятерку областных музеев, обладающих наиболее обширными археологическими коллекциями, уступая лишь Староладожскому музею-заповеднику, Тихвинскому, Ивангородскому и Кингисеппскому музеям.

Здесь необходимо отметить специфику музейных археологических собраний Ленинградской области. С одной стороны, их отличает богатство и разнообразие. Фонды областных музеев хранят материалы с древнейших эпох (мезолит-неолит) до позднего Средневековья и Нового времени; в их числе яркие, репрезентативные материалы, хорошо соотносящиеся с конкретными регионами, эпохами, культурами и памятниками. Однако эта структурированность материала существует лишь мысленно, в головах подготовленных специалистов, знакомых как с культурно-исторической стратиграфией Северо-Запада России, так и с составом коллекций, историей накопления материалов и работы многочисленных экспедиций в разных частях области. Физически же хранение материалов разобщено. Причиной этому — наследие Дирекции объединенных музеев

¹¹ Стасюк И.В. Могильник в д. Покровская — новый памятник средневековой Ижоры в долине р. Славянки // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков, 2016. Вып. 31. С. 276–285.

¹² Необходимо учитывать неполноту данных Государственного каталога, в который включены не все коллекции областных музеев. Не учитываются также предметы, находящиеся на временном хранении и в стадии оформления; в реальности количественный состав археологических коллекций Ленинградской области несколько больше. Не отображены также коллекции фондов Музейного агентства — управляющей организации, которой на правах филиалов подчинено большинство областных музеев, и музеев Санкт-Петербурга, хранящих коллекции из областных памятников (Кунсткамеры, Эрмитажа, Музея истории Санкт-Петербурга и др.).

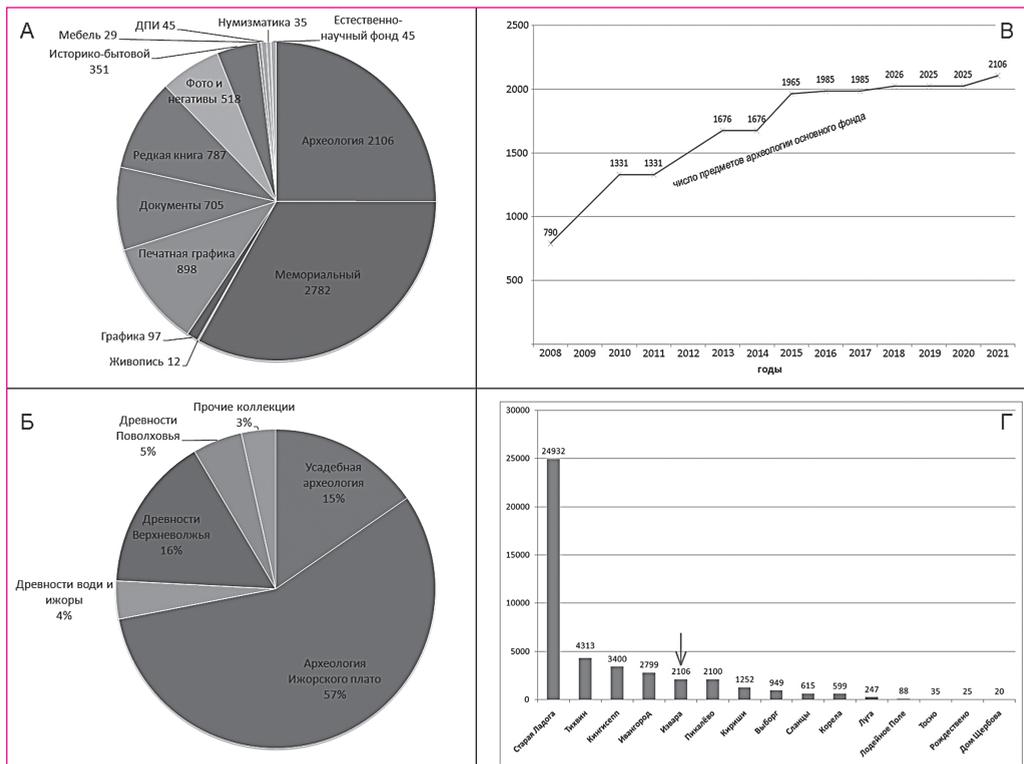

Рис. 2 Состав коллекций основного фонда музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре и их место среди археологических собраний музеев Ленинградской области. А — структура основного фонда Изварского музея, наиболее значимые отделы, число предметов; Б — количественное соотношение тематических коллекций фонда археологии Изварского музея в %; В — динамика пополнения археологических коллекций основного фонда в 2008–2021 гг.; Г — место Извары (отмечено стрелкой) среди музеев Ленинградской области, имеющих археологические коллекции, число предметов археологии

Ленинградской области, которая в 1980-х и отчасти в 1990-х гг. осуществляла здесь централизованное управление музеями. В тот период коллекции распределялись бессистемно. В результате археологические находки из одного памятника и даже одного комплекса (например, захоронения в кургане) оказались распределены между двумя, тремя и более музеями и учтены в их фондовой документации. Показательна судьба коллекций Е.А. Рябинина из курганов Ижорского плато. Материалы одного памятника (например, курганного могильника Лашковицы) оказались распределены между четырьмя местами постоянного хранения, удаленными друг от друга на 100–150 км. В последующие годы (в том числе и сейчас) сказывался острый дефицит специалистов-археологов на местах и переполненные фондохранилища, из-за чего музеи отказывались принимать археологические коллекции, даже происходящие с территорий, представляющих для них непосредственный историко-краеведческий интерес.

В археологической науке давно сложилось представление об историко-географическом и историко-культурном зонировании территории Ленинградской области (Рис. 4). Каждый из выделенных микрорегионов обладает своеобразием древностей, особенностями истории и культуры эпохи железа и Средневековья. В большинстве из них также

Рис. 3 Состав археологических коллекций Изварского музея. Основные тематические блоки

Рис. 4 Историко-культурное зонирование территории Ленинградской области и ее музейно-археологический ландшафт. Пунсонами показаны места расположения музеев, хранящих и экспонирующих археологические коллекции

известны и изучены раскопками памятники первобытной эпохи. В то же время ни в одном из областных музеев нельзя ознакомиться со всем богатством древнего и средневекового прошлого нашего региона. Нет такой экспозиции и в Санкт-Петербурге¹³. В результате музейно-археологический ландшафт Ленинградской области представляет собой «лоскутное одеяло» и развивается по узко-краеведческому сценарию, вне целостного, системного представления о развитии культуры и динамике исторического процесса.

Наиболее успешный пример археологической экспозиции закономерно предлагает Староладожский музей-заповедник, для которого археологическая тематика является профилирующей. Однако следует понимать, что Старая Ладога — это ключевой памятник с невероятно богатым культурным слоем, исключительной концентрацией археологических объектов, и экспозиция там неизбежно будет посвящена в первую очередь самой Ладоге, затем — памятникам течения Волхова, и лишь попутно, в самых общих чертах характеризовать историю региона в целом. Поэтому заинтересованному посетителю придется собирать «археологическую мозаику» по частям, выполняя своеобразный квест: объехать все музеи с тематическими собраниями. В каких-то он получит вознаграждение в виде пусть не самых современных и не изобилующих дизайнерскими решениями, но зато добротных и информативных археологических экспозиций, а в каких-то будет обескуражен несоответствием броской формы и эклектичного, порой бессмысленного содержания.

Следует учитывать, что в последние годы популяризация археологии набирает размах благодаря изданию научно-популярных книг и многочисленным научно-образовательным и просветительским проектам: лекториям в интернете, форумам, теле- и радиопередачам и т.д. Подготовленным посетителям становится все больше, они начинают задавать профессиональные вопросы, интересоваться древней и средневековой историей своего края. Музеи должны ответить на этот вызов качественным «музейным продуктом»: экспозициями и выставками, экскурсиями, программами.

Общие черты музейного пространства Ленинградской области с точки зрения экспонирования археологических коллекций таковы (Рис. 4). Для Карельского перешейка (1) ключевым музеем является Выборгский замок с его богатыми коллекциями и современной экспозицией. Небольшая археологическая экспозиция имеется также в Приозерске в музее-крепости «Корела». Для нижнего Полужья и Принаровья (2) все три расположенных здесь музея — Кингисеппский, Сланцевский и Ивангородский — могут похвастаться богатыми собраниями и краеведческими экспозициями, включающими археологические материалы. Из музеев, расположенных в богатейшем с точки зрения археологии ареале Ижорского плато (3), или Водской земли Великого Новгорода, только Извара располагает коллекциями и экспозицией (Рис. 5); для усадеб В.В. Набокова в селе Рождественно и П.Е. Щербова в г. Гатчина данная тема является непрофильной, как и для других многочисленных музеев Гатчины и района¹⁴. Серьезным пробелом является другой богатейший регион — верхнее Полужье (4), насыщенный памятниками археологии от каменного века до Средневековья. Единственная витрина и небольшая коллекция археологии в Лужском краеведческом музее ни в коей мере не дадут посетителю представления об огромном значении этого края в начальные периоды отечественной истории, о таких

¹³ До недавнего времени экспозиция, знакомящая посетителей с предысторией региона, существовала в Музее истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости, но несколько лет назад она, к сожалению, была расформирована.

¹⁴ Исключением является Музей истории города Гатчины, основная экспозиция которого, посвященная городу XVIII–XX вв., предваряется небольшим археологическим разделом.

ключевых культурах раннего Средневековья, как длинные курганы и новгородские сопки, которыми изобилует верхнее течение реки Луги. Южное Приневье (5) долгое время было белым пятном на археологической карте Ленинградской области. Лишь в начале XXI в. работами П.Е. Сорокина здесь выявлен круг памятников средневековой ижоры — прибалтийско-финского народа, населявшего этот край во времена Великого Новгорода и позднее. Создание археологической экспозиции, посвященной культуре Ижорской земли, — дело недалекого будущего, и уже сейчас необходимо ставить вопрос, какой музей мог бы ее вместить. Учитывая ее органичную связь с Невским краем, историей его освоения и многовековой борьбы за обладание течением Невы между Новгородом, а позднее Москвой, и Швецией, такая экспозиция органично смотрелась бы в археологическом музее на Охтинском мысу, возможность создания которого сейчас активно обсуждается научным и музейным сообществом. Для Поволжья (6) закономерным музейным центром является Старая Ладога; значимая археологическая коллекция хранится также на крайнем юге этого ареала, в Киришском краеведческом музее. Наконец, обширное Юго-Восточное Приладожье (7) освещается в экспозиция сразу нескольких музеев: Тихвинского, Лодейнопольского, Подпорожского и Пикалёвского.

Рис. 5 Музей-усадьба Н.К. Рериха в Изваре. Фрагмент экспозиции «Древняя и средневековая история Ижорского плато». Фото Д.Ю. Чернышенко

Таким образом, наряду с богатством археологических коллекций Ленинградской области, выявляется их другая особенность — мозаичность презентации. Преодолеть ее возможно при условии выработки стратегического взгляда на управление музейно-археологическим потенциалом региона. Здесь возможны два пути: создание музейно-археологического центра Ленинградской области на базе одного из музеев, обладающих соответствующими наработками, или развитие археологического направления в музеях на местах. Выбор стратегии должен осуществляться путем широкого обсуждения профессиональным сообществом с участием управленцев. Музей в Изваре обладает возможностями для реализации обоих сценариев. В оперативном управлении музея находится здание-памятник архитектуры начала XX в. — Училищный дом земледельческой колонии профессора М.П. Беклешова, построенный по проекту архитектора А.А. Яковлева в стиле Северного модерна (Рис. 6). Это кирпичное здание, ныне пустующее, требует реставрации и восстановления эксплуатационной пригодности, однако, по данным нескольких инженерных обследований эти работы вполне посильны. Площадь двухэтажного здания около 2 500 кв.м, что позволит разместить и фондохранилища, и экспозиции, и пространства для разнообразных форм музейной деятельности.

Рис. 6 Училищный дом Земледельческой колонии в Изваре.
Арх. А.А. Яковлев, 1916 г. Современное состояние. Фото автора

Ю.М. Лесман и Е.А. Рябинин в 2007 г. рассматривали музей в Изваре как возможный центр изучения и показа сельской культуры Древней Руси, включающий как традиционные экспозиции в стенах музея, так и ландшафтные, натурные объекты и пространства для интерактивных занятий. Исследователи отметили, что существует пока не используемый в Изваре очень существенный резерв музейного показа и музейной работы. Речь идет о моделировании тех или иных аспектов жизни древнего общества, в нашем случае — древнерусской деревни. Музей может стать базой экспериментальных этноархеологических исследований, в первую очередь в области сельского ремесла: варки железа, кузнечной работы, ювелирного дела, костерезного дела, гончарства, а также ткачества, кожевенного дела и др. Это, с одной стороны, привлечет к жизни музея молодых активистов-исследователей, с другой, обеспечит его дополнительными объектами

экскурсионного показа, причем как продукции экспериментальных производств (с демонстрацией разных этапов изготовления вещей), так и оборудования, инструментов. В ландшафтную часть экспозиции в таком случае могут войти реконструированные домины, литейные, гончарные мастерские. Очень привлекательны для туристов (особенно в летний сезон) сами экспериментальные работы, а сбыт продукции посетителям мог бы стать дополнительной статьей доходов музея... Предлагаемое создание в рамках музея Н.К. Рериха в Изваре центра музейного показа сельской культуры Древней Руси может резко увеличить поток посетителей. Следует учитывать, что школьники Санкт-Петербурга и Ленинградской области фактически не имеют полноценной музейной экспозиции, представляющей древнерусскую культуру региона. Извара могла бы счастливо соединить в себе мемориальный музей одного из лидеров Серебряного века русской культуры, пользующегося огромной популярностью художника, философа, основоположника современной международной системы охраны культурного наследия, и живой музей столь любимой Н.К. Рерихом древнерусской культуры¹⁵.

Список литературы

Алексеев С.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Л., Ошибкина С.В., Рябинин Е.А. Археология Костромского края. Кострома: ИПП «Кострома», 1997. 275 с.

Лазаревич О.В., Молодин В.И., Лабеецкий П.П. Н.К. Рерих — археолог. Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 2002. 116 с.

Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 231 с.

Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 261 с.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. 260 с.

Рябинин Е.А., Лесман Ю.М. Музей в Изваре и сельская культура Древней Руси // Извара — памятник природы, истории, культуры. СПб.: ООО «СПб», 2014. С. 35–40.

Семенов А.В. Археологические экспедиции музея-усадьбы Н.К. Рериха в Изваре // Петербургский Рериховский сборник. Самара: Издательский дом «Агни», 1999. Вып. II–III. С. 717–722.

Стасюк И.В. Извара — музей и памятник археологии // Извара — памятник природы, истории, культуры. СПб.: ООО «СПб», 2014. С. 30–35.

Стасюк И.В. Могильник в д. Покровская — новый памятник средневековой Ижоры в долине р. Славянки // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков: ИА РАН, 2016. Вып. 31. С. 276–285.

Стасюк И.В., Петрова И.А. Городище и могильник у д. Черная на Ижорском плато // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2017. Вып. 31. С. 232–237.

References

Alekseev, S.I., Komarov, K.I., Leont'ev, A.L., Oshibkina, S.V., Rjabinin, E.A. *Arheologija Kostromskogo kraja* [Archaeology of Kostroma region]. Kostroma: IPP «Kostroma» Press, 1997. 275 p. (In Rus.).

¹⁵ *Рябинин Е.А., Лесман Ю.М.* Музей в Изваре и сельская культура Древней Руси // Извара — памятник природы, истории, культуры. СПб., 2014. С. 40.

Lazarevich, O.V., Molodin, V.I., Labeckij, P.P. *N.K. Rerih—arheolog* [N.K. Roerich—archaeologist]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAE SO RAN Press, 2002. 116 p. (In Rus.).

Lebedev, G.S. *Arheologicheskie pamjatniki Leningradskoj oblasti* [Archaeological sites of the Leningrad region]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1977. 231 p. (In Rus.).

Rjabinin, E.A. *Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi* [Finno-ugric tribes as part of Ancient Rus']. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU Press, 1997. 260 p. (In Rus.).

Rjabinin, E.A. *Vodskaja zemlja Velikogo Novgoroda* [The Vodskaya land of the Novgorod the Great]. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin Press, 2001. 261 p. (In Rus.).

Rjabinin, E.A., Lesman, Ju.M. *Muzej v Izvare i sel'skaja kul'tura Drevnej Rusi* [The museum in Izvara and the rural culture of Ancient Rus'], in *Izvara—pamjatnik prirody, istorii, kul'tury*. Saint-Petersburg: OOO «SPb» Press, 2014. P. 35–40. (In Rus.).

Semenov, A.V. *Arheologicheskie jekspedicii muzeja-usad'by N.K. Rerih v Izvare* [Archaeological expeditions of the N.K. Roerich's estate museum "Izvara"], in *Peterburgskij Rerihovskij sbornik*. Samara: Izdatel'skij dom «Agni» Press, 1999. Vol. II-III. P. 717–722. (In Rus.).

Stasjuk, I.V. *Izvara—muzej i pamjatnik arheologii* [Izvara as the museum of archaeology and the archaeological site], in *Izvara—pamjatnik prirody, istorii, kul'tury*. Saint-Petersburg: OOO «SPb» Press, 2014. P. 30–35. (In Rus.).

Stasjuk, I.V. *Mogil'nik v d. Pokrovskaja—novyj pamjatnik srednevekovoj Izhory v doline r. Slavjanki* [The village of Pokrovskaya burial ground—new archaeological site of the medieval Izhora in the Slavyanka river valley], in *Arheologija i istorija Pskova i Pskovskoj zemli*. Moscow; Pskov: IA RAN Press, 2016. Vol. 31. P. 276–285. (In Rus.).

Stasjuk, I.V., Petrova, I.A. *Gorodishhe i mogil'nik u d. Chernaja na Izhorskom plato* [The hillfort and the burial ground near the Chernaya village on the Izhora plateau], in *Novgorod i Novgorodskaja zemlja. Istorija i arheologija*. Velikij Novgorod; Saint-Petersburg: Ljubavich Press, 2017. Vol. 31. P. 232–237. (In Rus.).

ПАМЯТНИК

Мартынов А.Я.

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ПЕРВОБЫТНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ («ДОМОНАСТЫРСКИХ») ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ СОЛОВЕЦКОГО АРХИПЕЛАГА

Мартынов, Александр Яковлевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, Россия, Соловки, museum@solovky.ru.

В статье характеризуется история открытия и подводятся итоги полевых исследований первобытных и средневековых («домонастырских») памятников Соловецких островов, осуществленных археологами в XX–XXI вв. К настоящему времени на Соловках найдено и частично раскопано 65 стоянок и местонахождений отходов кварцевой индустрии позднего мезолита — Железного века (от 5844–5548 cal BC до 1431–1660 cal AD), а также десятки каменных выкладок разного времени, в том числе — древних. Основной объем стационарных работ выполнен Соловецкой археологической экспедицией в 1984–2017 гг. Анализируя источники (более 2200 м² раскопанного культурного слоя, 35000 предметов древности, 40 радиоуглеродных дат и др.), автор делает выводы об освоении архипелага древним населением западного и южного побережий Белого моря, появлении на Соловках древнейших каменных лабиринтов не ранее I тыс. н.э., эпизодическом посещении островов представителями «чуди», «корелы» и саамов в XI–XIII вв. К числу не разрешенных вопросов «домонастырской» археологии Соловков отнесены проблемы датировок отдельных памятников, назначения и культурной принадлежности разновременных лабиринтов, соотношения каменных сложений и стоянок. В статье также рассматривается деятельность музея-заповедника по обеспечению сохранения памятников археологии и их популяризации.

Ключевые слова: Соловки, Соловецкий музей-заповедник, археология, первобытный, средневековый, стоянка, лабиринт.

THE STUDY AND PRESERVATION OF PREHISTORICAL AND MEDIEVAL (“PRE-MONASTIC”) MONUMENTS OF THE SOLOVSKY ARCHIPELAGO

Martynov, Alexandr Yakovlevich — Candidate of Science in History, the Deputy Director for Science, the Solovki State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve, Russian Federation, Solovky, museum@solovky.ru.

The article devoted to the history of discovering and results of field study of the prehistorical and medieval monuments of the Solovetsky Islands in 20–21th centuries. 65 archaeological sites dated the Mesolithic epoch — the Iron Ages (from 5844–5548 cal BC till 1431–1660 cal AD) and scores of stones constructions were found to this year. The main part of the excavations was made by the Solovetsky Archaeological expedition in 1984–2017. On the bases of

sources (more than 2200 m² excavated cultural layer, 35000 prehistorical and the Middle Ages artifacts, 40 dates of C 14 etc.) the author draw the conclusions about the developing of the Solovetsky Islands by the ancient hunters and fishermen from the Western and Southern coast of the White Sea. I consider that the stone labyrinths were built on Solovky in different times beginning with the middle of the first millennium AD till 19th century. The people of “Chud”, “Korelyanin” and “Saami” came to Solovky in 11–13th centuries. There are some problems that are not resolved today: the dates of some archaeological sites, cultural roots and using of the ancient labyrinths, correlation of the sites and labyrinths etc. The activities of Solovetsky museum-reserve in preservation and popularization of the archaeological monuments is also reviewed in the article.

Key words: Solovky, Solovetsky Museum-Reserve, archaeology, prehistory, ancient, medieval, labyrinth.

Хронологически и культурно-исторически археология Соловецких островов делится на первобытную (VI тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.), средневековую («домонастырскую», XI–XIV вв.), монастырскую (XV — начало XX в.) и постмонастырскую (археология ГУЛАГа и Учебного отряда Северного флота, 1920–1947 гг.)¹.

Полевые исследования на Соловках

История *полевых* исследований древних памятников Соловецких островов насчитывает 60 летних сезонов. Из них на стационарное изучение объектов материальной культуры (первобытных стоянок, «мастерских» и местонахождений отходов каменной индустрии, объектов «домонастырского» средневековья) приходится не более 30 лет, в остальные годы археологи изучали только лабиринты («вавилонь»).

Они по-своему уникальны, поскольку являются единственными источниками наших знаний о «домонастырском» прошлом широко известного архипелага. Результаты стационарных исследований уже сейчас позволяют составить представление об освоении островов с середины VI тыс. до н.э. до второй половины I тыс. н.э., эволюции материальной культуры островных поселений в Мезолите — Железном веке, этнической принадлежности аборигенов Прибеломорья, посещавших Соловки в XI–XIV вв., наиболее аргументированных гипотезах о датировках, территориально-культурной принадлежности и назначениях каменных лабиринтов Соловков.

С 1907 по 2017 гг. первобытной и средневековой «домонастырской» археологией Соловецких островов занимались в полевых условиях 12 исследователей.

Первый из них, директор Архангельского губернского краеведческого музея **К.П. Рева** разобрал семь каменных насыпей (груд, куч — в разных публикациях) в группе лабиринтов и сопровождающих их сложений Б. Заяцкого острова. Судя по краткому упоминанию об этих работах в публикации 1907 г., исследователь не обнаружил никаких культурных остатков и никак не интерпретировал объекты раскопок².

Изучение искусственных выкладок из камней было продолжено заключенным Соловецкого лагеря особого назначения, сотрудником Соловецкого общества краеведения **Н.Н. Виноградовым**. В 1926–1927 гг. он обследовал более 500 различных искусственных

¹ Буров В.А. Хронология археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря. 1924–2008 гг. // Соловецкий сборник. Архангельск, 2011. Вып. 7. С. 29–58; Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага. VI тыс. до н.э. — XV век. Каталог. Соловки, 2013.

² Рева К.П. О раскопках в 1907 году // Отчеты Археологической комиссии за 1907 г. СПб., 1910. С. 107–108.

сооружений (лабиринтов, груд, «символических выкладок»). Шесть десятков наиболее интересных объектов были обмерены и описаны детально, остальные (типологически близкие груды Анзерского и Б. Заяцкого островов) представлены как компактные группы сложений.

Результаты полевых работ и теоретических размышлений обобщены Н.Н. Виноградовым в книге «Соловецкие лабиринты»³. В предисловии исследователь высказал предположение о древнем происхождении не только лабиринтов, но и других каменных сооружений, сопровождающих их. Эту мысль он дополнил идеей «тесной внутренней связи и формального сходства» каменных лабиринтов, груд и прочих выкладок. Справедливо критикуя типологию каменных лабиринтов Северной Европы, разработанную А.А. Спицыным⁴, археолог предложил свою классификацию. Впервые в нее были включены памятники Соловецких островов. Два типа лабиринтов, выделенных Н.Н. Виноградовым (спиральные и подковообразные), вошли в более позднюю типологию А.А. Куратова. Заслуживает признания серьезная попытка сформулировать основные научные проблемы, связанные с древними памятниками Соловецкого архипелага (времени сооружения, культурной принадлежности, назначения лабиринтов, связи их с прочими валунными кладками). На каждый из этих вопросов Н.Н. Виноградов попытался дать свои ответы, сформулированные им в тезисах, завершающих работу. Отчасти обоснованной, на мой взгляд, была его датировка памятников I тыс. до н.э. (этим временем можно *предположительно* датировать лишь некоторые лабиринты Соловков). Оригинальной и интересной, хотя и недоказанной можно считать гипотезу о лабиринтах как религиозных сооружениях («городах мертвых», связанных с культом умерших), местах жертвоприношений и совершения религиозных обрядов.

Фрагментарное обследование соловецких древностей было предпринято **А.Я. Брюсовым** в 1930 г. Подчеркивая вслед за Н.Н. Виноградовым связь лабиринтов с другими каменными выкладками, ученый допускал существование на Соловках древних стоянок, оставленных создателями этих сложений⁵. Вместе с тем, пытаясь найти подтверждение собственной гипотезе о лабиринтах — надмогильных сооружениях, и, вероятно, надеясь на получение датирующего материала, он предпринял раскопки центральной части и участка крайней северной стенки лабиринта № 2 на Б. Заяцком острове⁶. Следов захоронений и датирующего материала археологу обнаружить не удалось, незаконсервированные шурфы А.Я. Брюсова сохранились до настоящего времени.

В середине 1930-х гг. обследование памятников Соловецких островов предприняли заключенные лагеря, сотрудники музея Соловецкого общества краеведения **А.А. Евневич** и **П.К. Казаринов**. Основным результатом их работы явилась 400-страничная рукопись под названием «Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага (вне Кремля)», содержащая описания, обмеры и рисунки десятков историко-культурных памятников Соловков, включая объекты археологии, обнаруженные Н.Н. Виноградовым и авторами манускрипта⁷. Работы А.А. Евневича и П.К. Казаринова носили чисто

³ Виноградов Н.Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. Соловки, 1927. (Материалы СОК. Вып. IV).

⁴ Спицын А.А. Северные лабиринты // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1904. Вып. 6. С. 101–112.

⁵ Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940. С. 149, 150.

⁶ Устная информация А.А. Куратова.

⁷ Евневич А.А., Казаринов П.К. Историко-археологические памятники Соловецкого архипелага (памятники вне Кремля). Рукопись. Соловки, 1935 // Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд. № 3849.

регистрационный характер и, к сожалению, охватывали только часть зафиксированных предшественником объектов археологии. Были описаны 12 лабиринтов, а также 16 каменных выкладок и насыпей на Б. Заяцком и Соловецком островах, памятники на Анзерском острове только перечислены. Заслуживает внимания описание и графическое изображение ряда объектов, вскользь упомянутых Н.Н. Виноградовым. Это прямоугольный «лабиринт» на Б. Заяцком острове, «менгир» и «кромлех», обнаруженные на перешейке, отделяющем от моря монастырские «Филипповские садки» с дамбами XVI в., а также камень с петроглифами и «городок» в районе м. Горелый на Соловецком острове.

Архангельский этнограф и биолог **К.П. Гемп** оставила краткую, ничем не подтвержденную информацию о *девяти* лабиринтах, существовавших по ее мнению, на юго-западном побережье Соловецкого острова и в районе бывших монастырских станович Кеньга, Плотище и Могильники на о. Анзер. Неоднократные повторные обследования данных участков побережья архипелага, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов⁸, позволили убедиться в отсутствии «вавилонов» в упомянутых местах, что, скорее всего, свидетельствует об ошибочной интерпретации исследователем естественных скоплений камней, иногда оставляющих впечатление фрагментов искусственных выкладок.

Отдельный, очень важный, этап исследований (1964–1981 гг.) составили работы Архангельской археологической экспедиции под руководством **А.А. Куратова**. В 1967–1971 гг. археолог осуществил повторное регистрационное обследование зафиксированных предшественниками памятников архипелага, накапливая материал для теоретической разработки проблематики каменных лабиринтов. Основным результатом этой работы стала статья «О каменных лабиринтах Северной Европы» — серьезное исследование проблематики лабиринтов, содержащее гипотезу о технологии их сооружения и наиболее полную классификацию северных «вавилонов». Помимо этого, в статье предложен комплекс мероприятий, необходимых для более продуктивного изучения выкладок. Это — стационарные полевые исследования лабиринтов и сопровождающих их сложений, окончательное определение связанного с ними круга проблем, поиски и раскопки островных стоянок, которые можно было бы связать с лабиринтами, и т.д.

Последующие работы экспедиции проходили в рамках реализации данной программы. Были осуществлены раскопки *трех* груд на Б. Заяцком и Анзерском островах, в результате которых удалось обнаружить культурные остатки, по мнению археолога «предусматривавшие кремацию» (кварцевые отщепы и сколы, кальцинированные косточки птиц, рыб и млекопитающих). А.А. Куратов ввел в научный оборот понятие «святилища Соловецких островов», предположительно включив в их состав каменные лабиринты, курганы, «дольмены», «дольменообразные сооружения» и «иные каменные выкладки». Размышляя над проблемой их назначения, исследователь предложил в качестве наиболее вероятной гипотезу о культово-погребальных комплексах, связанных с рационально-иррациональными представлениями древних обитателей Беломорья. По мнению А.А. Куратова, на них могли совершаться инициальные операции, а также обряды погребения, охотничье-промысловой и рыболовной магии, поклонения Солнцу⁹.

⁸ Мартынов А.Я., Медведев А.А., Кудиков А.В. О старых и новых методах в исследовании каменных лабиринтов Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. Архангельск, 2017. Вып. 13. С. 8–21.

⁹ Куратов А.А.: 1) Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973. С. 72–73; 2) Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск, 2008. С. 30, 37, 38.

На о. Б. Муксалма была открыта первая на Соловках стоянка с гребенчатой керамикой и кремневым инвентарем (Муксалма-1), раскопанная в 1975 и 1977 гг. А.А. Куратовым и в 1987–1988 гг. А.Я. Мартыновым. Инвентарь стоянки (около 4500 предметов), датированный второй половиной II—началом I тыс. до н.э., позволил впервые установить одну из широких дат древнего «функционирования» первобытных памятников архипелага. Аналоги в керамике указывали на культурную связь островной стоянки с поселениями Онежского полуострова. Остатки второй стоянки (Анзерская-1) с аналогичным кремневым инвентарем (около 250 находок) зафиксированы на м. Колгуй Анзерского острова в 1979 г.¹⁰ Два местонахождения отходов кварцевой индустрии были найдены на Б. Заяцком острове.

Памятниками, вызвавшими интерес исследователей, стали так называемые «саамские могильники», обследованные в 1977–1980 гг. **И.И. Гохманом** и **Т.В. Лукьянченко**¹¹. Особенности структуры и «внешнего» оформления «надмогильных» кладок, а также керамика, собранная на них, позволили исследователям гипотетически определить приблизительные даты сооружения (XII–XV вв.), а также сформулировать гипотезу о их принадлежности к объектам культуры средневековых саамов. Раскопки, произведенные в 2009 г. на «южной» группе песчано-каменных выкладок¹², подтвердили их датировку в рамках XIV–XV вв. Вместе с тем, материалы раскопок позволили сделать альтернативное предположение о промысловом использовании мыса в данное время.

Основная часть ныне известных 65 памятников и объектов древней материальной культуры архипелага была открыта экспедицией Соловецкого музея-заповедника под руководством автора данной статьи в 1984–2017 гг.¹³ Основные усилия экспедиция сосредоточила на стационарном исследовании древних стоянок, каменных насыпей — элементов «святилищ» и средневековых «домонастырских» объектов архипелага.

К настоящему времени частично раскопаны 30 стоянок и 31 местонахождение отходов кварцевой индустрии (общая площадь раскопов и шурфов — 2200 м²). В процессе исследований получено более 40 радиоуглеродных дат от 5844–5548 cal BC (стоянка Муксалма — 3) до 1431–1660 cal AD («саамский могильник»), в фонды музея-заповедника сдано более 35000 предметов древности. Удалось, таким образом, получить материалы, отражающие основные этапы древнего освоения Соловецких островов, начиная с позднего мезолита и до классического Средневековья, а также хозяйственную деятельность первобытных обитателей архипелага. Пытаясь определить морские пути передвижения древнего материкового населения на Соловки, экспедиция предприняла археологическое изучение Летнего берега Белого моря и островов его юго-западной части. Были прослежены связи островных стоянок с памятниками некоторых беломорских островов (Кузова, Жижгин, Мудьюг), южного и западного побережий, а также прилегающих к ним территорий. Таким образом, удалось установить пути проникновения на архипелаг материкового населения в последние тысячелетия до новой эры¹⁴ (Рис. 1).

¹⁰ *Он же*. Соловецкие стоянки II—I тыс. до н.э. // Советская археология. 1983. № 4. С. 199–203.

¹¹ *Гохман И.И., Лукьянченко Т.В.* О предшественниках русских на Соловецких островах // Советская этнография. 1979. № 4. С. 98–106.

¹² *Мартынов А.Я., Шахнович М.М.* Разведки и раскопки на островах Соловецкого архипелага // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 43–45.

¹³ *Мартынов А.Я.* Домонастырские древности Соловецкого архипелага. VI тыс. до н.э. — XV век. (В печати).

¹⁴ *Он же*. Первобытное археологическое прошлое островов Белого моря: итоги и проблемы изучения // Вестник Поморского университета. 2004. № 1 (5). С. 5–17.

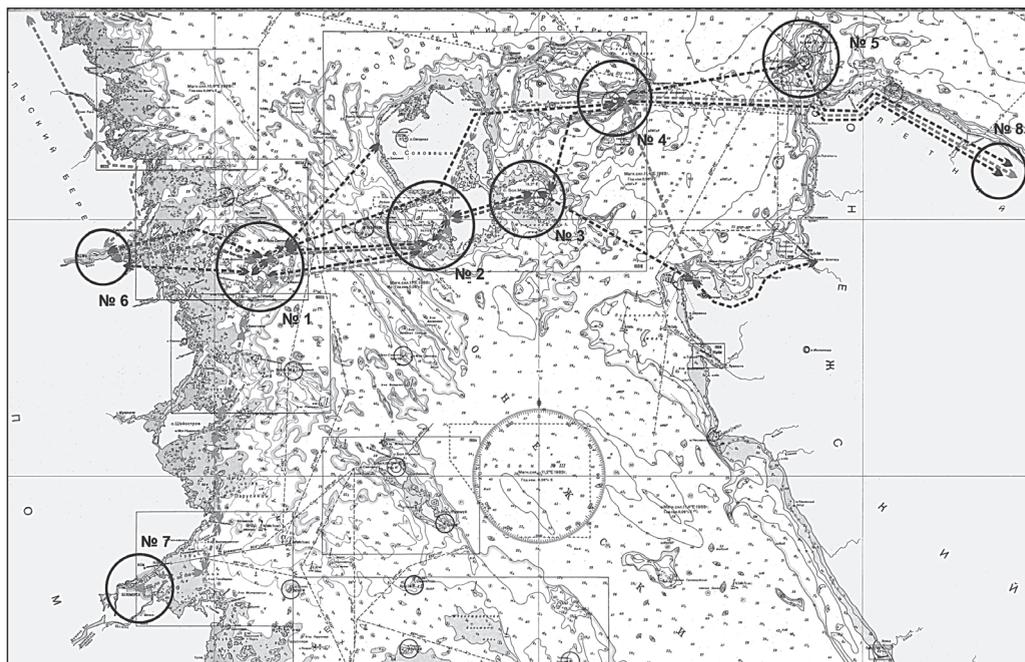

Рис. 1 Реконструкция древних морских путей между материком и Соловецким архипелагом

Раскопки двадцати двух каменных насыпей соловецких «святилищ» внесли существенные коррективы в сложившиеся представления о времени их сооружения и назначении. Результаты исследований указывали на то, что насыпи Б. Заяцкого острова и м. Лабиринтов Анзерского острова были сложены в разное время (от эпохи железа до XX в.), и лишь половина из раскопанных груд содержит материал, позволяющий предположительно считать их элементами «святилищ». Культурные остатки, зафиксированные под насыпями (отходы кварцевой индустрии, косточки млекопитающих и птиц), могли быть интерпретированы только как признаки *символических* погребений.

К неожиданным результатам привели поиски и изучение археологических памятников «домонастырского» средневековья. Наряду с «саамскими могильниками» в 1980-е гг. на Анзерском и Соловецком островах были обнаружены следы двух культур аборигенов западного Прибеломорья: летописной «корелы» — в виде одиночного курганного погребения с бронзовой фибулой XI–XIII вв., и «чуди», представленной комплексом бронзовых украшений того же времени. Таким образом, в научный оборот были введены археологические свидетельства посещения архипелага представителями различных групп материкового населения в первой половине II тысячелетия н.э.¹⁵

Полевые работы на Соловецком архипелаге приобрели более значительные масштабы в 1999–2017 гг. После открытия стоянок, расположенных на высоких коренных террасах, отстоящих на 1–2 км от современного морского берега, экспедиция открыла и осуществила стационарное изучение позднемезолитических, а также ряда неолитических и энеолитических стоянок. Материалы раскопок позволили удревнить историю древнего

¹⁵ *Он же.* Памятник летописной корелы на Соловецких островах // XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1989. С. 175–176.

освоения архипелага, как минимум, на два тысячелетия и значительно расширили наши представления о материальной культуре беломорских островов позднего мезолита — неолита. Одновременно была прослежена отчетливо выраженная особенность топографии островных первобытных памятников, которая заключается в отсутствии жесткой закономерности расположения разновременных стоянок Западного Беломорья, согласно которой памятники определенного времени занимают террасы определенной высоты.

Значимым вкладом в археологическое изучение Соловков можно считать инструментальную топографическую съемку «святылец» Б. Заяцкого и Анзерского островов, выполненную археологическим отрядом Морской арктической комплексной экспедиции НИИ культуры (ныне — Институт наследия имени Д.С. Лихачева) в 1988 г.¹⁶ Повторно инструментальная съемка была выполнена в 1995–1998 гг. отрядом Соловецкой археологической экспедиции под руководством научного сотрудника Института археологии РАН Р.А. Нигматуллина¹⁷.

Первобытное прошлое Соловков

Сложившиеся на основе стационарного изучения топографии, культурного слоя, археологических коллекций и калиброванных радиоуглеродных дат раскопанных древних стоянок представления о «домонастырском» (первобытном и средневековом) прошлом архипелага могут быть кратко изложены следующим образом.

Древнее освоение Соловецких островов началось в середине VI тыс. до н.э. носителями позднемезолитической культуры Западного Прибеломорья, пользовавшимися бытовым и промысловым инвентарем, изготовленным из кварца (до 98 %), сланца (пила, отбойники, «наковальни»), песчаника и долерита (стоянки Анзерская—4, Муксалма—3, 12, Соловецкие—4, 7) (Рис. 2). В связи с находкой в культурном слое стоянки Соловецкая—21 куска угля, давшего дату 7028–6070 cal BC, можно предполагать, что начало освоения архипелага уходит в VII тыс. до н.э. Древнейший морской путь на Соловки, который существует не менее 7500 лет, был проложен с западного побережья Белого моря (р. Кемь) через архипелаг Кузова.

В эпоху неолита (вторая половина V—первая половина III тыс. до н.э.) посещение Соловков периодически осуществлялось представителями культур ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики (Рис. 3) из Северной Карелии (Анзерская—6, 8; Муксалма—5, 6, 9; Соловецкая—23) и с Летнего берега Онежского полуострова (стоянка Анзерская 2). В каменном инвентаре островных неолитических памятников по-прежнему преобладают кварцевые орудия (92–95 %), но помимо сланца и песчаника появляется привозной кремь. К числу редких находок относятся якорный камень весом 5 кг, 300 и 900-граммовые грузила, оселок с загадочными параллельными насечками, поделка, аналогичная кремневым скульптуркам змей.

К энеолиту относятся сезонные поселения с пористой керамикой типа Оровнаволок XVI, оставленные выходцами из Юго-Западного Прибеломорья (стоянки Анзерская—7, Муксалма—8, Соловецкая—13). Охотничий и бытовой инвентарь обитателей данных стоянок уже на 30 % состоит из привозного кремня. Прочие орудия изготовлены из кварца (скребки, скобели, проколки, ножи, рубящие орудия), сланца (тесло, отбойники, оселки), серого песчаника («разделочная доска», «наковальня»). В единственном числе зафиксирована янтарная пуговица со стоянки Соловецкая—13, аналогичная изделиям этой категории, во множестве обнаруженным археологами на территории Карелии.

¹⁶ *Скворцов А.П.* Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 282–300.

¹⁷ *Мартынов А.Я.* Древними тропами Соловецких островов. М., 2006. С. 144, 165.

Рис. 2 Соловки. Стоянка Муксалма—3. Поздний мезолит. Раскопки 2015 г.

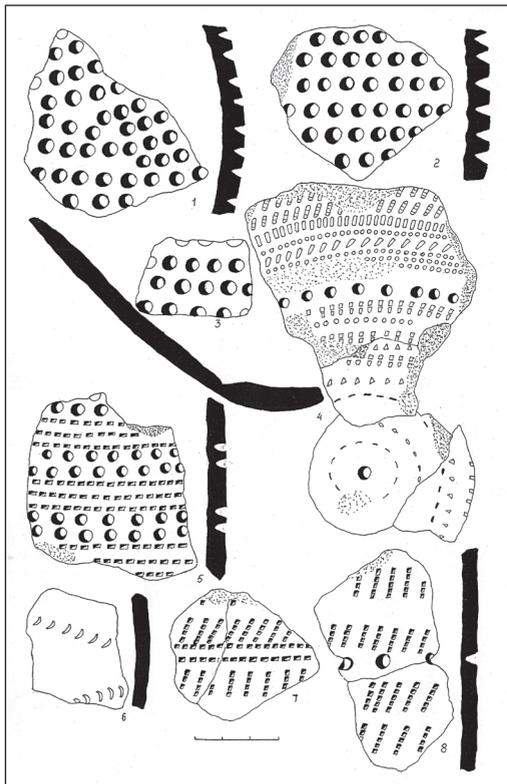

Рис. 3 Керамика со стоянки Соловецкая—23. Неолит—Бронзовый век

Островные стоянки Бронзового века (Анзерские—1, 3, Муксалма—1) с гребенчатой керамикой и преимущественно (до 95 %) кремневым промысловым и бытовым инвентарем аналогичны дюнным поселениям Летнего берега Белого моря. Редчайшей находкой можно признать ритуальный (по А.Я. Брюсову «сверленный боевой (культурный-?) топор» 9 типа) из сланца, обнаруженный в культурном слое стоянки Муксалма—1 (Рис. 4). Развитие культуры южнобеломорского побережья и островов южной части Белого моря в эпоху бронзы происходило, по всей видимости, при опосредованном влиянии культур Волго-Окского междуречья (поздняковская, фатьяновская-?) и Прикамья (гаринско-борская), исторически связанных с Северодвинским бассейном.

Финальный этап древней истории беломорских островов, отраженный в материалах стоянок Железного века, представляется периодом кратковременных посещений Соловецкого архипелага населением западного побережья Белого моря (низовья рек Кемь и Выг) в период угасания

культуры каменной индустрии и перехода к добыче и обработке металла (стоянки Соловецкие—1, 3; Андреевская пустынь).

Рис. 4 Каменный сверленный (ритуальный—?) топор со стоянки Муксалма—1. Бронзовый век

Попытки исследования каменных лабиринтов Соловецкого архипелага в связке с конкретными памятниками материальной культуры позволяют сделать лишь очень осторожное предположение о том, что создателями наиболее древних лабиринтов Соловков (выкладки № 2 и № 3 на о. Б. Заяцкий, № 1—на м. Лабиринтов о. Анзер) были обитатели отдельных стоянок Железного века—выходцы с северо-западного побережья Белого моря или с Кольского полуострова, которые могли добираться до Соловков через архипелаг Кузова. Назначение одиночных «вавилонов» и скоплений лабиринтов и насыпей в пространстве и времени представляется изменявшимся и полифункциональным. И те, и другие, возможно, были религиозно-символическими сооружениями: символами «нижнего мира» или объектами культово-промысловой магии (одиночные выкладки). Одновременно они могли быть объектом («инструментом»), внутри и около которого разворачивались обрядовые действия. В «комплексе» с насыпями—«курганами», в которых фиксируются остатки кварцевой индустрии и остеологический материал, *некоторые из них*, возможно, составляли святилища. Гипотетически их можно интерпретировать как места символического захоронения умерших соплеменников (каменные насыпи) и отправления обрядов, связанных с верованиями беломорских охотников и рыбаков. Однако, надежных источников для реконструкции их верований в распоряжении современных археологов нет, и проблемы *датировок*, культурной принадлежности и *назначений* каменных лабиринтов Северной Европы, в целом, и Соловецких островов, в частности, следует признать неразрешенными.

Музей-заповедник и опыт сохранения памятников археологии

Учитывая тот факт, что некоторые памятники первобытной археологии Соловецкого архипелага находятся в зоне активной туристической деятельности, Соловецким музеем-заповедником совместно с археологами был предпринят ряд мер для их сохранения.

Все раскопы и шурфы, заложенные на стоянках архипелага, законсервированы, что предотвратило дальнейшее разрушение. Каменные груды («курганы») в «святилищах» Анзерского и Б. Заяцкого островов, разобранные Архангельской и Соловецкой экспедициями, восстановлены в качестве макетов. В процессе мониторинга 2014–2015 гг. ни на одном из объектов не зафиксировано каких-либо попыток разрушения культурного слоя или насыпей. Опасение вызывает сохранность лабиринта на м. Колгуй Анзерского острова, выложенного на краю мыса.

По согласованию с музеем в 1978 г. Архангельской археологической экспедицией под руководством А.А. Куратова были выложены два лабиринта и «вентерь» на м. Кострище Б. Соловецкого острова. Таким образом, археолог убедился в праве на существование своей гипотезы о строительстве простых подковообразных лабиринтов «по спирально-прочерченному принципу предварительного конструирования», подарил музею новый объект показа и дал возможность организовать к нему экскурсионный маршрут

«Археологические памятники Соловков», который действует до сегодняшнего дня. В условиях того времени, когда экскурсии к лабиринтам Б. Заяцкого и Анзерского островов были невозможны из-за отсутствия у музея туристического катера, а на островах — причалов, решались проблемы сохранения подлинных каменных выкладок, удовлетворения любознательности туристов, приехавших посмотреть на «вавилоны», и популяризации этих загадочных объектов культурного наследия.

Позднее, в 1990-х гг., Соловецкий музей-заповедник, реставрационный кооператив «Палата» (руководитель — В.В. Сошин) и студенческий реставрационный отряд, состоявший из студентов и выпускников физфака Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, выполнили основную часть проекта реставрации и приспособления памятников Б. Заяцкого острова, разработанного архитекторами И.Г. Брагиной и В.В. Сошиным. Проект предусматривал консервацию и реставрацию архитектурных памятников Свято-Андреевского скита, восстановление причала, а также устройство *деревянной кольцевой туристической (экологической) тропы* по территории «святилища», которая надежно защитила от антропогенных разрушений каменные выкладки острова (Рис. 5).

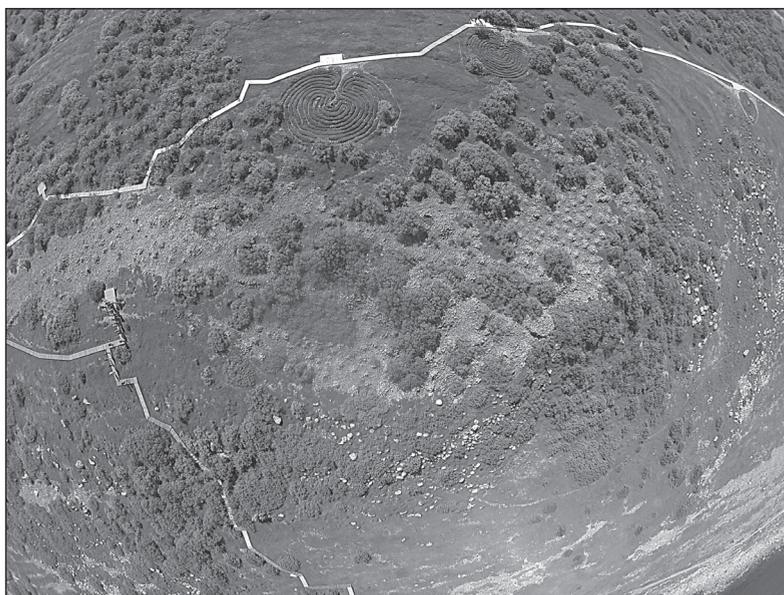

Рис. 5 Соловки. «Святилище» на г. Сигнальной о. Б. Заяцкий с экологической тропой.
Снимок с БПЛА А. Медведева и А. Кудикова (Институт географии РАН, 2014)

В рамках программы популяризации домонастырского прошлого Соловков музеем издан ряд научных и научно-популярных книг, построено несколько выставок, сняты фильмы и презентации, рассказывающие о результатах полевых и экспериментальных исследований, выполненных экспедицией музея, в том числе в содружестве с мастерами по изготовлению реплик древних лодок из бересты и дерева А.А. Казаковым и А.В. Шутихиным.

Процессом изучения первобытного прошлого Соловецкого архипелага неизменно интересовался в течение последних 30 лет своей жизни **Абрам Давидович Столяр**, осуществляя научное руководство и методологическую помощь автору данной статьи при написании кандидатской диссертации, частью которой было введение в научный оборот первых памятников Бронзового века Соловков (1983–1985 гг.), а также неоднократно

приезжая на Соловки на археологическую экскурсию (1992 г.), в экспедицию (2000 г.), на научную конференцию (2006 г.), рецензируя (совместно с В.Я. Шумкиным) авторскую монографию о первобытном прошлом беломорских островов (2009)¹⁸ (Рис. 6). Высказанные профессором советы и замечания методологического характера, а также некоторые идеи, касающиеся проблематики каменных лабиринтов Северной Европы, были с благодарностью приняты автором и учтены при написании основной книги, посвященной «домонастырским» древностям Соловецкого архипелага¹⁹.

Рис. 6 Соловки. А.Д. Столяр около лабиринта на м. Колгуй о. Анзер. 2000 г.

Список литературы

Буров В.А. Хронология археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря. 1924–2008 гг. // Соловецкий сборник. Архангельск: ОАО «Соломбальская типография», 2011. Вып. 7. С. 29–58.

Гохман И.И., Лукьянченко Т.В. О предшественниках русских на Соловецких островах // Советская этнография. 1979. № 4. С. 98–106.

Куратов А.А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда: [Б. и.], 1973. С. 72–73.

Куратов А.А. Каменные лабиринты в сакральном пространстве Северной Европы. Архангельск: Поморский университет, 2008. 48 с.

Куратов А.А. Соловецкие стоянки II–I тыс. до н.э. // Советская археология. 1983. № 4. С. 199–203.

Мартынов А.А. Археологические памятники Соловецкого архипелага (мезолит — «домонастырское» средневековье). Каталог. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2013. 192 с.

¹⁸ Мартынов А.А. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010. 364 с.

¹⁹ Он же. Домонастырские древности Соловецкого архипелага. VI тыс. до н.э. — XV век. (В печати).

Мартынов А.Я. Древними тропами Соловецких островов. М.: Русский Север, 2006. 240 с.

Мартынов А.Я. Памятник летописной корелы на Соловецких островах // Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Сборник тезисов. М.: Институт истории СССР, 1989. С. 175–177.

Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск: Солти Полторака, 2010. 364 с.

Мартынов А.Я. Первобытное археологическое прошлое островов Белого моря: итоги и проблемы изучения // Вестник Поморского университета. 2004. Вып. 5. С. 5–17.

Мартынов А.Я., Медведев А.А., Кудиков А.В. О старых и новых методах в исследовании каменных лабиринтов Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. Архангельск: Северодвинск, 2017. Вып. 13. С. 8–21.

Мартынов А.Я., Шахнович М.М. Разведки и раскопки на островах Соловецкого архипелага // Археологические открытия 2009 года. М.: Наука, 2013. С. 43–45.

Скворцов А.П. Сколько памятников на Соловках? // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М.: [Б. и.], 1990. С. 282–300.

References

Burov, V.A. Chronologiya arheologicheskikh raskopok na territorii Solovetskogo monastyra. 1924–2007 [The chronology of archaeological excavations [on the territory of the Solovetsky Monastery. 1924–2007], in *Solovetski sbornik*. Arkhangelsk: OAO Solombalskaya tipographia Press, 2011. Vol. 7. P. 29–58. (In Rus.).

Gokhman, I.I., Lukyanchenko, T.V. O predshestvennikakh russkix na Solovetskix ostrovax [About the people before the Russians on the Solovetsky Islands], in *Sovetskaya Etnografiya*. 1979. Vol. 4. P. 98–106. (In Rus.).

Kurатов, А.А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы [Ancient labyrinths of the Arkhangelsk Belomorie. To question about using of stone labyrinths of Northern Europe], in *Istoriko-kraevedcheskiy sbornik*. Vologda: [without name of publisher], 1973. P. 63–76. (In Rus.).

Kurатов, А.А. *Kamennye labirinty v sakralnom prostranstve Severnoi Evropy* [The stone labyrinths in the religious space of the Northern Europe]. Arkhangelsk: Pomor University Press, 2008. 64 p. (In Rus.).

Kurатов, А.А. Solovetzkie stoyanky II–I tysyacheletii do n.e. [Ancient settlements of II–I millennium BC on the Solovetsky Islands], in *Sovetskaya Arheologiya*. 1983. Vol. 4. P. 199–203. (In Rus.).

Martynov, A.Ya. *Arheologicheskie pamyatniki Soloveztkogo arhipelaga (mezolit—«domonastyrskoe» srednevekovie)*. Katalog [Archaeological monuments of the Solovetsky archipelago (the Mesolithic period—«before monastery» Middle Ages). Catalogue]. Solovky: Solovetsky Museum-Reserve Press, 2013. 192 p. (In Rus.).

Martynov, A.Ya. *Drevnimi tropami Solovetzkikh ostrovov* [By ancient paths of the Solovetsky Islands]. Moscow: Russkiy Sever Press, 2006. 240 p. (In Rus.).

Martynov, A.Ya. Pamyatnik letopisnoi korely na Solovetzkikh ostrovah [The monument of the «Korels» from Russian chronicles on the Solovetsky Islands], in *Vsesouznaya konferentsiya po izucheniu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka Skandinavskikh stran i Finlyandii*. Sbornik tezisev. Moscow: Institut of history of the Soviet Union Press, 1989. P. 175–177. (In Rus.).

Martynov, A.Ya. *Pervobytnaya arheologiya ostrovov uzhnoi chasti Belogo morya* [Pre-historical archaeology of the islands in the south part of the White Sea]. Arkhangelsk: Solti Poltorak Press, 2010. 364 p. (In Rus.).

Martynov, A.Ya. Pervobytnoe arheologicheskoe proshloe ostrovov Belogo morya [The prehistorical archaeological past of the White Sea islands: the results and problems of study], in *Vestnik Pomorskogo universiteta*. 2004. Vol. 5. P. 5–17. (In Rus.).

Martynov, A.Ya., Medvedev, A.A., Kudikov, A.V. O staryh I novyh metodah issledovaniya kamennyh labirintov Solovetskogo arhipelaga [On old and new methods in scientific research of the stone labyrinths of the Solovetsky archipelago], in *Solovetski sbornik*. Arkhangelsk: Severodvinsk Press, 2017. Vol. 13. P. 8–21. (In Rus.).

Martynov, A.Ya., Shahnovich, M.M. Razvedky I raskopy na ostrovah Solovetskogo arhipelaga [Reconnaissance and excavations on the islands of the Solovetsky Archipelago], in *Arheologicheskie otkrytiya 2009 goda*. Moscow: Nauka Press, 2013. P. 43–45. (In Rus.).

Skvortsov, A.P. Skolko pamyatnikov na Solovkah? [How much monuments are there on Solovky?], in *Problemy izucheniya istoriko-kulturnoi sredy Arktiki*. Moscow: [without name of publisher], 1990. P. 282–300. (In Rus.).

Зуев В.Ю.

БРОНЗОВЫЕ РУКОЯТИ СКИФСКИХ ЗЕРКАЛ С ПАНТЕРАМИ ЭПОХИ АРХАИКИ

Зуев, Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь, лауреат Государственной премии Российской Федерации, Россия, Санкт-Петербург, vadim.zuev.1964@mail.ru.

В статье публикуются новые материалы скифской художественной традиции декора рукоятей бронзовых зеркал VI–V вв. до н.э. и делается вывод о существовании самостоятельного скифского центра художественного литья, который располагался где-то в Северном Предкавказье. Этот центр был не только местом производства литья предметов из цветных металлов, но и изделий торевтики, поскольку образы и художественные зооморфные композиции повторяются на совершенно разных предметах (зеркала, крестообразные бляхи, декор ножен церемониальных мечей). Вероятно, в этом центре работали не только скифские мастера, но и выходцы с Ближнего Востока и ионийцы. Продукция их говорит о знакомстве не только с ранней скифской иконографией, но и с восточными и ионийскими художественными традициями. Около полувека этот центр сосуществовал с греческими мастерскими Борисфенинского полиса, существовавшего на острове Березань в Побужье, который прекратил свою работу после пожара в городе в последнем десятилетии VI в. до н.э. Вероятно это было связано с ходом скифо-персидской войны и рейдом флота греческих тиранов к Борисфену в 513 г. до н.э. Но центр производства художественной продукции в Скифии продолжил свою работу. Публикуемый в статье материал анализируется в контексте известных памятников скифской культуры эпохи архаики. Рассматривается эволюция художественного стиля на примере ряда конкретных зооморфных скифских образов и прослеживается вырождение этой традиции в первой половине V в. до н.э.

Ключевые слова: Скифы, Скифия, Кавказ, бронзовые зеркала, церемониальные мечи в золотом окладе, крестовидные зооморфные бляхи, звериный стиль, эпохи архаики и классики.

THE BRONZE HANDLES OF THE SCYTHIAN MIRRORS WITH PANTHERS OF THE ARCHAIC ERA

Zuev, Vadim Yurievitch — Candidate of Science in History, Independent Researcher, the Laureate of the State Award of the Russian Federation, Russian Federation, Saint-Petersburg, vadim.zuev.1964@mail.ru.

This article presents new materials in relation to the Scythian artistic tradition of bronze mirror's decorating handles of the 6th–5th centuries BC and concludes that there was an independent Scythian center of artistic casting, which was located somewhere in the Northern Ciscaucasia. This center was not only a place for the production of casting objects made of non-ferrous metals, but also toreutics, since images and artistic zoomorphic compositions are repeated on completely different objects (mirrors, cross-shaped plaques, decor of scabbards of ceremonial swords). It is likely that not only Scythian craftsmen worked in this center, but

also immigrants from the Middle East and Ionians. Their products speak of familiarity not only with an early Scythian iconography, but also with Eastern and Ionian artistic traditions. For about half a century, this center co-existed with Greek workshops of the Borysthenian polis, which existed on the island of Berezan in Pobuzhye, which stopped working after a fire in the city in the last decade of the 6th century BC. This was probably due to the course of the Scythian-Persian War and the raid of the fleet of Greek tyrants to Borysthenes in 513 BC. But the center for production of artistic objects in Scythia continued its work. The materials published in the article are analyzed in the context of famous monuments of Scythian culture of the Archaic era. The article considers the evolution of the artistic style on the example of a number of specific zoomorphic Scythian images and traces the degeneration of this tradition in the first half of the 5th century BC.

Key words: Scythians, Scythia, Caucasus, bronze mirrors, ceremonial swords in a gold salary, cross-shaped zoomorphic badges, animal style, Archaic and classical epochs.

Рукоять зеркала из Гавриловки, Украина

В Киевском историческом музее хранится бронзовая рукоять зеркала, о которой, благодаря серии находок последнего времени, можно говорить, как о принадлежащей к самостоятельной серии предметов эпохи скифской архаики. Эта рукоять происходит из кургана, раскопанного В.В. Хвойко (1850–1914) в Полтавской губернии, Гадячском уезде у с. Гавриловки на р. Псёл¹. Поскольку мы не располагаем журналом раскопок В.В. Хвойко, у нас нет даже сведений, когда эти раскопки были произведены, не говоря уже о составе комплекса этого кургана. Точно известно, что эти раскопки были профинансированы семьей киевских меценатов Терещенко, вероятнее всего Н.А. Терещенко (1819–1903), или же его сыном А.Н. Терещенко (1856–1911). Н.А. Терещенко в 1897 г. приобрел большую коллекцию материалов из раскопок В.В. Хвойко, которая демонстрировалась на специальной Археологической выставке в Киеве. Вся эта коллекция (более 5 000 единиц) была передана Н.А. Терещенко в дар Киевскому историческому музею, меценатами которого были все члены семьи Терещенко. Деньги от продажи этой коллекции, полученные В.В. Хвойко, использовались им для проведения последующих раскопок и приобретения уникальных экспонатов для музея. Известно также, что впоследствии В.В. Хвойко получал дополнительные субсидии на раскопки от сыновей Н.А. Терещенко с условием, что находки передавались непременно в Киевский исторический музей, как меценатский дар от семьи Терещенко. Возможно, что раскопки у с. Гавриловка были произведены в 1903–1904 гг., когда В.В. Хвойко, вместе с С.А. Мазараки (1835–1906), вел раскопки курганов именно в Полтавской губернии, в Гадячском уезде (Рис. 6, 1) на средства А.Н. Терещенко².

Рукоять зеркала из кургана у с. Гавриловка (Рис. 1, 1) отлита по восковой модели. Она состоит из навершия, с помощью которого рукоять крепилась к диску зеркала,

¹ Киевский исторический музей. Инв. № рукописного археологического каталога В.В. Хвойко—10851. Инв. № КИМ (на 1940 г. по записи Б.З. Рабиновича)—АС10799. Современный Инв. № КИМ—Б-41-297. Размеры рукояти: общая длина—170 мм, ширина—25 мм. Высота навершия рукояти—37 мм. Ширина навершия—37 мм. Высота медальона с пантерой—16 мм, ширина медальона с пантерой—20 мм. Высота фигурки пантеры на конце рукояти—20 мм, ширина фигурки пантеры на конце рукояти—28 мм.

² Тинченко Я. Археологические коллекции Терещенко и Ханенко // Антиквар. Журнал об искусстве и коллекционировании. 2013. Октябрь. № 10 (77): Наследие семьи Терещенко. С. 70–79; Супруненко О.Б. 3 історії археологічних досліджень на Полтавщині. Короткий нарис. Київ; Полтава, 2007. С. 40.

ствола, который разделен на семь равных прямоугольных медальонов в рамках (Рис. 1, а–ж). Внутри каждого медальона—стилизованное изображение пантер в позе стоя. На лицевой стороне рукояти все фигурки в медальонах обращены головами влево. Заканчивается рукоять фигуркой стоящей в профиль пантеры, несколько большей по размеру, головой ориентированной также влево (Рис. 1, ж).

Навершие, которое ошибочно описывается в литературе как ионийская воллута, на самом деле составлено из двух голов хищной птицы с ориентированным вверх клювом, загнутым в завиток вокруг шара и полоской наосницы сверху головы, идущей от глаза. Глаза птиц круглые—под ними четко выделены кружками меньшего диаметра скулы. Слитые вместе головы хищных птиц образуют подобие декора в виде воллуты (Рис. 1, 3). На лицевой стороне рукояти эти головы птиц сохранились лучше. На оборотной стороне они подверглись сильной коррозии, но также хорошо различимы. Вверху навершия рукояти, как бы между клювами хищных птиц, находится бронзовая заклепка, скреплявшая пластины навершия рукояти с диском зеркала. Семь фигурок пантер в медальонах повторяют один иконографический тип животного: крупная голова с гипертрофированно крупным круглым глазом и с острым ухом вверх, в середину которого вписано круглое вдавление. Круто изогнутая шея, переходящая в плечевой выступ, трактованный в виде завитка. Полусогнутые длинные лапы, заканчивающиеся крючками, имитирующими когти животного и длинный узкий прижатый к телу хвост, заканчивающийся незавершенным завитком. Фигурка пантеры на конце рукояти отличается от пантер в медальонах только чуть большим размером и тем, что она изображена лапами вверх—т.е. как бы стоящей на рамке последнего медальона (Рис. 1, 1).

В развилке навершия отчетливо читается слом плоского диска зеркала, который не имел бортика по краю (Рис. 1, 2). Эта деталь очень важна, т.к. дает основание утверждать, что данное зеркало в целом виде не является зеркалом борисфенитского типа (который долгое время назывался в литературе «ольвийским»). В этом отношении графические реконструкции зеркала из кургана у с. Гавриловка, выполненные В.А. Ильинской (Рис. 2, 1) и (Рис. 2, 2) Т.М. Кузнецовой, абсолютно далеки от оригинала. Рукоять зеркала, видимо, еще в древности (судя по степени окисленности слом) была переломлена на две половины. Разлом проходит горизонтально по рамке между 4 и 5 медальонами, считая сверху вниз (Рис. 1, г, д). Стилистически оценивая изображения на рукояти зеркала из Гавриловки, мы имеем произведение декоративно-прикладного искусства эпохи скифской архаики келермесского типа, исполненное опытным мастером литейщиком (Рис. 1, 1). По сочетанию художественных образов персонажи декора рукояти зеркала, найденного в кургане у с. Гавриловки на Полтавщине, более всего перекликаются с персонажами декора золотой диадемы, выполненной тиснением приемами металлопластики по штампу в технике басмы, которая была найдена в местечке Зивие (Рис. 6, 8) в северо-западном Иране в 1947 г. (Рис. 2, 7). По всей видимости, спаренные головы хищной птицы и профильные изображения фигурок пантер являются устойчивым иконографическим символом власти самого раннего периода скифского декоративного искусства.

В 1940 г. бронзовую рукоять зеркала из Гавриловки заинтересовался научный сотрудник Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа Б.З. (Меер Бер Залманович) Рабинович (1905–1941). Ученик Г.И. Боровки и М.И. Артамонова по Институту истории искусств и Археологическому отделению Ленинградского государственного университета, Б.З. Рабинович в последнем предвоенном году был в научной командировке в Киевском историческом музее с целью сбора данных и зарисовок материалов

по теме «Скифские памятники Украины». В архиве Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранятся альбомы рисунков, сделанных Б.З. Рабиновичем в 1940 г. в Киеве. Среди них (в блокноте № 2) имеется рабочая зарисовка рукояти из кургана у с. Гавриловки с пояснительной записью, сделанной рукою Б.З. Рабиновича: «Н[астоящая] в[еличина]. АС10799. / Раскопки Хвойки. / Гавриловск[ий] могильник. Гадячск[ий] у[езд] / от Терещенко / Ручка бронзов[ая] / Зеркало литое / С литым рель-ефным орна-ментом с / обеих сторон. / Сильно окисле-/но. Изображе-/ние выясняют-/ся только при / сильном всматривании»³. Рисунок Б.З. Рабиновича дает общее верное представление о бронзовой рукояти из кургана у с. Гавриловки. На нем рукоять ориентирована правильно. Рисунок сделан в натуральную величину. К сожалению, Б.З. Рабинович не рассмотрел орнаментального украшения навершия рукояти головами двух хищных птиц, но он объяснил это обстоятельство тем, что вещь была сильно патинизирована на момент ее осмотра⁴.

Первым исследователем, издавшим находку В.В. Хвойко, была В.А. Ильинская (1920–1979), выпускница кафедры археологии Ленинградского государственного университета, многолетний сотрудник с момента освобождения г. Киева от фашистов Института археологии АН УССР. Для понимания того, как именно введена в научный оборот находка В.В. Хвойко у с. Гавриловка, очень важно понимать то, как именно она была опубликована В.А. Ильинской. В 1968 г. ею была издана большая монография: «Скифы днепровского лесостепного левобережья. (Курганы Посулья)» — книга, в которой был подведен итог работ многих поколений археологов в регионе от Десны до Ворсклы и верховьев Северского Донца, — своего рода свод памятников. В таком качестве эта монография сохраняет значение и по сей день⁵. Важно отметить, что о раскопках В.В. Хвойко у с. Гавриловки на р. Псел в этой книге не сказано ни слова, хотя В.А. Ильинская явно проработала все коллекции Киевского исторического музея и, что главное, зарисовала весь скифский материал из коллекций музея. Нет, кстати сказать, информации о курганах у с. Гавриловки и в обзорной обобщающей книге, написанной В.А. Ильинской совместно с супругом, А.И. Тереножкиным⁶. Причиной тому было, вероятнее всего, полное отсутствие научной документации раскопок В.В. Хвойко у с. Гавриловки. Лишь в 1971 г. В.А. Ильинская в статье, посвященной образу кошачьего хищника в скифском искусстве эпохи архаики, издала и кратко откомментировала изображение рукояти зеркала из Гавриловки⁷. При этом исследовательница описала и сделала графическую реконструкцию всего зеркала, не работая с рукоятью *de visu*, а имея лишь графический рисунок одной из сторон этой рукояти.

«К числу предметов античного производства», писала В.А. Ильинская, «относится, несомненно, бронзовое зеркало из кургана у с. Гавриловка на Псле (Рис. 8, 3). Конеч

³ Выражаю искреннюю благодарность заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа доктору исторических наук А.Ю. Алексееву за возможность познакомиться с архивными материалами Б.З. Рабиновича и использовать их в своей публикации.

⁴ Я очень благодарен хранителю коллекций скифских древностей Киевского исторического музея С.В. Диденко за внимание и помощь в работе, выраженную в присылке качественных фотографий рукояти и данных об этом предмете. Рукоять была реставрирована и очищена от окислов несколько лет назад, что дало возможность более точно рассмотреть ее изображения.

⁵ См.: *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. (Курганы Посулья). Киев, 1968. 205 с.

⁶ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 305–355.

⁷ *Ильинская В.А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Советская археология. 1971. № 2. С. 79–80. Рис. 8, 3.

ручки оформлен ионийскими волютами. Ручка разделена на семь медальонов, в каждом из которых — схематичное изображение стоящего хищника. Серия изображений стоящих хищников представлена на концах ручек “ольвийских” зеркал. Образ животного по сравнению с ранними прототипами здесь совершенно деградировал. Пропорции тела иные, с удлинёнными лапами, худым поджарым туловищем, маленькой головкой, ноздри и пасть либо не выделены вовсе, либо намечены группой поперечных рубчиков. Скифский мотив утилитарно переработан для оформления петельки на конце зеркала (Скуднова. 1962. С. 5 сл.; Бобринской. 1901. Табл. XI, 2)»⁸.

Разобраться с изображением на навершии рукояти из Гавриловки В.А. Ильинской и художнику, сделавшему для нее рисунок с рукояти, помешали, как я уже отметил выше, окислы меди. В результате рисунок навершия получился похожим на волютообразную капитель, характерную для ионийской и, специально, эолийской архитектуры греков времен архаики. В.А. Ильинская имела в виду и несколько архаических греческих зеркал типа бронзовой рукояти зеркала (Рис. 2, 3) из музея в Каламате (Рис. 6, 9), где именно конец рукояти оформлен волютообразным декором. Однако, следует отметить, что ионийские зеркала эпохи архаики имеют примеры, когда архитектурный элемент волюты украшает именно навершия рукояти, как в случае с зеркалом с аукциона Кристи (Рис. 2, 4). Но делать вывод на этом основании, что зеркало из Гавриловки было сделано ионийскими мастерами, как полагала В.А. Ильинская, у нас нет оснований: слитые воедино головы хищных птиц не являются даже подражаниям ионийскому орнаменту на зеркалах первой серии борисфенитского типа (Рис. 6, 10, 11), или найденных в некрополе Ольвии эпохи архаики (Рис. 2, 5, 6)⁹. Это вполне самостоятельный тип бронзовых зеркал, который вполне возможно определять как тип, декорированный в стиле скифской зооморфной архаики. Ошибочной является и реконструкция В.А. Ильинской общей формы зеркала из Гавриловки. Прежде всего, это касается формы диска зеркала. Он не имел, как это видится сбоку навершия рукояти, вертикального бортика, который был гладким по краю. Неверна и попытка В.А. Ильинской сделать окончание рукояти зеркала его навершием: слишком неопределённым получается способ крепления рукояти к диску зеркала в таком случае (Рис. 2, 1). Эти поправки однозначно исключают возможность трактовать рукоять зеркала из Гавриловки как работу ионийских мастеров, которая, наоборот, должна трактоваться, как продукция мастеров, хорошо знакомых со скифской зооморфной пластикой эпохи архаики. Наличие устойчивых признаков зооморфной орнаментики (посткелермесский канон изображения кошачьих хищников с когтистыми лапами и полужакрученным в кольцо кончиком хвоста, а также спаренные головы хищной птицы) намечают хороший контекст рукояти зеркала из Гавриловки в ряду не только бронзолитейной продукции, но и торевтики эпохи скифской архаики.

Первой аналогией является оформление золотых ножен меча из кургана Шумейко (Рис. 6, 12), раскопанного С.А. Мазараки в 1899 г.¹⁰ Идея сложного церемониального декора клинкового оружия приходит в Скифию с Древнего Востока вместе с самими номадами, хотя наиболее ранние образцы декоративной торевтики этого типа, несомненно,

⁸ Там же. С. 79–80.

⁹ См.: Зуев В.Ю. Первая серия зеркал борисфенитского типа // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. С. 25–47.

¹⁰ Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. (Курганы Посулья). С. 43–44. Рис. 21.

изготавливались восточными мастерами, имевшими навык в передаче ассиро-вавилонских и урартских художественных традиций. Ранними и, несомненно, импортными были декоры ножен мечей и рукояти золотой секиры из Келермесских курганов, а при продвижении номадов вглубь территории Скифии — меча из Мельгуновского кургана. Почковидное перекрестье меча хранится в овале навершия ножен, украшенных как раз сдвоенным изображением лошадей, прижавшихся друг к другу крупами и откинутыми за спину головами. Ниже по стволу ножен расположены семь медальонов с фигурками стоящих на лапах пантер, головой вправо, с лапами, завершающимися когтями. Нижняя часть ножен имеет воротничок, под которым в три ряда идут равносторонние треугольники с зернью (Рис. 2, 8). Даже не рассматривая декор рукояти шумейкинского меча, можно признать несомненную близость его общей художественной композиции рукояти зеркала из Гавриловки. Мы видим здесь те же семь фигурок пантер, одна над другой. Те же большие круглые глаза. Те же когтистые лапы, на которых стоят хищники. Наконец, та же идея сдвоенных персонажей на навершии ножен¹¹. Следует отметить, что хронологически этот комплекс датируется по чернофигурному килику из этого погребения последней четвертью VI в. до н.э.¹² Позже эта схема декора становится широкоупотребимой. На золотых обкладках ножен меча из Томаковки (Рис. 6, 13) мы видим на навершии ножен сдвоенную по той же схеме пару лошадей, а профильные фигурки пантер сменяются изображениями анфас голов этого хищника (Рис. 2, 9).

Две другие аналогии дают курган у с. Опишлянка (Рис. 2, 10) на Харьковщине (Рис. 6, 14) и аналогичная опишлянкой бронзовая в основе, но покрытая золотым листом крестовидная бляха из погребения в кургане у с. Гусарка (Рис. 2, 11) Куйбышевского района в Запорожье (Рис. 6, 15). В Опишлянке найдены остатки горита со 174 наконечниками стрел эпохи поздней архаики и множеством золотых бляшек в виде стилизованных изображений пантер, у которых плечо трактовано в виде голов хищной птицы¹³. Особый интерес представляет золотая крестовидная бляха с зооморфным сюжетом, у которой на рукояти изображены четыре фигурки пантер в медальонах, трактованными стоящими головой вправо, с когтистыми лапами, как на рукояти зеркала из Гавриловки. Оба погребения, в Опишлянке и в Гусарке, уверенно датируются концом VI в. до н.э., хотя В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин допускают для Гусарки и начало V в. до н.э., но это явное омоложение даты.

Третьим памятником с очень близкой композицией изображений пантер является Витова Могила на Харьковщине (Рис. 6, 16), где также был найден горит с золотыми бляшками пантер (Рис. 2, 13), декорирующими его. По датировке памятника — это тоже конец VI в. до н.э. и одна стилистически, композиционно и художественно школа декоративного искусства, несомненно, скифская, в отличие от художественной бронзы Борисфена этой же эпохи.

Головы хищной птицы на рукояти зеркала из Гавриловки очень похожи на детали бронзовой крестообразной бляхи (Рис. 2, 12) из погребения 12 архаического могильника Ольвии раскопок 1910 г. (Рис. 6, 17).

В определении даты рукояти зеркала из Гавриловки В.А. Ильинская, на мой взгляд, допускает ошибку, омолаживая эту находку до начала V в. до н.э. Они с А.И. Тереножкиным

¹¹ *Онайко Н.А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // *Культура античного мира.* М., 1966. С. 159–176.

¹² *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. (Курганы Посулья). С. 71.

¹³ *Ковпаненко Г.Т.* Племена скифского часу на Ворсклі. Київ, 1967. С. 101. Рис. 47

пишут: «Из кургана у с. Гавриловки под Гадячем, раскопанного В.В. Хвойкой, происходит бронзовое зеркало ольвийской работы, ручка которого разделена на четыре медальона, в каждом из которых изображена “пантера” с опущенными лапами, а конец ручки оформлен в виде волют. Зеркало может быть отнесено к началу V в. до н.э.»¹⁴. Причина этой ошибки — непонимание иконографии, ошибка в ориентации рукояти и игнорирование близких художественных аналогий эпохи поздней архаики. Я считаю эту рукоять зеркала произведением пластики скифских мастеров последних десятилетий VI в. до н.э.

Таким образом, даже поиск аналогий изображениям на рукояти зеркала из кургана у с. Гавриловки дает целый пласт художественных и декоративных предметов, выполненных в едином стиле эпохи поздней скифской архаики. А это свидетельствует, что гавриловская рукоять — вполне устоявшееся самостоятельное художественное и историческое явление, значение которого заключается в том, что в случае со стилем мы здесь соприкасаемся с реальностью мира древностей Скифии, как своеобразного контрагента изготовления и торговли художественными вещами, определяющими в конце эпохи архаики самобытный мир скифской культуры.

Говоря о бронзовой рукояти зеркала из Гавриловки, необходимо еще упомянуть, что она фигурирует в исследовании Т.Б. Барцевой по цветной металлообработке скифского времени¹⁵. К сожалению, все отсылки Т.Б. Барцевой к мнениям Б.Н. Гракова и С.И. Капошиной просто придуманы — эти исследователи ничего не писали про эту рукоять зеркала, хотя Т.Б. Барцева противопоставляет их датировке рукояти зеркала из Гавриловки В.А. Ильинской V в. до н.э. Но самостоятельные исследования Т.Б. Барцевой (она тоже в перевернутом виде трактовала рукоять из Гавриловки) интересны важным нюансом. Она пишет: «И ручка зеркала из Гавриловки, и волковецкая бляха (№ 19 649 С. 50. Рис. 3) отлиты в единой рецептуре из сырья северокавказского типа, что свидетельствует о едином центре, их выпускавшем, местонахождение которого уточнять преждевременно»¹⁶.

Внесла свою лепту в трактовку рукояти зеркала из Гавриловки и Т.М. Кузнецова. Она никак не комментировала вариант рисунка В.А. Ильинской и даже склонна была принять ее датировку (конец VI–V в. до н.э.), но просто перевернула свой рисунок рукояти зеркала на 180°, добавив к ней графически неверно массивный бронзовый диск с бортиком по краю¹⁷.

Если еще недавно гавриловская рукоять, несмотря на круг художественных аналогий, была все же уникальным произведением художественной пластики, то теперь, после ряда находок, можно говорить о серии аналогичных предметов декоративно-прикладного искусства времен скифской архаики.

Рукоять бронзового зеркала из Полтавской области, Украина

В 2020 г. на северо-востоке Полтавской области была найдена бронзовая рукоять зеркала (Рис. 6, 2), очень похожая на находку В.В. Хвойко в Гавриловке. Находка была зафиксирована Ю.В. Обориным, в 2020 г. сообщившим сведения о ней Т.М. Кузнецовой и мне¹⁸. Зеркало (Рис. 3, 2) имело плоский тонкий диск с тонким краем, что хорошо

¹⁴ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. С. 354.

¹⁵ Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М., 1981. С. 56. Рис. 10.

¹⁶ Там же. С. 69.

¹⁷ Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии. VI–III в. до н.э. М., 2002. Т. I. С. 154. Табл. 86. № 135.

¹⁸ Место хранения в настоящее время неизвестно. Частная коллекция. Размеры зеркала (реконструированы по фрагменту диска Ю.В. Обориным) и рукояти. Диск зеркала был плоский, бронзовый.

видно в профиле навершия рукояти (Рис. 3, 3). Он был зажат между пластин навершия, декорированных очень стилизованно в виде протом кошачьих хищников на каждой стороне зеркала. Этот вариант трактовки изображений на навершии рукояти представляется мне предварительной рабочей версией, поскольку изображение не поддается однозначному художественному прочтению. Насколько в настоящее время нам известно декоративно-прикладное искусство скифов, в нем просто нет чисто орнаментальных и совершенно абстрактных зон на предметах, имеющих прикладное назначение. В случае с навершием рукояти зеркала из Полтавской области следует отметить большую степень абстрактности предлагаемой мною трактовки образов. Это головы хищников, помещенные на противоположных сторонах пластин навершия рукояти, трактованные в виде двух восьмерок, которые обозначают ноздри и глаз головы хищных животных (Рис. 3, 4). Далее к центру пластины симметрично располагаются два кружка в окружности, символизирующие сжатую когтистую переднюю лапу, из которых расходятся веером по две «запятых». Крайние в верхних своих точках символизируют уши кошачьих, а «запятые», которые ближе к оси симметрии, — символизируют профиль передних лап и их плечевые выступы (Рис. 8, 4). Задние половины туловищ «пантер» не изображены, но в орнаментальной срединной фигуре «восклицательного знака» (кружок в окружности и вертикальный ствол) угадывается общий на две фигурки пантер длинный кошачий хвост в профиль, закрученный на конце (Рис. 3, 4). Такой схематизм трактовки фигур двух пантер напоминает абстрактные геометрические схемы свернувшихся в кольца кошачьих хищников на бронзовых бляхах из Уйгарака (Рис. 3, 6) и с бутеролой некоторых ножен мечей, известных на Древнем Востоке (золотые ножны мечей Келермеса и золотые бутероли из Зивие — рис. 3, 5). Если трактовка абстрактного навершия и вызывает сомнения, то несомненным остается общая деталь композиции наверший рукояти из Гавриловки и рассматриваемого экземпляра — они одинаково отделены от стволов рукоятей с медальонами горизонтальным рядом окружностей, а не брусочком, как это изображали все исследователи гавриловской рукояти. Между деталями образов хищных кошачьих (в предлагаемой трактовке) на пластинах навершия рукояти в восковой модели были выполнены два горизонтально расположенных отверстия для заклепок крепления диска зеркала к пластинам навершия рукояти. Такое сочетание сильно стилизованного изображения с «натуралистичными» фигурками кошачьих животных известно в раннескифском искусстве и даже считается характерным его признаком¹⁹.

Ствол полтавской рукояти зеркала состоит из шести прямоугольных медальонов (Рис. 3, 1), в каждый из которых вписана фигурка пантеры гавриловского типа, ориентированная в профиль головой влево на лицевой стороне рукояти и вправо на оборотной. Низ рукояти украшает изображенная вверх ногами в профиль фигура кошачьего хищника с чуть выступающим, как и на гавриловской рукояти, ухом и головой, ориентированной влево (Рис. 3, 5).

Размеры рукояти (по данным Ю.В. Оборина): диаметр реконструированного диска — 190 мм. Толщина диска зеркала — 4 мм. Длина зеркала с рукоятью — 245 мм. Длина рукояти — 156 мм; высота навершия рукояти — 30 мм; ширина рукояти — 29 мм; толщина рукояти — 6,5 мм; высота зверей в медальонах — 11 мм; ширина зверей в медальонах — 22 мм.

С рукоятью скреплен с помощью зажима в навершии рукояти. Диаметр диска — 190 мм. Общая высота зеркала — 245 мм. Высота сохранившейся рукояти — 156 мм.

¹⁹ Кисель В.А. Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. (Материалы заседаний «Круглого стола» 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб., 1994. С. 111–119.

Публикуется впервые. В случае с бронзовой рукоятью с северо-востока Полтавской области мы имеем, несомненно, подлинное произведение декоративно-прикладного искусства скифов эпохи архаики. К сожалению, оно осталось в неизвестных частных руках, но может появиться вновь на рынке древностей и было бы разумно приобрести рукоять для музейной коллекции.

Рукоять бронзового зеркала с юга Черкасской области, Украина²⁰

Была найдена в 2016 г. и зафиксирована Ю.В. Обориным (Рис. 4, 1). Рукоять имеет овальное навершие с двумя заклепками, с помощью которых она крепилась к плоскому диску зеркала (Рис. 4, 2). Ствол рукояти украшают сверху и внизу на обеих сторонах растительные пальметы, в которых иногда исследователи видят намек на уши и глаза животного, развернутые en face (Рис. 4, 5). Возможно, что между этих декоративных элементов на рукояти крепилась какая-то обкладка, но она не сохранилась, хотя рукоять по бокам имеет явно технические изгибы.

На конце рукояти изображена очень стилизованная фигурка припавшего на полу-согнутые лапы кошачьего хищника (Рис. 4, 3, 4). Голова зверя опущена вниз. Рельефно проработан профиль морды. Пасть животного намечена прямой прорезью. Глаз выделен кружком и над головой в виде копытца показано ухо, выступающее вертикально голове в профиль. На теле выделен рельефно плечевой выступ. На лицевой стороне зеркала концы лап переданы в виде трапециевидных фигур (Рис. 4, 4). Фигурка животного в целом более проработана на лицевой стороне зеркала (Рис. 4, 4), чем на оборотной (Рис. 4, 3), которая хуже сохранилась из-за окислов. Интересная деталь — хвост животного на конце образует характерный завиток, который завернут внутрь, между задними лапами, хотя иконографически у всех кошачьих хищников завиток изображался наружу (Рис. 4, 4). Техника изготовления рукояти из Черкасской области обычная: резьба по воску с последующей отливкой предмета методом утрачиваемой восковой модели. Отмечу лишь явную угловатость и резкость линий формы фигурки хищника и всей рукояти (Рис. 4, 1). Орнаментальные детали на стволе рукояти очень напоминают декор бронзовых бляшек конской узды из многочисленных комплексов, которые характерны для периода РСК–2, что указывает на время существования зеркала: конец VI в. до н.э.

Размеры бронзовой рукояти: общая длина — 165 мм; ширина рукояти — 25 мм; толщина рукояти — 9 мм. Высота полуовального навершия — 25 мм; ширина навершия — 33 мм. Высота пальмет на стволе рукояти — 23 мм. Высота фигурки хищника — 30 мм; ширина — 45 мм. Публикуется впервые.

Рукоять бронзового зеркала из Краснодарского края²¹

В 2003 г. в Краснодарский музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына к археологу А.В. Пьянкову обратился житель г. Краснодар с предложением приобрести для музея бронзовую рукоять, украшенную изображениями кошачьих хищников. С оставленной на время в музее рукояти была снята форма и реставратором М.И. Смаглюком была изготовлена бронзовая отливка копии. Приобрести оригинал для музея, к сожалению, не удалось, но для науки сохранилась точная копия²².

²⁰ Рис. 6, 3.

²¹ Рис. 6, 4.

²² В настоящее время А.В. Пьянковым, М.И. Смаглюком и автором этой статьи готовится издание подробного описания этой рукояти. Я благодарю коллег за возможность привести в данной статье предварительную общую информацию. Выражаю также свою благодарность фотографу Владимиру д'Ар за предоставление качественной фотографии рукояти, выполненной им в 2015 г.

Навершие рукояти, с двумя горизонтально расположенными заклепками для крепления плоского круглого диска зеркала между пластин навершия, имело форму опрокинутой трапеции. Вдоль ствола рукояти, имеющей форму прямоугольной рамки, помещались одна над другой семь ажурно врезанных фигурок кошачьих хищников в профиль, головой ориентированных на лицевой стороне рукояти влево. Все они изображены в одной позе припавшего на лапы зверя. Головы животного сформованы вокруг трех сквозных отверстий, обозначающих ноздри, глаза и ухо. У всех животных обозначена пасть, а также характерный изгиб скулы. На концах хвостов животных — кольцо, образованное кончиками. У всех хищников хорошо выделен плечевой выступ, а на концах лап длинные, хорошо проработанные когти. Интересно, что этих хищников на рукояти также семь, как и в случае с рукоятью зеркала из кургана в Гавриловке (Рис. 5, 1).

Очень своеобразно трактована фигурка хищника на конце рукояти. На лицевой стороне зеркала головой он ориентирован вправо, против ориентировки маленьких пантер. Резкостью линий и закругленностью спины он очень напоминает хищника с рукояти, найденной на юге Черкасской области (Рис. 4, 3, 4). То же следует отметить и про трактовку уха животного, сформованного в виде копытца и помещенного перпендикулярно голове хищника. Глаз животного трактован в виде глубоко врезанного круга. Особо выделена оскаленная пасть, где вырезан ряд острых клыков. Выделяющийся плечевой выступ усилен восьмеркообразными окружностями, в которых угадывается, как рудимент, мотив глаза хищной птицы типа изображения на золотых бляшках из Витовой могилы (Рис. 2, 13). Когтистые трехпалые лапы как бы нависают над малыми фигурками пантер. Это впечатление усилено за счет резкой угловатой прорези в подбрюшье животного. На конце хвоста у него также прорезное колечко. Вообще, создается впечатление, что крупный хищник на конце рукояти — это оскалившийся волк, а не пантера. Но против такой атрибуции говорит свернутый в кольцо кончик хвоста. Это интересное противопоставление деталей изображений характерно для финала эпохи скифской архаики, когда у ряда хищников очень типичными становятся изображения массивных когтистых лап и оскаленных пастей, как, например, на железной, плакетированной золотом бляшке (Рис. 5, 2) из кургана у пос. Водного в Краснодарском крае (Рис. 6, 18). А ряд кошачьих персонажей сохраняют еще каноничный образ пантер. Это противопоставление видится на золотых бляшках кошачьих хищников (Рис. 5, 3) из Ульских курганов (Рис. 6, 19).

Размеры рукояти: общая длина — 181 мм; высота трапециевидного навершия — 25 мм; ширина навершия — 42 мм. Ширина рукояти — 40 мм; ширина фигурок кошачьих хищников — 32 мм; высота фигурок — 16 мм. Высота фигурки хищника на конце рукояти — 45 мм; ширина фигурки — 66 мм. По измерениям И.М. Смаглюка небольшого фрагмента плоского диска, зажато между пластин навершия оригинала рукояти, диаметр плоского диска составлял около 210 мм. Публикуется впервые.

Бронзовое зеркало из кургана у поселка Хабаз²³

В начале 1920-х гг. у поселка Хабаз на р. Кичмалка был раскопан курган, из которого до музея в г. Нальчик дошло в обломках бронзовое зеркало с бортиком по краю диска и рукоятью, на конце которой изображен в позе припавшего на лапы кошачий хищник, исполненный в технике литья по утрачиваемой восковой модели (Рис. 5, 4). В литературе существует мнение о том, что это зеркало скифской работы является подражанием зеркалам борисфенитского типа второй серии с фигурками львов на концах рукоятей.

²³ Рис. 6, 5.

А через зеркала типа, найденного в Хабазе, произошла метаморфоза ионийского образа льва в более понятный скифам образ пантеры келермесского типа, которые стали «после» зеркал типа Хабаза украшать концы рукоятей скифских зеркал не только в Северном Предкавказье, но и в Северном Причерноморье²⁴. Я согласен с Т.М. Кузнецовой, что зеркало, найденное в кургане у пос. Хабаз, безусловно, продукция местных, северокавказских мастерских, к которым я склонен относить все рассмотренные в этой статье рукояти зеркал с кошачьими хищниками. Собственно говоря, эту атрибуцию предложил уже в 1941 г. А.А. Иессен²⁵. Но считать это произведение декоративного искусства прототипом для зеркал борисфенитского типа категорически не могу: слишком надуманной и фантастичной представляется мне предложенная Т.М. Кузнецовой версия генезиса художественной традиции от ионийского образа льва, через сильно стилизованный образ хабазского хищника (Рис. 5, 5), к пантерам на рукоятях зеркал борисфенитского типа²⁶. К тому же, при воспроизведении зеркала из пос. Хабаз Т.М. Кузнецова, не работавшая *de visu* с оригиналом, приводит неверные сведения о месте находки зеркала и допускает заметные искажения пропорций предмета в своих иллюстрациях²⁷.

Кошачий хищник на конце рукояти зеркала из пос. Хабаз (Рис. 5, 5) очень похож на хищника с краснодарской рукояти (Рис. 5, 1). Он также ориентирован головой вправо на лицевой стороне зеркала. Та же поза зверя, припавшего на широкие когтистые трехпалые лапы. Хвост на конце свернут в кольцо. Плечевой выступ выделен и усилен вертикальным прямоугольным ребром. На голове хорошо выделено заостренное ухо. Рельефно выделен круглый глаз и широкие ноздри, придающие морде зверя подобие курносости. Пасть зверя широко раскрыта и оскалена. Выделен особо изгиб скулы (Рис. 5, 5).

Общая высота зеркала из Хабаза—260 мм. Диаметр диска—145 мм. Длина рукояти—145 мм; высота прямоугольного навершия—32 мм; ширина прямоугольного навершия—44 мм; толщина базы навершия—5 мм; ширина базы навершия—48 мм; ширина рукояти—30 мм. Высота фигурки кошачьего хищника—30 мм; ширина фигурки кошачьего хищника—54 мм.

Животное с конца рукояти зеркала из Хабаза, безусловно, художественный образ из одного ряда с выше рассмотренными персонажами, которые можно определить, как продукцию, выполненную в единой традиции скифской бронзолитейной мастерской эпохи архаики, которая с учетом данных анализа металла Т.Б. Барцевой для рукояти из Гавриловки может быть локализована где-то в Северном Предкавказье. Бронзовая рукоять зеркала из Гавриловки, бронзовые рукояти из Полтавской (2020 г.) и Черкасской (2016 г.) областей, краснодарская рукоять (2003 г.) и бронзовое зеркало из пос. Хабаз в Кабардино-Балкарии—это ряд находок, свидетельствующий о, безусловно, единой скифской художественной традиции декоративно-прикладного искусства эпохи архаики. Она имеет самостоятельную судьбу, отличную от зеркал борисфенитского типа, сосуществующих

²⁴ Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991. С. 80–81.

²⁵ Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л., 1941. С. 22. Табл. V, 3.

²⁶ Бажан И.А., Зув В.Ю. Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 11, 12.

²⁷ Зув В.Ю. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). СПб., 2014. С. 90. Рис. 11. 2 а-б.

со скифской художественной традицией во второй половине VI в. до н.э., которая для борисфенитских зеркал внезапно обрывается в последнее десятилетие VI в. до н.э. Тогда как скифская школа декоративного литья, судя по имеющимся материалам, продолжает существовать и развиваться в начале V в. до н.э., преобразовывая художественные формы эпохи архаики в новые образы и мотивы, развивая их в новых условиях жизни Скифии после потрясений скифо-персидской войны. Продемонстрировать постепенное вырождение художественных традиций эпохи архаики можно на примере двух зеркал.

Бронзовое зеркало из окрестностей Нальчика²⁸

В 2020 г. в окрестностях г. Нальчик в Кабардино-Балкарии было найдено бронзовое зеркало с плоским диском и ажурной прорезной рукоятью, на конце которой стилизованная фигурка кошачьего хищника, ориентированная головой вправо на лицевой стороне зеркала. Это зеркало попало в частную коллекцию, но было зафиксировано Ю.В. Обориным (Рис. 5, 6). Ажурные прорезные зеркала с плоскими дисками характерны для памятников скифской культуры Северного Причерноморья V в. до н.э. Но это зеркало как в общем декоре, так и в образе кошачьего хищника имеет ряд характерных переключек с серией рукоятей зеркал эпохи архаики. Его навершие рукояти с заклепками для крепления с диском оформлено в виде «опрокинутой трапеции», как и навершие рукояти из Краснодара 2003 г. Как и у краснодарской рукояти бока ручки по сути являются вытянутой прямоугольной рамкой, в которую вписан декоративный зигзаг (в котором угадывается образ ползущей змеи), тогда как на краснодарской рукояти рамку заполняют повторенные семь раз фигурки пантер. Очень много деталей образов эпохи архаики имеет фигура хищника. Та же поза припавшего к земле зверя с изогнутой дугою спиной. Но отсутствует изображение хвоста. Плечо животного усилено прямоугольным ребром, как у хищника с рукояти из Хабаза. Большие когтистые лапы изображены горизонтально, но на них нет членения на три когтя. Голова характерна для образа кошачьего хищника. Выделенное вертикально к голове ухо с заостренным вверх углублением. Глаз, переданный двойными кружками, по центру головы. И обведенный рамкой оскал широко открытой пасти (Рис. 5, 7). Все это очень близкие детали архаического скифского звериного стиля. Но, вместе с тем, это уже не архаический скифский кошачий хищник, а его реминисценция.

Размеры зеркала: диаметр диска—155 мм. Общая высота—260 мм. Длина рукояти—130 мм; ширина трапециевидного навершия—30 мм; ширина рукояти посередине—20 мм; длина змеевидного зигзага—75 мм. Высота фигурки хищника—30 мм; ширина фигурки хищника—45 мм. Публикуется впервые.

Бронзовое зеркало с фигурками пантер из Полтавской области²⁹

Еще более условна связь с эпохой архаики у плоского круглого зеркала с рамочной боковой рукоятью, в которую вписаны две фигурки кошачьих хищников, головой сориентированных на лицевой стороне зеркала вправо (Рис. 5, 8). Оно было найдено в 2011 г. на юго-востоке Полтавской области и зафиксировано независимо И.А. Бажаном и Ю.В. Обатниным. Внизу прямоугольной рамки хорошо видны не спиленные остатки литников. Фигурки пантерок предельно схематичны, изображены в профиль и у обеих отсутствует хоть как-то намеченный хвост (Рис. 5, 9). Размеры зеркала: диаметр диска—190 мм. Общая высота—245 мм. Толщина зеркала—4 мм. Высота рукояти—65 мм; ширина рукояти—44 мм. Высота фигурок—20 мм; ширина фигурок—30 мм. Публикуется впервые.

²⁸ Рис. 6, 6.

²⁹ Рис. 6, 7.

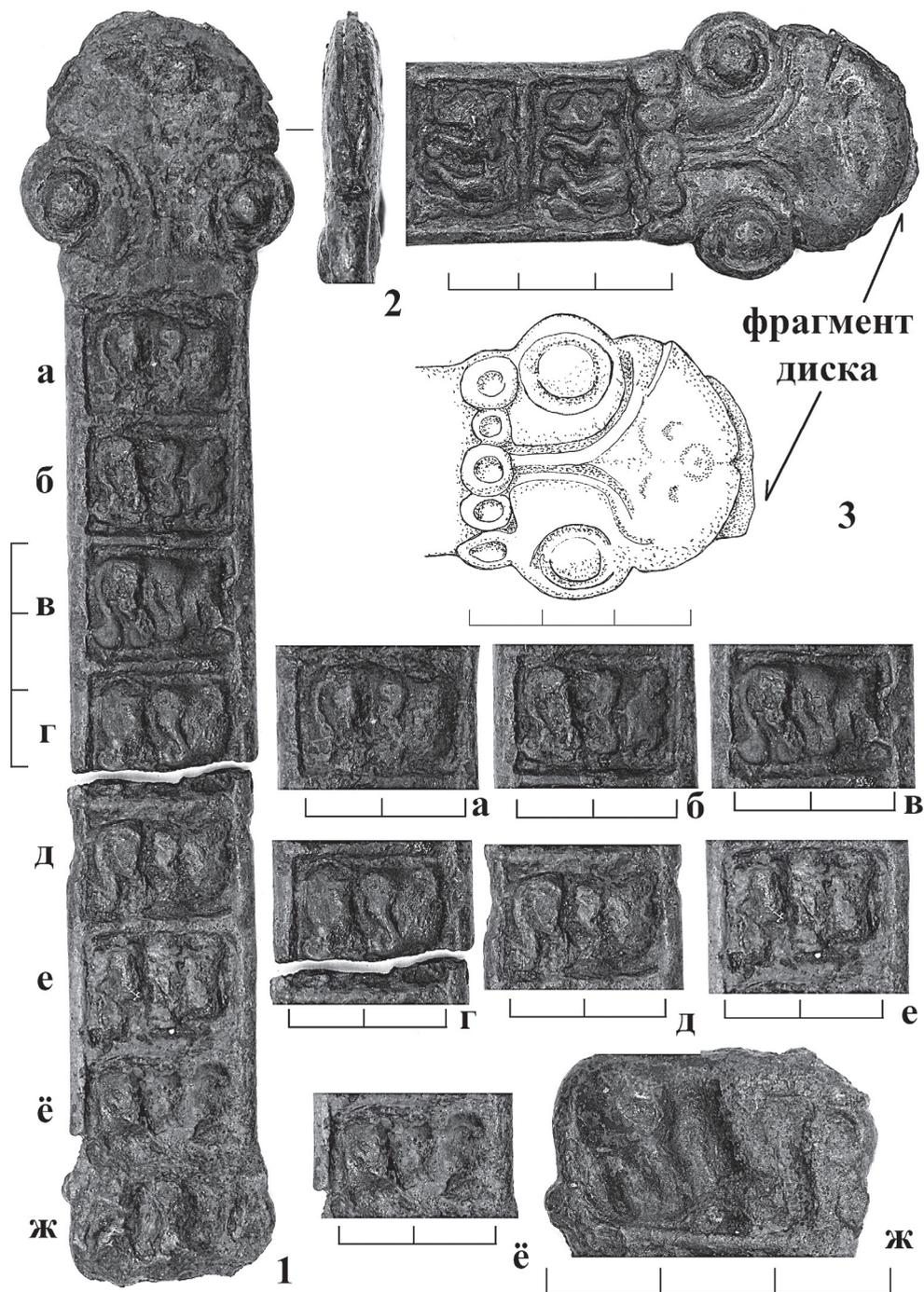

Рис. 1 1—Бронзовая рукоять скифского зеркала из кургана у с. Гавриловка (а-ж—фигурки пантер на рукояти); 2—профиль навершия рукояти с фрагментом диска; 3—сопоставленные головы хищных птиц на навершии рукояти (фотография и прорисовка)

Рис. 2 1—Графическая реконструкция зеркала из кургана у с. Гавриловка с перевернутой вверх ногами рукоятью В.А. Ильинской (Ильинская. 1971); 2—Графическая реконструкция этого же зеркала с бортиком по краю диска Т.М. Кузнецовой (Кузнецова. 2002. № 135); 3—Рукоять бронзового зеркала с гравировкой и пальметой внизу из Каламаты (Греция); 4—Бронзовое зеркало с ионийской капителью сверху и головой барана внизу рукояти с аукциона Кристи; 5—Бронзовое зеркало первой серии борисфенитского типа с гравированной ионийской капителью сверху рукояти из Краснодарского края (Россия). Случайная находка 2016 г.; 6—Бронзовое зеркало борисфенитского типа с литой рельефной ионийской капителью сверху рукояти из Хмельницкой области (Украина). Случайная находка 2016 г.; 7—Фрагмент золотой диадемы с изображением спаренных голов хищной птицы и фигур пантер из местечка Зивие в северо-западном Иране; 8—Золотая обкладка верхней части ножен меча из кургана у с. Шумейки; 9—Золотая обкладка верхней части ножен меча из кургана у с. Томаковка; 10—Бронзовая с золотым покрытием ременная бляха из кургана у с. Опишлянка; 11—Бронзовая с золотым покрытием ременная бляха из кургана у с. Гусарка; 12—Бронзовая крестовидная ременная бляха из некрополя Ольвии. 1910 г. Погр. 12; 13—золотая бляшка со щита из кургана Витова Могила

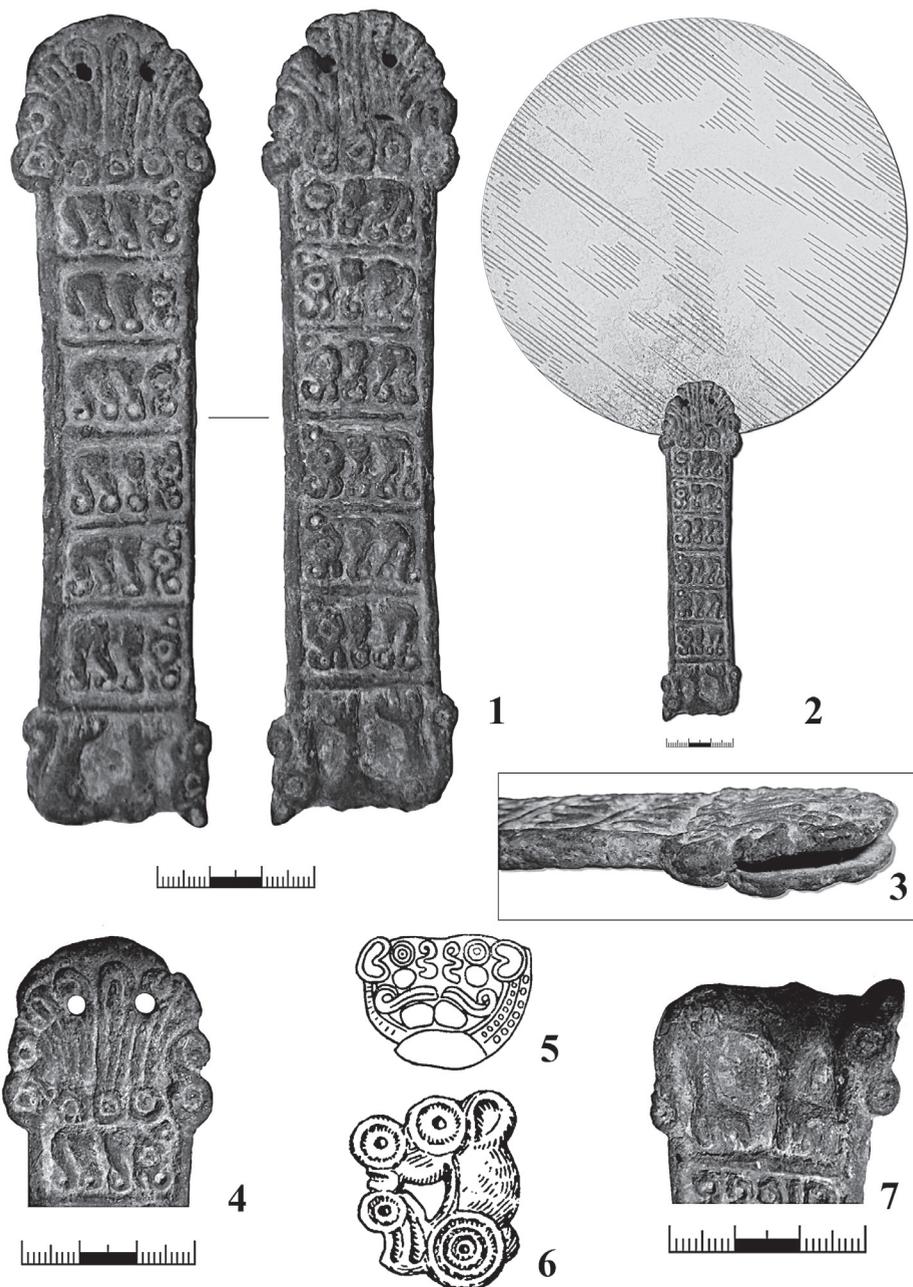

Рис. 3 1, 2—Рукоять бронзового зеркала из Полтавской области. Случайная находка 2020 г. (фотография и реконструкция Ю.В. Оборина); 3—вид с боку на навершие рукояти зеркала из Полтавской области с прорезью для диска; 4—навершие рукояти из Полтавской области; 5—золотая бутероль из Зивие (по: Раевский, Погребова. 1992. С. 136. Рис. 23 б); 6—Бронзовая бляха из кургана № 27 могильника Уйгарак (по: Кисель. 1994. С. 119. Рис. 14); 7—фигурка хищного животного с конца рукояти зеркала из Полтавской области

Рис. 4 1—Рукоять бронзового зеркала с юга Черкасской области.
 Случайная находка 2016 г. (Фотография Ю.В. Оборина);
 2—профиль навершия рукояти;
 3—фигурка пантеры на конце рукояти с оборотной стороны зеркала;
 4—фигурка пантеры на конце рукояти с лицевой стороны зеркала;
 5—растительные элементы декора рукояти

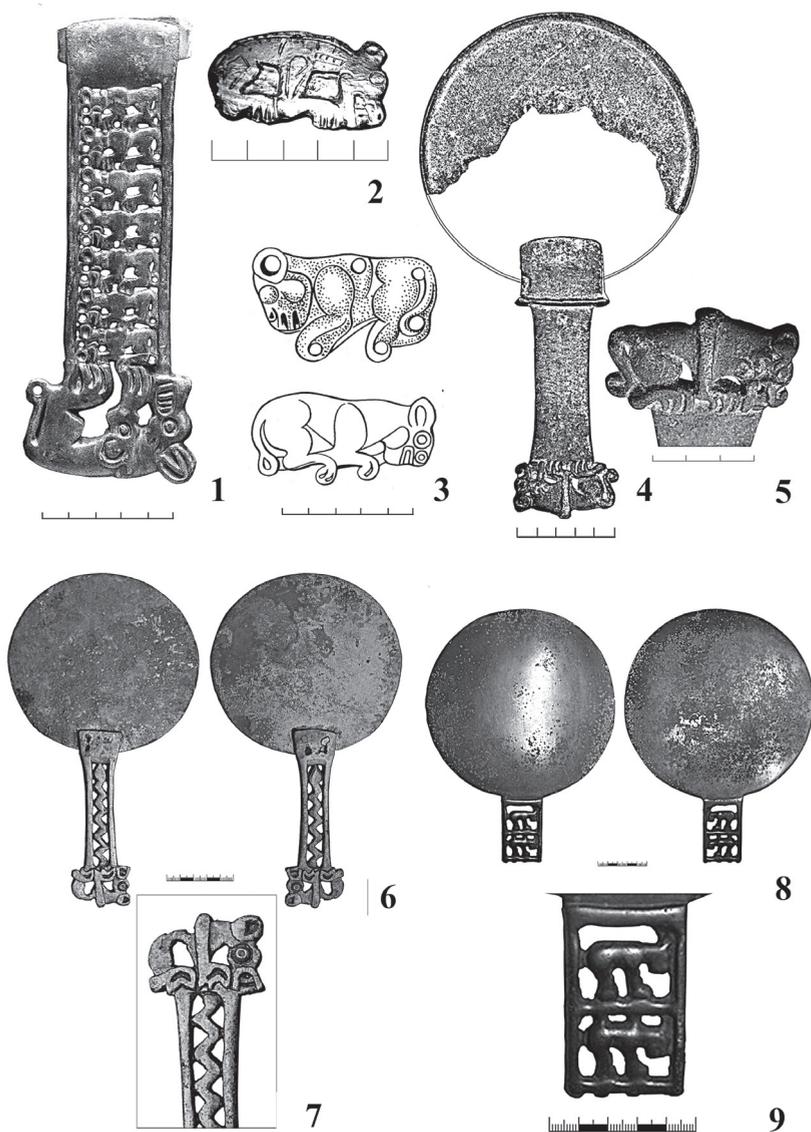

Рис. 5 1—Рукоять бронзового зеркала из Краснодара. Случайная находка 2003 г. (Фотография Владимира д'Ар, 2015 г.); 2—железная бляшка в виде пантеры, плакетированная в технике металлопластики золотом из пос. Водный, Прикубанье. Случайная находка в кургане 1981 г.; 3—золотые нашивные бляшки из Ульских курганов; 4—Бронзовое зеркало с бортиком по краю из кургана у поселка Хабаз, Кабардино-Балкария. 1920-е гг. (Фотография и реконструкция автора статьи); 5—Припавший к земле на лапы кошачий хищник с конца рукояти зеркала из кургана у пос. Хабаз; 6—Бронзовое зеркало с плоским диском, ажурной рукоятью и стилизованной фигуркой кошачьего хищника. Случайная находка 2020 г. из окрестностей г. Нальчика (Фотография Ю.В. Оборина); 7—Стилизованная фигурка кошачьего хищника на конце ажурной рукояти; 8—Бронзовое зеркало с рамочной ажурной рукоятью и двумя фигурками кошачьих хищников в ней. Случайная находка 2011 г. на северо-востоке Полтавской области (Фиксация И.А. Бажана и Ю.В. Оборина); 9—Фигурки кошачьих хищников головой вправо на лицевой стороне зеркала в рамке ажурной рукояти с остатками литников снизу

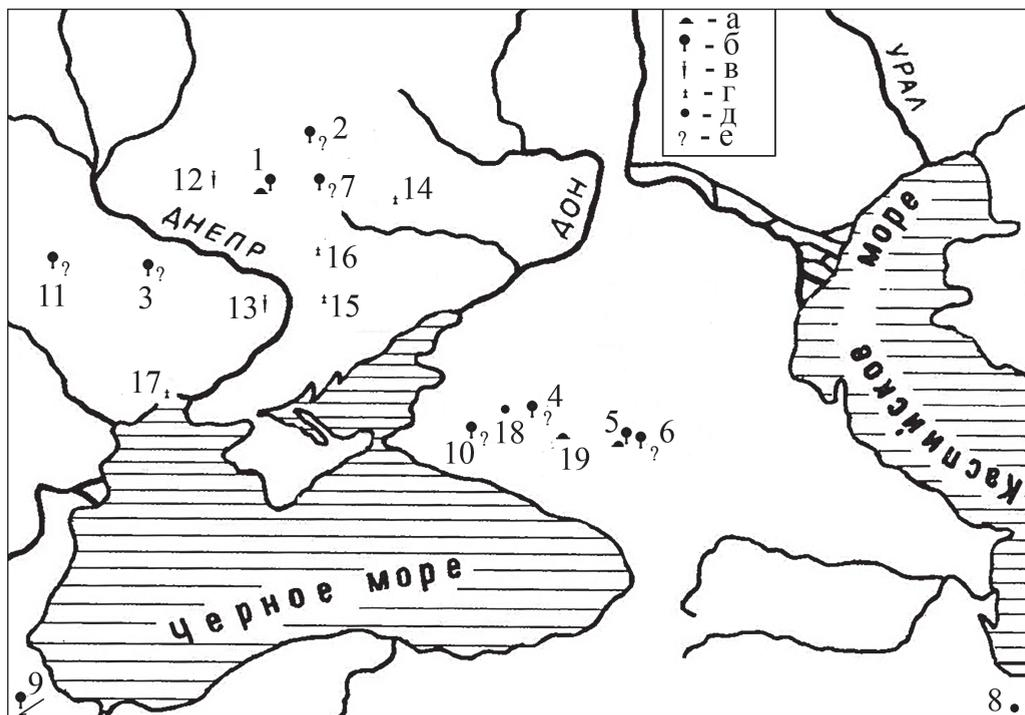

Рис. 6 Карта-схема распространения археологических находок, рассмотренных в статье. Условные знаки: а—курган; б—бронзовое зеркало; в—церемониальные мечи в золотых окладах; г—поясные крестообразные бляхи; д—предметы, декорированные зооморфными изображениями; е—условная локализация в пределах области.

- 1—курган у дер. Гавриловка; 2—рукоять зеркала, найденная в Полтавской области в 2020 г.;
- 3—рукоять зеркала, найденная на юге Черкасской области в 2016 г.;
- 4—рукоять бронзового зеркала из окрестностей Краснодара, найденная в 2003 г.;
- 5—бронзовое зеркало из кургана у пос. Хабаз, 1919 г.;
- 6—бронзовое зеркало с ажурной рукоятью из окрестностей Нальчика 2020 г.;
- 7—бронзовое зеркало с ажурной рамочной рукоятью, найденное в Полтавской области в 2011 г.;
- 8—золотые диадема и бутероль меча из Зивие (северо-западный Иран);
- 9—рукоять бронзового зеркала с пальметой на конце из местечка Каламата (Греция);
- 10—бронзовое зеркало первой серии борисфенитского типа, найденное в Краснодарском крае в 2016 г.;
- 11—бронзовое зеркало первой серии борисфенитского типа, найденное в Хмельницкой области в 2016 г.;
- 12—церемониальный меч в золотом окладе рукояти и ножен из кургана у хутора Шумейко;
- 13—церемониальный меч в золотом окладе рукояти и ножен из кургана Острая могила в Томаковке;
- 14—крестовидная бляха из кургана в Опишлянке;
- 15—крестовидная бляха из кургана у пос. Гусарка;
- 16—золотая бляшка в виде кошачьего хищника со щита из кургана Витова могила;
- 17—крестовидная бляха из некрополя Ольвии 1910 г., погребение 12;
- 18—железная бляшка в виде хищника, плакированная золотом из кургана у пос. Водный. Находка 1981 г.;
- 19—золотые бляшки в виде кошачьих хищников из Ульских курганов

С точки зрения изобразительных традиций эпохи архаики это уже полная деградация художественных образов кошачьих хищников. И совсем другая технология производства зеркал, в которых присутствует только мотив декора хищными кошачьими. Перед нами — предмет новой эпохи, декорированный под старину. Но по своему художественному значению это зеркало из Полтавщины является вполне логичным завершением линии художественной традиции декорировки скифами рукоятей зеркал (и не только) образами хищных кошачьих животных эпохи архаики. Традиции в полной мере самобытны и интересны как самостоятельное художественное явление.

Рассмотренный в этой статье материал, на мой взгляд, позволяет сделать вывод о существовании в VI–V в. до н.э. самостоятельного скифского центра художественного литья, который располагался где-то в Северном Предкавказье. Этот центр был не только местом производства литья предметов из цветных металлов (с необходимой базой для лепки моделей из воска и керамического производства), но и изделий торевтики (с соответствующей инструментальной базой), поскольку образы и художественные зооморфные композиции повторяются на совершенно разных предметах (зеркала, крестообразные бляхи, декор ножен церемониальных мечей). Вероятно, что в этом центре работали не только скифские мастера, но и выходцы с Ближнего Востока и, возможно, ионийцы. Продукция этого центра говорит о знакомстве не только с ранней скифской иконографией, но и с восточными и ионийскими художественными традициями. Около полувека этот центр сосуществовал с греческими мастерскими Борисфенитского полиса, на острове (полуострове) Березань в Побужье, который прекратил свое существование после пожарища в городе в последнем десятилетии VI в. до н.э. Вероятно это было связано с ходом скифо-персидской войны и рейдом флота греческих тиранов от устья Истра к Борисфену в 513 г. до н.э. Но центр производства художественной продукции в восточной Скифии продолжил свою работу и в начале V в. до н.э., сохраняя и перерабатывая какое-то время художественные и технологические традиции эпохи скифской архаики.

Список литературы

Бажан И.А., Зуев В.Ю. Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* Севастополь; Тюмень: [Б. и.], 2014. Вып. 6. С. 5–29.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М.: Наука, 1981. 125 с.

Зуев В.Ю. Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998).* СПб.: Нестор-История, 2014. С. 66–94.

Зуев В.Ю. Первая серия зеркал борисфенитского типа // *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции.* СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 25–47.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // *Советская археология.* 1971. № 2. С. 64–85.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. (Курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 205 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

Кисель В.А. Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. (Материалы заседаний «Круглого стола» 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб.: [Б. и.], 1994. С. 111–119. (Археологические изыскания. Вып. 18).

Ковпаненко Г.Т. Племена скифского часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 187 с.

Күзнецова Т.М. Зеркала Скифии. VI–III в. до н.э. М.: Индрик, 2002. Т. I. 349 с.

Күзнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М.: [Б. и.], 1991. 152 с.

Онайко Н.А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 159–176.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука, 1992. 261 с.

Супруненко О.Б. 3 історії археологічних досліджень на Полтавщині. Короткий нарис. Київ; Полтава: Гротеск, Археологія, 2007. 40 с.

Тинченко Я. Археологические коллекции Терещенко и Ханенко // Антиквар. Журнал об искусстве и коллекционировании. 2013. Октябрь. № 10 (77): Наследие семьи Терещенко. С. 70–79.

References

Bajan, I.A., Zuev, V.Yu. Sluchainie nakhodki skifskikh zerkal epokhi archaiki v Severnom Prichernomor'e [Accidental Finds of Scythian Mirrors of the Archaic Age in the Northern Black Sea Region], in *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*. Sevastopol; Tumen': [without name of publisher], 2014. Vol. 6. P. 5–29. (In Rus.).

Bartseva, T.B. *Tsvetnaia metalloobrabotka skifskogo vremeni. Lesostepnoe dneprovskoe levoberejje* [Non-ferrous metalworking of the Scythian time. Forest-steppe Dnieper left bank]. Moscow: Nauka Press, 1981. 125 p. (In Rus.).

Il'inskaya, V.A. Obraz koschach'ego khischnika v ranneskifskom iskusstve [The image of a feline predator in early Scythian art], in *Sovetskaia arkheologia*. 1971. Vol. 2. P. 64–85. (In Rus.).

Il'inskaya, V.A. *Skify dneprovskogo lesostepnogo levoberej'ia (Kurgany Posul'ia)* [Scythians of the Dnieper forest-steppe left bank. (Mounds of Posul)]. Kyiv: Naukova dumka Press, 1968. 205 p. (In Rus.).

Il'inskaya, V.A., Terenojkin, A.I. *Scythia VII–IV vv. do n.e.* [Scythia in VIIth—IVth centuries BC]. Kyiv: Naukova dumka Press, 1983. 380 p. (In Rus.).

Kisel', V.A. Neskol'ko zamechaniy ob obrase koschach'ego khischnika v ranneskifskom iskusstve [A Few Remarks on the Image of the Feline Predator in Early Scythian Art], in *Elitnie kurgany stepei Evrasii v skyfo-sarmatskuiu epokhu. (Materialy zaselanii "kruglogo stola" 22–24 dekabria 1994 g. Sankt-Peterburg)*. Saint-Petersburg: [without name of publisher], 1994. P. 111–119. (Arkheologicheskie izyskania. Vol. 18). (In Rus.).

Kovpanenko, G.T. *Plemena skifs'kogo chasu na Vorskle* [Tribes of the Scythian time on Vorskla]. Kyiv: Naukova dumka Press, 1967. 187 p. (In Ukr.).

Kuznetsova, T.M. *Etudy po skifskoi istorii* [Sketches on Scythian history]. Moscow: [without name of publisher], 1991. 152 p. (In Rus.).

Kuznetsova, T.M. *Zerkala Skifii VI–III v. do n.e.* [Mirrors of Scythia. 6th–IIIrd BC]. Moscow: Indrik Press, 2002. Vol. I. 349 p. (In Rus.).

Onaiko, N.A. O tsentrakh proizvodstva zolotykh obkladok nojen i rukoiatok rannikh skifskikh mechei, naidennikh v Pridneprov'е [About the centers of production of gold plates of the scabbard and hilts of early Scythian swords, found in the Dnieper region], in *Kul'tura antichnogo mira*. Moscow: Nauka Press, 1966. P. 159–176. (In Rus.).

Pogrebova, M.N., Raevskii, D.S. *Rannie skifi I lrevnii Vostok. K istorii stanovleniia skifskoi kultury* [Early Scythians and the Ancient East. On the history of the formation of the Scythian culture]. Moscow: Nauka Press, 1992. 261 p. (In Rus.).

Suprunenko, O.B. *Z istorii arkhеologichnikh doslidjen' na Poltavshchine. Korotkii naris* [On the history of archaeological achievements in the Poltava region. A short essay]. Kyiv; Poltava: Grotesk Press, Arkheologia Press, 2007. 40 p. (In Ukr.).

Tinchenko, Ja. Arkheologicheskie kollektсии Tereshchenko i Khanenko [Archaeological collections of Tereshchenko and Khanenko], in *Antiqvar. Jurnal ob iskusstve i kollektсионirovanii*. 2013. October. Vol. 10 (77): Nasledie sem'i Terschenko. P. 70–79. (In Rus.).

Zuev, V.Yu. Bosporskii tranzitnii put' rasprostraneniia grecheskikh zerkal v epokhu arkhaiiki (po materialam pogrebal'nikh pamiatnikov i sluchainikh nakhodok) [Bosporus transit route for the spread of Greek mirrors in the Archaic era (based on materials from burial sites and accidental finds)], in *Pogrebal'naia kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy kruglogo stola, posviashennogo 100-letiu so dnia rojdeniia Mikhaila Moiseevicha Kublanova (1914–1998)*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoria Press, 2014. P. 66–94. (In Rus.).

Zuev, V.Yu. Pervaia seria zerkal borisfenitskogo tipa [The first series of mirrors of the Borisfenite type], in *Bosporskii fenomen. Obshee i osobnoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mejdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Saint-Petersburg: IPTS SPbGUPTD Press, 2018. P. 25–47. (In Rus.).

Минасян Р.С.

КИНЖАЛ С ФИГУРНОЙ РУКОЯТЬЮ ИЗ УРОЧИЩА ТЕМИРШИ

Минасян, Рафаэль Сергеевич—кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург, minasyan1940@yandex.ru.

В статье рассматривается проблема появления изделий из черного металла в Западной Сибири, Центральной Азии и Казахстане. Металлографический анализ кинжала из Темирши (Казахстан) показал, что он сделан ковкой из железа. Но особенности формы рукояти говорят о том, что этот кинжал, как и другие подобные вещи сделаны литьем. Но до недавнего времени вещи из железа не отливали. Их отливали только из чугуна. В древности литье чугуна было освоено только в Китае, но там из чугуна делали сельскохозяйственные орудия, а оружие до конца III в. до н.э. в Китае было бронзовым. Все известные редкие кельцы и кинжалы сложной формы из черного металла, датируемые VII–VI вв. до н.э., найденные на указанной территории у кочевников, отлиты из чугуна. В дальнейшем у кочевников исчезают чугунные предметы, и у них появляются кованное оружие и другие железные предметы. Нужно выяснить, откуда у кочевников появились чугунные и железные вещи и технология их производства, которая прежде им была неизвестна.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Центральная Азия, Казахстан, Китай, черная металлургия, литье,ковка,чугун,чугунныеижелезныепредметы,железноеибронзовоеоружие.

THE DAGGER WITH A FIGURE HANDLE FROM THE TEMIRSHI TRACT

Minasyan, Raphael Sergeevitch—Candidate of Science in History, the Leading Research Fellow, the State Hermitage, Russian Federation, Saint-Petersburg, minasyan1940@yandex.ru.

This article is dedicated to the problem of appearance of ferrous metal objects in Western Siberia, Central Asia and Kazakhstan. Metallographic analysis of a dagger from Temirsha (Kazakhstan) showed that it was made by forging from iron. But the shape of the handle suggests that this dagger, like other similar things, is made by casting. But until recently, things made of iron were not cast. They were casted only from cast iron. In the ancient times, cast iron was mastered only in China, but there only agricultural tools were made from cast iron, and weapons were bronze in China until the end of the third century BC. All known rare weapons and daggers of complex shape made of black metal, dating from the VII–VI centuries BC, found in the specified territory among the nomads, are casted from cast iron. In the future, the nomads do not use cast-iron objects, and they have forged weapons and other iron objects. We need to find out where the nomads got cast-iron and iron things and the technology of their production, which had been previously unknown to them.

Key words: Western Siberia, Central Asia, Kazakhstan, China, ferrous metallurgy, casting, wrought iron, cast iron, cast iron and iron objects, bronze and iron weapon.

В 1977 г. в Центральном Казахстане, в урочище Темирши был найден хорошо сохранившийся кинжал с фигурной рукоятью, с почковидным перекрестием, с головками грифонов

на навершии. находка хранится в Карагандинском областном музее (инв. № 85430). Кинжал опубликован. В каталожной карточке отмечено, что он чугунный (gussien) и датируется V–IV вв. до н.э. Чугунным также назван кинжал-акинак из Усть-Каменогорска¹. К сожалению, не указаны данные, на основании которых сделаны такие заключения. Может быть, их посчитали чугунными, обратив внимание на скульптурные детали на рукоятях кинжалов (Рис. 1). Остальные предметы из Казахстана, опубликованные в этом издании, названные железными, имеют явные признакиковки. Они не имеют художественного оформления, которое нельзя выполнить кузнечными способами и инструментами: молотками, клещами, наковальнями, зубилами, пробойниками, правками. Только два выше отмеченных кинжала отличаются от остальных железных предметов сложной формой рукоятей. Такой результат можно получить лишь литьем.

Рис. 1 Кинжал из Темирши (черный металл). Карагандинский областной музей (Центральный Казахстан)

правило, грабленые. Тем не менее, в них находят много золотых и бронзовых изделий. В могильнике Тасмола–5, в кургане 3 найдены железные, как говорят, блишки, украшенные

Хотя кинжал из Темирши в сравнении с другими древними отливками из черного металла представляет весьма скромный экземпляр литого изделия, но он принадлежит к той же технической группе, к которой относятся кинжалы с головками грифонов, найденные в Минусинской котловине (Рис. 2), акинак и клевец из кургана Аржан–2, клевец, найденный на поселении Акбердинское–2, скульптурная фигурка барана из Гляденовского костыща².

Все вещи, отлитые из черного металла (чугунные), найденные на территории России и Казахстана, относятся к раннему скифскому времени. В дальнейшем они исчезли. На смену им в Западной Сибири, Центральной Азии и Казахстане пришло железное оружие, изготовленное путем деформации железа-стали кузнечными методами. Это оружие уже не имеет изысканного художественного оформления (Рис. 3). Учитывая динамику развития железоделательного производства, кинжал из Темирши должен датироваться ранним скифским временем.

Тасмолинские курганы в Казахстане, как и другие сакские погребальные памятники, как

¹ Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum, 2013. Bd. 1. S. 349, 351.

² Минасян Р.С.: 1) Сибирские железные кинжалы скифского времени // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2004. Вып. LXII. С. 68–71; 2) Металлообработка в древности и средневековье. СПб., 2014. С. 23, 96–97, 205–207; Чугунов К.В. Аржан-источник // Аржан. Источник в Долине царей. СПб., 2004. С. 10–39; Чугунов К., Наглер А., Парцингер Г. Аржан–2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 303–311; Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 223–224; Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. СПб., 2020. Кат. 25.2.9.

резным накладным золотом³. Однако среди вещей, найденных в курганах VII–VI вв. до н.э. в могильниках Тасмола, Талды–2, Карашоки, Нуркен–2, Шерубай, Шиликты и других, железные вещи отсутствуют⁴. В научных работах иногда упоминаются железные вещи, но по какой-то причине их не публикуют. В любом случае, железного оружия и конского снаряжения, датируемого VII–VI вв. до н.э., какое обычно встречается в могилах восточноевропейских скифов, у населения Северного Кавказа и Прикамья, в Казахстане нет. В основательном исследовании археологических предметов тагарской культуры, проведенном в работах М.А. Дэвлет и Н.Л. Членовой, железные вещи не фигурируют⁵.

Рис. 2 Рукояти литых кинжалов со скульптурными деталями на рукоятях. VII–VI (V?) вв. до н.э.;
1 — бронзовый кинжал с головами грифонов на навершии и с фигурами хищников на перекрестии. Минусинская котловина (ГЭ инв. № 1123/56);
2 — кинжал (черный металл). Село Кордачина близ г. Красноярска (ГЭ инв. № 5531/ 340)

Редкие ранние «железные» акинаки, кинжалы и кевцы, найденные на территории Центральной Азии и азиатских степей, отличаются от более поздних изделий способом изготовления и своеобразием декора. Рукояти, навершия, перекрестия, а иногда и клинки у них украшены скульптурными головами и фигурами зверей в окружении орнаментальных мотивов. В этой же манере выполнены рельефы на литых бронзовых тагарских акинаках.

³ Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 324–325.

⁴ Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы, 2017. С. 59–100.

⁵ Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // Советская археология. 1968. № 1. С. 28–38; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Рис. 3 Кованый железный (стальной) акинак. V–III вв. до н.э. (случайная находка), Алтай (ГЭ инв. № 1252/59)

В виду того, что в регионах к востоку и югу от Урала клевцы и кинжалы, отлитые из черного металла, сосуществуют с аналогичными по форме литыми бронзовыми изделиями, при явном отсутствии кованого оружия⁶, можно говорить о том, что производство жизненно необходимых железных изделий там началось позже. Так мне представляется ситуация с распространением железа на рассматриваемой территории.

Однако по этому поводу есть и другие мнения. С.А. Колчин предложил собственную классификацию железных кинжалов тагарского времени с учетом их формы и конструкции. Насколько она оправдана, судить скифологам и сарматологам. Метод изготовления кинжалов определен путем анализа металла искровым методом. Полученные данные свидетельствуют о примененииковки при изготовлении ранних железных кинжалов, а не литье их из чугуна. Успешные эксперименты дали повод С.А. Колчину заключить, что им найдены способыковки и закалки стали, идентичные древним. Также им установлено, что некоторые кинжалы имеют перекрестия, укрепленные на клинке методом горячей посадки, или припаянные медью. Что касается происхождения железных тагарских кинжалов, то С.А. Колчин отрицает возможность импорта таких образцов и технологий из Китая или из ахеменидского Ирана, однако есть сомнения относительно их местного происхождения⁷.

Нужно заметить, что проанализированные С.А. Колчиным железные вещи не самые ранние. Они действительно кованые. Способ их изготовления хорошо распознается визуально по форме и конструкции рукоятей, отсутствию на них следов пластичного моделирования и литейной поверхности. Замечания о креплении перекрестий, если они действительно подтверждены химическими и физическими анализами, весьма примечательны. Но все это имеет отношение только к кузнечному производству. А в данном случае говорится об оружии с фигурными деталями и двухсторонними барельефными изображениями, у которых существуют бронзовые литые аналоги. Эти вещи не делаются кузнечным способом. Среди изделий, исследованных С.А. Колчиным, таких кинжалов нет. Экспериментальный метод — не панацея в поиске истины. Он может направить ищущего ответ по неверному пути, как это обычно и происходит. В любом случае, нужно уметь отличать кованое изделие от отливки, а для этого не требуется ни дорогостоящее оборудование, ни работа с молотом в руках у горна и наковальни.

Особый интерес представляет другое исследование. В Алматы в лаборатории Института металлургии и обогащения Казахского национального исследовательского технического

⁶ Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. С. 94–98; Семенов В.А. Искусство варварских племен. СПб., 2015. Рис. 71,2, 117, 124; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.

⁷ Колчин С.А. Реконструкция технологий металлообработки при изготовлении железных кинжалов тагарского времени // Древности приенисейской Сибири. Красноярск, 2017. Вып. VIII. С. 75–82.

университета имени К.И. Сагпаева была исследована структура металла у рассматриваемого в данной статье кинжала из Темирши. На поверхности наверхшия и в средней части клинка сделали три маленьких шлифа. На исследованных участках выявлены шлаковые включения и немногочисленные мелкие поры, а на наверхшии на шее грифона однонаправленные трещины (регистрационный № 85430). На основании данных микроструктурного анализа сделано заключение, что кинжал из Темирши сделан путем обработки крицы давлением с промежуточным отжигом. Декор на рукояти мог быть нанесен как в холодную, так и при нагреве. Таким образом установлено, что этот кинжал сделан не литьем, как я считаю, а кузнечным способом.

Нужно понимать, что литые и кованые бронзовые и чугунные вещи изготавливаются по-разному. Из-за высокой температуры плавления железа (1583 градуса) его долго не могли расплавить. Железо получали в виде криц сыродутным способом. Небольшие слитки для последующей кузнечной обработки впервые стали выплавлять (но не везде) где-то в конце I тысячелетия до н.э. Вещи же из железа до недавнего времени не отливали нигде. При ковке металл деформируется и сверху, и снизу давлением бойка молота и других ударных инструментов и поверхностью наковальни. Обработывая такими действиями массивный кусок металла, тем более железо, невозможно в пластичной манере формировать рельефы и скульптуры. Металл—твердый материал, и его нельзя деформировать с такой же легкостью, как воск, или резать, как дерево. Кузнец может отковать акинак или меч, листовой металл, дрот круглого или квадратного сечения, изогнуть заготовку в любой конфигурации, но он не может украсить свои поковки скульптурными деталями. Н.С. Сядристый—виртуоз-микротехник—подковал блоху. Но скульптуру блохи ковкой сделать невозможно. Ее можно только отлить.

Художественное литье осуществлялось в глиняных формах с помощью восковых или деревянных моделей. Из воска можно вылепить модель скульптурного, рельефного или фигурного изделия, пользуясь приемами пластичного моделирования. Вырезая фигурный предмет из дерева, при желании тоже можно имитировать пластику. Металлические отливки являются копиями деревянных или восковых моделей, или репликами готовых предметов.

Невозможно представить, что в VII–VI вв. до н.э., когда на территории азиатских степей железные вещи были большой редкостью, а наряду с ними бытовало бронзовое литое оружие, кочевники были способны украшать в пластичной манере железные предметы объемными изображениями зверей и двусторонними барельефами. Когда к V в. до н.э. и позже стали делать железные акинаны только кузнечным способом, наверхшия у них приобрели антенную или брусковидную форму, а на рукоятях, перекрестиях и клинках исчез рельефный декор (Рис. 3). А если и приходилось украшать железо без драгоценных металлов, наносили контррельефы зарубками и насечками зубилом, что для кузнеца не представляет сложности.

В древности изделия отливали не из железа, а из чугуна. Есть утверждение, что китайцы стали лить чугун в IV в. до н.э. на 18 веков раньше европейцев⁸. Но это произошло раньше, где-то в первых веках I тысячелетия до н.э. Из чугуна отливали земледельческие орудия: лемеха, серпы, косы, мотыги, лопаты и многие другие массовые

⁸ Еремеев В.Е., Кобзев А.И. Особенности теории и практики // Духовная культура Китая. М., 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 375; Карабацов Ю.С., Черноусов П.И., Коротченко Н.А., Голубев О.В. Металлургия и время. Энциклопедия. М., 2011. Т. I. С. 54.

вещи. В позднее время лили котлы, монеты, скульптуру и монументальные сооружения. Но оружие в Китае до конца III в. до н.э. отливали только из бронзы — чугун не выдерживает большие динамические нагрузки. Железное оружие появилось в Китае только в эпоху Хань⁹.

Крутые шеи обращенных навстречу голов двух грифонов на навершии кинжала из Темирши согнуты не механическим способом. И не ковкой железа оформлены анатомические детали на миниатюрных головах. Рукоять с двух сторон украшена рельефными, но не одинаковыми завитками. Кузнец мог нанести такой узор только ударами фигурного чекана, но в таком случае все отпечатки были бы одинаковыми. К тому же фактура поверхности кинжала (судя по фотографии) больше соответствует литью, а не ковке. Хотя форма рукояти и перекрестия у этого кинжала не столь вычурна, а декор не столь изыскан, как у других ранних кинжалов этой группы клинкового оружия, тем не менее, трасологические признаки и здесь свидетельствуют о литье, а не кузнечной работе. Эти изделия не железные, а чугунные.

Материалы и предметы попадают к людям разными путями: торговля, военная добыча, дипломатические подарки. Об этом есть упоминания в письменных источниках¹⁰. Племя халибов — родоначальников железоделательного производства, проживавших на южном склоне Понтийского Тавра, на побережье, Аполлоний Родосский (295–215 гг. до н.э.) характеризовал следующим образом. Халибы «не занимаются ни разведением сладких плодов, не пасут стада на росистых пастбищах». Они «раскапывают железоносную твердую землю и выменивают железо на жизненные припасы. Единственное занятие халибов — производство железа, чем они заняты изо дня в день, от зари до глубокой ночи». «Среди копоты и дыма выполняют они свою тяжелую работу»¹¹.

Уместно привести еще одно сообщение — на этот раз Диодора Сицилийского (ок. 90–21 г. до н.э.): «У Тирении на острове Эфалия много железной руды, которую отсекают, а затем и получают железо, имея этот металл в изобилии. Занимающиеся этим трудом вырубая породу и плавят измельченные куски в искусно построенных печах. Руду плавят на сильном огне и разделяют на равные части, напоминающие большие губки. Купив и выменяв [металл] купцы везут в Дихаркию и на другие рынки. Другие люди, купив этот товар и набрав множество кузнечных дел мастеров, обрабатывают металл и изготавливают из него всевозможные изделия: куют различные виды оружия, мастерят кирки, серпы и прочие весьма полезные орудия. Купцы везут эти изделия в самые разные места, и таким образом их используют во многих странах»¹².

В цитируемых здесь текстах говорится о существовавшей в древности практике обмена железных изделий на другие товары. Всей халибской продукцией, которую они произвели более чем за тысячу лет, пользовались в других местах. Эти и другие подобные свидетельства в письменных источниках нужно иметь в виду, когда приходится определять время появления железоделательного производства где-либо на основании редких ранних находок железных предметов. Они могут быть чужими. Появление

⁹ Минасян Р.С. Черная металлургия в Китае (в печати).

¹⁰ Арешян Г.Е. Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) // Советская археология. 1976. № 1. С. 8; Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Л., 1949. С. 49, 56; Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. С. 53.

¹¹ Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М., 2001. С. 372–373, 994–1002; Антипенко А.Л. Путь предков. Традиционные мотивы в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. М., 2005.

¹² Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология. М., 2000. С. 271.

у кочевников литых предметов из черного металла можно объяснить только импортом, либо переносом технологии из мест, где такое производство уже функционировало, хотя подобное маловероятно. Литье чугуна было освоено не кочевниками, а китайцами.

Итак, как мы видим, для рассматриваемой здесь технической задачи предложено два взаимоисключающих решения. Одно из них ошибочное. У меня нет сомнения в том, что кинжал из Темирши литой. Трасологические данные объективны. Скорее всего, металлографический анализ этого кинжала выполнен некорректно. Наличие в металле шлаковых включений и микротрещин, выявленных в шлифах, еще не свидетельствует в пользуковки. Такие дефекты встречаются и в чугуне. Очевидно, в данном случае аналитик ориентировался на эталоны современного металла, приготавливаемого с соблюдением точных технологических стандартов. Кустарным способом вряд ли было возможно достичь столь высокого уровня выплавки чугуна, как теперь. Возможно, трех крошечных шлифов, взятых с поверхности одного изделия, недостаточно для вынесения окончательного вердикта о способе изготовления весьма своеобразной группы археологических предметов. Здесь требуется более масштабное исследование. Однозначное решение этой задачи позволит представить в правильном свете состояние дел в металлообрабатывающем производстве на большей территории Азии.

Список литературы

Антипенко А.Л. Путь предков. Традиционные мотивы в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. М.: Ладомир, 2005. 318 с.

Арешиян Г.Е. Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) // Советская археология. 1976. № 1. С. 87–99.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 59–100.

Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // Советская археология. 1968. № 1. С. 28–38.

Еремеев В.Е., Кобзев А.И. Особенности теории и практики // Духовная культура Китая. М.: Восточная литература, 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 375.

Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э. СПб.: Чистый лист, 2020. 720 с.

Карабасов Ю.С., Черноусов П.И., Коротченко Н.А., Голубев О.В. Металлургия и время. Энциклопедия. М.: Изд. дом МИСиС, 2011. Т. I. 215 с.

Колчин С.А. Реконструкция технологий металлообработки при изготовлении железных кинжалов тагарского времени // Древности приенисейской Сибири. Красноярск: СФУ, 2017. Вып. VIII. С. 75–82.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2014. 472 с.

Минасян Р.С. Сибирские железные кинжалы скифского времени // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2004. Вып. LXII. С. 68–71.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 134 с.

Семенов В.А. Искусство варварских племен. СПб.: Типография «НП-Принт», 2015. 400 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Чугунов К.В. Аржан-источник // Аржан. Источник в Долине царей. СПб.: Славия, 2004. С. 10–39.

Чугунов К., Наглер А., Парцингер Г. Аржан–2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: [Б. и.], 2006. С. 303–311.

Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2013. Bd. 1. 532 s.

References

Antipenko, A.L. *Put' predkov. Tradicionnyye motivy v «Argonavtike» Apollonija Rodoskogo* [The way of the ancestors. Traditional motifs in the Argonautica by Apollonius of Rhodes]. Moscow: Ladomir Press, 2005. 318 p. (In Rus.).

Areshjan, G. E. Zhelezo v kul'ture drevnej Perednej Azii i bassejna Jegejskogo morja (po dannym pis'mennyh istochnikov) [Iron in the Culture of Ancient Near Asia and the Aegean Sea basin (according to written sources)], in *Sovetskaja Arheologija*. 1976. Vol. 1. P. 87–99. (In Rus.).

Bejzenov, A.Z. Tasmolinskaja kul'tura Saryarki [Tasmolian culture of Saryarka], in *Kazakhstan v saksuju jepohu*. Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana Press, 2017. P. 59–100. (In Rus.).

Chlenova, N.L. *Proishozhdenie i rannjaja istorija plemen tagarskoj kul'tury* [The origin and early history of the Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka Press, 1967. 300 p. (In Rus.).

Chugunov, K.V. Arzhan-istochnik [Arzhan-source], in *Arzhan. Istochnik v Doline carej*. Saint-Petersburg: Slavija Press, 2004. P. 10–39. (In Rus.).

Chugunov, K., Nagler, A., Parcinger, G. Arzhan–2: materialy jepohi bronzy [Arzhan–2: materials of the Bronze Age], in *Okunevskij sbornik 2. Kul'tura i ee okruzenie*. Saint-Petersburg: [without name of publisher], 2006. P. 303–311. (In Rus.).

Djevlet, M.A. Iz istorii osvoenija metallurgii zheleza na Srednem Enisee [From the history of iron metallurgy development in the Middle Yenisei], in *Sovetskaja Arheologija*. 1968. Vol. 1. P. 28–38. (In Rus.).

Eremeev, V.E., Kobzev, A.I. Osobennosti teorii i praktiki [Features of theory and practice], in *Duhovnaja kul'tura Kitaja*. Moscow: Vostochnaja literature Press, 2009. Vol. 5. Nauka, tehničeskaja i voennaja mysl', zdravooхранenie i obrazovanie. P. 375. (In Rus.).

Karabasov, Ju.S., Chernousov, P.I., Korotchenko, N.A., Golubev, O.V. *Metallurgija i vremja. Jenciklopedija* [Metallurgy and time. Encyclopedia]. Moscow: MISiS Press, 2011. Vol. I. 215 p. (In Rus.).

Kolchin, S.A. Rekonstrukcija tehnologij metalloobrabotki pri izgotovlenii zheleznyh kinžalov tagarskogo vremeni [Reconstruction of metalworking technologies in the manufacture of iron daggers of the Tagar period], in *Drevnosti prienisejskoj Sibiri*. Krasnojarsk: SFU Press, 2017. Vol. VIII. P. 75–82. (In Rus.).

Margulan, A.H., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K., Orazbaev, A.M. *Drevnjaja kul'tura Central'nogo Kazahstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Press, 1966. 436 p. (In Rus.).

Minasjan, R.S. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Press, 2014. 472 p. (In Rus.).

Minasjan, R.S. Sibirskie zheleznye kinzhaly skifskogo vremeni [Siberian iron daggers of the Scythian period], in *Soobshhenija Gosudarstvennogo Jermitazha*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Jermitazha Press, 2004. Vol. LXII. P. 68–71. (In Rus.).

Ovsjannikov, V.V., Savel'ev, N.S. Voinskoe svjatilishhe na Akberdinskom II gorodishhe [Military sanctuary on Akberdinsky II hillfort], in *Arheologija evrazijskih stepej*. 2019. Vol. 2. P. 201–226. (In Rus.).

Piotrovskij, B.B. *Arheologija Zakavkaz'ja (s drevnejshih vremen do I tysjacheletija do n.je.)* [Archeology of Transcaucasia (from ancient times to the first millennium BC)]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU Press, 1949. 134 p. (In Rus.).

Semenov, V.A. *Iskusstvo varvarskih plemen* [The art of the barbarian tribes]. Saint-Petersburg: Tipografija «NP-Print», 2015. 400 p. (In Rus.).

Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2013. Bd. 1. 532 p.

Zheleznyj vek. Evropa bez granic. Pervoe tysjacheletie do n.je. [The Iron Age. Europe without borders. The first millennium BC]. Saint-Petersburg: Chistyj list Press, 2020. 720 p. (In Rus.).

НАСЛЕДИЕ

Тункина И.В.

ПО СЛЕДАМ СИБИРСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА (1719–1727):
ФИКСАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ ХУДОЖНИКАМИ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ОТРЯДА ВТОРОЙ КАМЧАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1733–1743).
ЧАСТЬ 2: КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ И КУРГАННЫЕ ПЛИТЫ*

Тункина, Ирина Владимировна—доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Россия, Санкт-Петербург, tunkina@yandex.ru.

В статье приведен сравнительный анализ рисунков памятников археологии, впервые графически зафиксированных во время сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1719–1727). Это писаницы, каменные изваяния, стелы с руническими надписями, ограды курганов и пр. Десятилетие спустя те же памятники были графически зафиксированы художниками Академического отряда Второй Камчатской экспедиции под руководством Г.Ф. Миллера (1733–1743)—И.В. Люрсениусом, И.Х. Беркханом и И.К. Деккером. Их рисунки хранятся в личном фонде Г.Ф. Мессершмидта и в «Портфелях Миллера» в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и Российском государственном архиве древних актов. Во второй части исследования публикуются рисунки каменных изваяний и курганных плит, выполненных в ходе Второй Камчатской экспедиции.

Ключевые слова: Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, археологические памятники, экспедиционные рисунки

FOLLOWING D.G. MESSERSCHMIDT'S SIBERIAN JOURNEY (1719–1727):
THE RECORDING OF THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF SIBERIA
BY THE ARTISTS OF THE ACADEMIC DETACHMENT OF THE SECOND
KAMCHATKA EXPEDITION (1733–1743).
PART 2: STONE SCULPTURES AND BURIAL MOUNDS

Tunkina, Irina Vladimirovna—Doctor of Science in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, the Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Saint-Petersburg, tunkina@yandex.ru.

The article presents a comparative analysis of the drawings of the archaeological monuments, first graphically recorded during the Siberian expedition of D.G. Messerschmidt (1719–1727). These are scribbles, stone sculptures, steles with runic inscriptions, walls of mounds, etc. A decade later, the same monuments were graphically recorded by the artists

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006 «Научное изучение Сибири в Петровскую эпоху: архивное наследие Д. Г. Мессершмидта». Автор выражает признательность Л.Д. Бондарь и М.В. Поникаровской (СПбФ АРАН), оказавшей помощь в транскрипции латинских и немецких текстов.

of the Academic Detachment of the Second Kamchatka Expedition led by G.F. Miller (1733–1743)—by J.W. Lursenius, J.Ch. Berkhan and J.C. Dekker. Their drawings are kept now among the personal papers of D.G. Messerschmidt and in the “Miller Portfolios” in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Russian State Archive of Ancient Acts. The Second Part of the study reveals the drawings of stone sculptures and burial mounds made during the Second Kamchatka Expedition.

Key words: D.G. Messerschmidt, G.F. Müller, J.G. Gmelin, archaeological monuments, expedition drawings.

Первая научная комплексная экспедиция (1719–1727) данцигского доктора медицины Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735), отправленная Петром Великим в Сибирь для изучения естественнонаучных богатств и поиска «аптекарских вещей» на средства Аптекарской (с 1721 г.—Медицинской) канцелярии, открыла для мировой науки памятники археологии евразийских степей. В этом году исполняется ровно 300 лет начала многолетних странствий немецкого ученого по просторам Сибири—1 марта 1721 г. экспедиция выехала из Тобольска вглубь Северо-Востока Евразии¹. Графическая фиксация открытых археологических объектов играла важнейшую роль в исследованиях Д.Г. Мессершмидта. Часть сохранившихся в личном фонде ученого экспедиционных рисунков выполнены Карлом Густавом фон Шульманом (Karl Gustav von Schulmann; 1702–1765)², сыном пленного шведского подполковника, учеником и слугой пленного шведского капитана Ф.И. Табберта (фон Страленберга), который вел дневник экспедиции (1 марта 1721 г.—28 мая 1722 г.).

В январе 1722 г. Ф.И. Табберт и К.Г. Шульман совершали исследовательские поездки из Абаканского острога по его окрестностям (Д.Г. Мессершмидт оставался в остроге), занимались археологическими разведками и раскопками, обследуя долины рек Чулым, Абакан, Енисей. Так, в междуречье Теси и Ербы в енисейских степях 24 января 1722 г. капитан Ф.И. Табберт открыл, а К.Г. фон Шульман зарисовал каменное изваяние «Тесинский богатырь» с рунической надписью. Рисунки К.Г. фон Шульмана запечатлели также угловые камни оград курганов, открытые поблизости 24–25 января 1725 г. Они упомянуты в X-м рапорте Д.Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г. под номерами с 5 по 8 вместе с Уйбатской стелой. На изваяниях и камнях были обнаружены знаки «готско-рунической» письменности³, зарисованные К.Г. фон Шульманом. Эти рисунки были скопированы Ф.И. Таббертом и позднее опубликованы в виде гравюр в его известной книге⁴.

¹ К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2021.

² О нем см.: Тункина И.В. К биографии Карла Густава Шульмана // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / отв. ред. чл.-корр. РАН И.В. Тункина. СПб., 2021. С. 57–64.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее—СПбФ АРАН). Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 135 об.

⁴ *Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, etc.* Stockholm, 1730. Tab. II–IX, XI–XII, XX–XXI; Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. I. Вып. 2. Приложения. С. 26–27, 29, 31, 33, 36, 37, 39, 41, 48–49; Тункина И.В. Материалы об экспедиции Д.Г. Мессершмидта в письмах Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н.Н. Покровского / отв. ред. акад. А.П. Деревянко, докт. ист. наук А.Х. Элерт. Новосибирск, 2020. С. 305–309; Тункина И.В. Письма Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему—новый источник об экспедиции Д.Г. Мессершмидта

Однако после заключения Ништадтского мира со Швецией (1721 г.) все пленники должны были вернуться на родину. 28 мая 1722 г. Ф.И. Табберт и К.Г. фон Шульман покинули Д.Г. Мессершмидта, забрав с собой его письменные рапорты в Медицинскую канцелярию, письма и часть коллекций для доставки в Санкт-Петербург. После отъезда своих спутников на родину Д.Г. Мессершмидт вынужден был принять обязанности художника на себя. Начиная с июля 1722 г., в экспедиционных дневниках появляются чертежи и рисунки, в том числе памятников археологии, которые выполнены рукой ученого.

Академический отряд Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) шел по следам экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Один из руководителей отряда академик Г.Ф. Миллер перед поездкой в Сибирь тщательно проштудировал книги Н. Витсена, Ф.И. фон Страленберга и неопубликованные материалы Д.Г. Мессершмидта, поступившие в Петербургскую академию наук. Знаменитый труд «История Сибири» и статьи о сибирских древностях Г.Ф. Миллера⁵ доказывают, что он и его коллега по отряду академик И.Г. Гмелин пытались найти, осмотреть, описать и зарисовать памятники, открытые или только упомянутые в дневниках Д.Г. Мессершмидта, копии и выписки из которых ученые возили с собой по Сибири⁶.

Графической фиксацией археологических памятников, уже открытых экспедицией Д.Г. Мессершмидта и вновь обнаруженных в 1733–1743 гг., занимались профессиональные академические художники, прикомандированные ко Второй Камчатской экспедиции — «рисовальный мастер» Иоганн Вильгельм Люрсениус (Johann Wilhelm Lürsenius; 1704–1771), художник «для рисования натуральной и древней истории и проспектов городов и мест» Иоганн Христиан Беркхан (Johann Christian Berckhan; 1709–1751) и «рисовального и живописного дела мастер» Иоганн Корнелиус Деккер (Johann Cornelius Decker), присоединившийся к экспедиции в 1737 г. Академические художники использовали листы тряпичной и александрийской бумаги современного формата А2–А3. На большинстве рисунков черной акварелью, тушью и пером, хранящихся в РГАДА⁷, имеются подписи: «Berckhan del[ineavit]» (зарисовал Беркхан), «Lürsenius del[ineavit]» (зарисовал Люрсениус), «Lürsenius cop. fec.» (копировал Люрсениус), но значительная часть рисунков в СПбФ АРАН не подписана. Волею судеб личный фонд Г.Ф. Миллера, так называемые «Портфели Миллера», где хранятся рисунки и их описания, оказался разделен между современными Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН (СПбФ АРАН) и Российским государственным архивом древних актов (РГАДА) в Москве⁸. К примеру, рукописное описание памятника на немецком или латинском языке хранится в Москве, а его рисунок — в Санкт-Петербурге, или наоборот.

в Сибирь // Труды VI Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара, 2020. Т. III. С. 154–156; *Лефельдт В., Кнюппель М., Тункина И.В., Элерт А.Х.* Письмо Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2021. С. 119–144.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1 / отв. ред. И.И. Мещанинов; Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. Изд. 2-е, доп.

⁶ Российский государственный архив древних актов (Далее — РГАДА). Ф. 199. Оп. 1. Портф. 150. Ч. 1. Д. 4. Л. 1–53 (описание маршрута путешествия Д.Г. Мессершмидта на нем. яз.).

⁷ От Рейна до Камчатки: Каталог выставки. К 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера / РГАДА; сост. и научн. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2005. С. 31, 87, 90, 92, каталог № 71, 78, 85, 86, 105.

⁸ Тункина И.В. О судьбе рукописного наследия Г.Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 3–11.

Для прояснения вопроса о месте находки артефактов необходимо было сопоставить описания памятников с их рисунками, что мы попытались сделать. Обстоятельства находки и зарисовки археологических объектов академическим отрядом Второй Камчатской экспедиции содержатся в опубликованных и неизданных текстах Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина. Экспедиционные рисунки упомянуты в реестре рапортов, доношений, описаний, рисунков и вещей, отправленных профессорами Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным в Академию наук и Правительствующий Сенат 7 августа 1746 г.⁹ и в перечне планов, видов и других рисунков и ландкарт, сданных профессором Г.Ф. Миллером Исторической Конференции Петербургской академии наук и художеств с 5 по 12 мая 1748 г.¹⁰

Экспедиция Д.Г. Мессершмидта и академический отряд Второй Камчатской экспедиции зафиксировали одни и те же монументальные памятники древности (писаницы, каменные изваяния, стелы с руническими надписями, угловые камни оград курганов и пр.). Как выяснилось, не все они были опубликованы в полном виде, причем если и опубликованы, то в значительно уменьшенном формате, что не позволяет увидеть детали объектов. Нам представляется важным издать впервые или переиздать изобразительные источники по архивным оригиналам с указанием архивных шифров, несмотря на то, что часть их была опубликована еще В.В. Радловым в цинкографических снимках¹¹. Некоторые документы оказались неизданными, другие опубликованы в неудовлетворительных черно-белых фотографиях в первом и втором изданиях «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера как иллюстрации к статьям о древностях сибирских, причем без научной атрибуции, привязки к конкретным памятникам и топонимам¹². В этих изданиях приведены полные архивные шифры только рисунков из Архива АН СССР/СПбФ АРАН, но шифры дел в РГАДА отсутствуют, что затруднило архивный поиск графических оригиналов. Сибирские памятники опубликованы в неудовлетворительных, искажающих подлинники графических прорисовках исключительно по имеющимся публикациям в содержательной монографии А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова по истории изучения древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв.¹³

В первой части исследования были рассмотрены писаницы, зафиксированные в графических материалах экспедиций Д.Г. Мессершмидта, академического отряда Второй Камчатской экспедиции и в копиях с рисунков геодезиста И.И. Шишкова из «Портфелей Миллера». Это Ирбитская и Корелинская писаницы на Урале, а также сибирские петроглифы — Томская писаница на реке Томь, Бирюсинская писаница на правом берегу Енисея, Шишкинская писаница на реке Лене¹⁴. Вторая часть посвящена каменным изваяниям и курганным плитам, зарисованным в ходе Второй Камчатской экспедиции в Сибири. Выполненные в 1741–1742 гг. геодезистом И.И. Шишковым по указанию В.Н. Тагищева

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 813. Л. 97–106 об., 107–114 об.; Материалы для истории Императорской Академии наук: В 10 т. СПб., 1895. Т. 8: (1746–1747). С. 194–212.

¹⁰ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 124–125.

¹¹ Там же. С. 68–71.

¹² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. 1937. Рис. 16–35; 1997. Рис. 5, 7, 18–35.

¹³ Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск, 2005. Рис. 14–15, 23–24.

¹⁴ Тункина И.В. По следам сибирского путешествия Д.Г. Мессершмидта (1719–1727): фиксация памятников археологии Урала и Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 1: Писаницы // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова и 60-летию его труда на ниве отечественной науки. Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб., 2021 (в печати).

описания и рисунки тех же объектов (вернее, копии с рисунков, выполненные Я. Карманалеевым в 1745 г.), хранящиеся в фонда Г.Ф. Миллера в СПбФ АРАН, недавно опубликованы как в черно-белых¹⁵, так и цветных иллюстрациях¹⁶, так то я не считаю нужным их переиздавать в данной статье.

Места находок памятников, открытых и зарисованных в ходе экспедиции Д.Г. Мессершмидта, описаны Г.Ф. Миллером в работе «Путешествие от Красноярска через степи реки Июс до реки Абакана и Саянского острога, а оттуда через Лугазинский и Ирбинский медный и железный заводы до Абаканска и далее вниз по Енисею назад до Красноярска. 1739», хранящейся в РГАДА и изданной в русском переводе А.Х. Элерта¹⁷. В этой работе Г.Ф. Миллер иногда сообщает обстоятельства зарисовки памятников, что позволяет соотнести места находок с подлинными рисунками, хранящимися в РГАДА и СПбФ АРАН.

19–20 февраля 1722 г. Д.Г. Мессершмидт оказался в Караульном (или Верхнем) остроге на левом берегу Енисея, где скупал древности из могильников. Видимо, здесь К.Г. фон Шульман зарисовал фрагмент каменной рыбы-приманки времени серовского этапа байкальской неолитической культуры¹⁸. Сохранившийся рисунок (Рис. 1) имеет аннотацию доктора на латинском языке: «Фрагмент статуи из скального камня, который можно подозревать воспроизводит фигуру рыбы, найденный недалеко от устья речки Караульная в районе Енисея. Среди молодых предшественников коренного татарского народа — скифов — использовалась как предмет языческого культа. Я считаю, что это скорее изделие из камня, нежели ихтиолит [окаменевшая рыба. — *И.Т.*]. Того же самого фрагмента другая сторона»¹⁹. В итоговой монографии по результатам экспедиции “Sibiria Perlustrata” («Описание Сибири», 1728 г.) отмечено, что это «изображение рыбы из горного камня, сломанное, с устья реки Караульной, (впадающей) в Енисей»²⁰. А.А. Формозов особо отметил, что находка типична для неолита Прибайкалья, но редка для бассейна Енисея²¹. Среди материалов Второй Камчатской экспедиции изображения этого памятника нет.

На сводном неподписанном рисунке из «Портфелей Миллера», который, видимо, никогда не публиковался, представлены памятники, открытые в районе Есь-Бельтирских юрт, богатые курганами сарагашенского этапа тагарской культуры (V–III вв. до н.э.). Это

¹⁵ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В.Н. Тагищева): Сб. док-тов / авт. вступ. ст. и археогр. справки В.Б. Бородаев, А.В. Контев. СПб., 2010. Ил. 17 (Куртояк-таш на левом берегу р. Абакан в междуречье р. Ис и р. Аксыса), 18 (Куртояк-таш на р. Абакане и р. Ис), 23 (Куртояк-таш у оз. Потап-коль), 24 (Казан-кыс-таш за р. Черный Июс).

¹⁶ Чертыков В. Изображения каменных изваяний Хакасии в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (Хуртуях тастар, Хозан-хыс тас). См. по адресу: <http://сибирскаясибиря.рф/find/lib/khpic.pdf> (ссылка последний раз проверялась 20.03.2021).

¹⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 517. Ч. 2. Д. 3. Л. 1–51 об.; Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подг. А.Х. Элерт; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. С. 144–171.

¹⁸ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. С. 9–14; Кызласов Л.Р. В Сибирю неведомую за письменами таинственными. Абакан, 1998. С. 48.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

²⁰ Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc. СПб., 2020. Л. 13. № 92. Л. 361; Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1888. Т. I. Вып. 1. Приложения. С. 6. № 92; Спицын А.А. Сибирская коллекция Кунсткамеры // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1906. Т. 8. Вып. 1. С. 245. № 92.

²¹ Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 23.

изваяние куртуяк (старуха-камень), согласно И.И. Шишкову находившееся в «Кузнецком уезде в Сагайской степи между стоящими камнями на реке Абакане вниз на левой стороне и на реке Ис на левой стороне» (Рис. 2, слева), Усть-Есинская Кыс-таш (Хыс тас, «Каменная девица») (Рис. 2, в центре), угловой камень четырехугольной каменной ограды кургана тагарской культуры (Рис. 2, справа)²². Рисунок помещен в дело с письмом И.В. Люрсениуса Г.Ф. Миллеру от 26 марта 1736 г. из Каченги, и, видимо, принадлежит его руке. Первые два изображенных памятника относятся к окуневской культуре эпохи бронзы. Левое изваяние в рисунках Д.Г. Мессершмидта отсутствует и, видимо, с 1739 г., когда его видели Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, пропало из поля зрения науки, центральное — Хыс тас на р. Есь в районе Есь-Бельтирских юрт, открытое и зарисованное Д.Г. Мессершмидтом 18 августа 1722 г., находилось в 2 верстах к северо-западу от современного с. Усть-Есь (ныне хранится в Минусинском музее)²³.

Обстоятельства зарисовки этих памятников известны. 8 сентября 1739 г. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин с художниками в поисках каменных изваяний, описанных Д.Г. Мессершмидтом, добрались до могильников в 6 верстах от р. Тёи (Тиэ, Тюэ) и 2-х верстах от берега р. Абакан в Есинской степи. В этом месте путешественники нашли три каменные плиты, стоявшие на расстоянии 2-х саженей одна за другой с севера на юг, размерами 1–1,5 сажени высотой, 1–1,5 аршина шириной и четверть аршина толщиной, обращенных плоскими сторонами на юг и север. «...Здесь мы увидели внизу на южной плоскости северного из этих трех камней несколько вырезанных фигур, которые, как нам кажется, должны представлять собой некую письменность. А внизу на восточной грани этого камня, на одной высоте со знаками, был высечен профиль человеческого лица, обращенного лбом к земле. Из этого можно заключить, что если камень установлен в несколько перевернутом виде, то и знаки также нужно истолковывать перевернутыми. Татары называют все камни с изображениями, а следовательно, и этот, общим именем Kurtujak, причину чего они объяснить не могут. На рисунке, который я велел сделать с камня, знаки изображены настолько отчетливо, насколько они были видны»²⁴ (Рис. 2, слева).

«Невдалеке к востоку оттуда среди других различных погребальных курганов были три, выделяющиеся своей величиной. Как и большинство таких курганов в этих местах, они обнесены в виде четырехугольника точно такими же большими камнями. Здесь на одном таком камне, имеющем высоту в 2,5 аршина и ширину в 1,5 аршина, с западной стороны самого восточного и самого большого кургана, на его южной плоскости также были видны высеченные разные фигуры и среди прочих человек на коне, а также различные кресты, имеющие, судя по всему, один возраст со временем установления этого камня. Поэтому я также велел зарисовать этот камень»²⁵. В другом тексте Г.Ф. Миллер уточняет, что «вырезаны были фигуры, между которыми наиболее заметны были всадник на коне и пять двойных крестов»²⁶. На рисунке из РГАДА²⁷ (Рис. 2, справа) запечатлен этот угловой камень с изображениями «тагарских человечков» — «людей, зверей, кругов с поперечными чертами и крестов». Он аналогичен камням, описанным Ф.И. Страленбергом,

²² РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 794. Л. 21.

²³ *Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы Окуневской культуры. Абакан, 2006. С. 79, 112. № 16; *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков российской археологии. СПб., 2017. С. 94. Табл. XIII, 2.

²⁴ *Миллер Г.Ф.* Сибирь XVIII века... С. 153.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 95.

²⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 21.

издавшим гравюры с рисунков К.Г. фон Шульмана с изображением плана подобных конструкций и угловых камней в оградах курганов²⁸. И.Г. Гмелин описал увиденные плиты как «длинные камни, несколько более сажени вышиной, на которых нацарапаны письмена, кресты, круги, лошади и разное другое, но все это сделано так грубо и безобразно, а иное и так неясно, что трудно сказать, что именно изображено»²⁹.

Далее Г.Ф. Миллер записал: «Другой могильный камень мы заметили у маленькой и низкой могилы совсем рядом с указанным большим курганом, к западу от него. Он был примерно в аршин высотой и в аршин шириной и стоял с южной стороны могилы. На нем, а именно на его северной плоскости, обращенной к могиле, увидели высеченное человеческое лицо с длинными волосами. Это также зарисовано. Татары называют этот последний камень *Kitzik-Kurtujak*»³⁰. Это сланцевая плита «менее локтя вышиной» с закругленными краями и высеченным изображением лица в фас с распущенными волосами. В путешествии И.Г. Гмелина памятник назван «Кичикуртуяк» (*Kitschikurtujak*)³¹ — «маленький куртуяк», в отличие от «улук куртуяк», или так называемой большой каменной статуи (кругом отесанной и несколько заостренной внизу, в человеческий рост, с большим широким лицом и высокою, остроконечную шапку, без всякого обозначения членов тела), которую мы встретили на 6 верст дальше (к востоку) и в 1 версте от берега Абакана. Полагаю, что эта та же самая статуя, о которой говорит г. Мессершмидт. Но угадать, почему он ее принял за монгольскую, не так то легко <...>. По осмотре всего и снятии рисунков, мы могли вернуться в нашу прежнюю стоянку на р. Ашкыс...»³².

Изваяние Куртуяк-Таш, или Улуг Хуртуях тас, с хакасского языка — «Большая каменная старуха», изображен на следующем неподписанном автором сводном рисунке (Рис. 3, справа), видимо, также И.В. Льюрсениуса. Здесь показаны три каменные изваяния с аннотациями рукой Г.Ф. Миллера слева направо: «Chosen Kyss.» (Козен-Кыш, Козен-Кеш, Казан-Кыс-Таш), «am Vache Toium» (на речке Тойюм), «Kurtujak am Abacan fl[umine]» (Куртуяк на реке Абакан). Куртуяк-Таш (Улуг Хуртуях тас, Улуг-Куртуяк-Таш, «большая Старуха-камень») (Рис. 3, справа), памятник Окуневской культуры конца III — начала II тыс. до н.э., был открыт и зарисован Д.Г. Мессершмидтом 18 августа 1722 г. в Есь-Тея-Абаканских степях³³. 8 сентября 1739 г. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин осмотрели наискось вкопанную в землю статую *Uluk-Kurtujak* и велели ее зарисовать³⁴.

²⁸ *Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae...* Tab. II (вставка в верхнем левом углу); Tab. XI, A–D (угловые камни оград курганов); *Радлов В.В. Сибирские древности.* СПб., 1891. Т. I. Вып. 2. Приложения. С. 26. Табл. II; С. 34, 39. Табл. XI, A–D; *Тункина И.В., Савинов Д.Г. «Тесинский богатырь»: возвращение к оригиналу // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology.* 2018. № 6. С. 31–40. Рис. 1–2, 5–7.

²⁹ *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien...* S. 286; *Радлов В.В. Сибирские древности.* Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 95, прим. 3.

³⁰ *Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века...* С. 154.

³¹ *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien...* S. 286.

³² *Радлов В.В. Сибирские древности.* Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 94–95.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 205 об.; Д. 22. Л. 351. Оpubл.: *Тункина И.В. Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI вв. // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И.В. Тункина.* СПб., 2013. С. 238–250. Рис. 6; *Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт...* С. 110–112. Табл. I; *Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc.* Л. 351.

³⁴ *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien...* S. 284; *Радлов В.В. Сибирские древности.* Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 17, 95.

Изваяние «представляет собой объемную круглую статую в человеческий рост в образе, который показывает сделанный с нее рисунок... Внизу на земле возле этой Kurtujak лежало много речных галек разного цвета, принесенных сюда также татарами для почитания»³⁵. Изваяние служило «маяком» в тагарском кургане в одном километре к северо-западу от реки Абакан³⁶.

Слева и в центре того же рисунка представлено два раннесредневековых изваяния тюрского типа. Изваяние Хозан-хыс (Казан-Кыс-Таш, или Козен-Кыш, Козен-Кеш, «девица-камень» с сосудом) изображено не слева, как подписал на рисунке Г.Ф. Миллер, а в центре (Рис. 3, центр). Это древнетюркское каменное изваяние изображает стоящего мужчину с усами и бородой. Оно было открыто Ф.И. Таббертом 18 декабря 1721 г. у могильников Козен-кеш близ слияния рек Черного и Белого Июсов в районе озера Кара-Куль (по И.И. Шишкову — за рекой Черный Июс «против юрт Емондыковых вниз на правой стороне»), и через полгода 20 июля 1722 г. осмотрено и зарисовано Д.Г. Мессершмидтом³⁷. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин осмотрели «татарскую статую», находившуюся в долине между гор в 4-х верстах к юго-востоку от татарских жилищ рода Атшик (Atschik)³⁸ на дороге к р. Ак-Июс (Белый Июс), 31 августа 1739 г. «Она высечена четырехугольной из песчаника, вверху красноватого, внизу белого, и представляет на одной стороне, обращенной к югу, барельеф человеческой фигуры с головы до пояса, но высеченный очень скверно, с плохими пропорциями частей тела, без ног, вместо которых камень лишь отесан четырехугольником. Вся высота составляет 1^{3/4} аршина, ширина и толщина — квадрат со сторонами по 6 вершков. Голова так непропорционально велика по отношению к остальному телу, что составляет четверть всей высоты, и почти также толста, как тело с плечами. Однако она не монолитна с телом, а только лишь подвижно установлена на плечах так, что ее можно снять. Глаза, нос, рот и щеки изображены на плоскости очень слабо рельефными. На верхней губе по обеим сторонам напротив щек видны некоторые выпуклости, похожие на усы. Ушей нет. Голову покрывает высокая плоская шапка, которая поднимается вверх от темени и заканчивается острием напротив затылка. Руки плотно прижаты к телу. Правая рука держит перед грудью горшочек в форме погребальной урны, левая держит перед тазом саблю или секиру, клинок или рукоятка которой свисает вниз с этой левой стороны. Вокруг тела виден пояс с четырехугольными сочлененными пластинами по образцу поясов брацкой работы, обычно украшенных выложенными сочлененными пластинами, что особенно заметно на левой стороне статуи. Справа на поясе висит небольшой круглый мешочек, высеченный рельефно, как и все остальное. Татары называют эту статую Chosén-Kyss, что означает заяц-девушка, или девица.... Позднее я узнал от качинских татар на р. Белый Июс, что они слышали от старых людей, будто имя Chosen основано на том, что губы и нос у изображения разрезаны в виде заячьей губы. Этого, однако, никто из нас, когда мы были у статуи, не заметил, и если это и было прежде, то, должно быть, из-за длительности времени сладилось»³⁹.

Г.Ф. Миллер писал, что татары называли изваяние «*хозен-кыз*, т.е. заячьей девой, из которой Мессершмидт хотел сделать Диану». И.Г. Гмелин назвал ее Chosain Kiss, «это

³⁵ Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века... С. 154.

³⁶ Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. С. 87. № 106.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 349. Опул.: Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт... С. 92–93. Табл. XIII, 3; Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc. Л. 349.

³⁸ Топонимы в тексте Г.Ф. Миллера приведены в латинской транскрипции.

³⁹ Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века... С. 146–147.

собственно только обломок, вышиною $\frac{3}{4}$ человеческого роста, с длинным плоским лицом, плоским носом, усами и с чем-то вроде шапки на голове. Лоб сильно вдавлен. Голова не связана с остальным телом, а может быть снимаема по усмотрению. На теле пояс брацкой работы, на котором с левой стороны висит сабля, а с другой кошелек, вероятно табачный кисет. Видны также две руки, из которых левая обращена к эфесу сабли, а правая держит нечто в роде горшечка. Изваяна статуя очень плохо и так грубо, что в настоящее время вряд ли нашелся бы ваятель, который не устыдился бы такой работы. Мы велели срисовать это изображение, чтобы иметь памятник древнего татарского ваяния»⁴⁰.

Согласно рисункам Д.Г. Мессершмидта и И.И. Шишкова, по одному мешочку были подвешены на пояс слева и справа. Эти кошельки или кисеты не показаны на публикуемом рисунке из РГАДА, хотя здесь изображен именно наборный пояс, а мешочки не показаны. Уже в следующем веке И.Р. Аспелин застал изваяние разбитым на 5 кусков, причем голова была утрачена⁴¹. Таким образом, рисунки Д.Г. Мессершмидта, И.И. Шишкова и академического отряда Второй Камчатской экспедиции являются единственными свидетельствами об утраченном ныне памятнике.

Другим утраченным памятником является Туимское изваяние (от современной р. Туим, у Г.Ф. Миллера — р. Тойюм), графическая фиксация которого была до сих пор неизвестна⁴². 1 сентября 1739 г. экспедиция прибыла к речке Тойюм (Toium), или Туим, впадающей через озеро Бюлю (Bülü) в Белый Июс. Рядом с переправой в ровной степи когда-то стояло Туимское (Тоюмское) изваяние (Рис. 3, слева), которое за три года до посещения его местонахождения академическим отрядом Второй Камчатской экспедиции, по распоряжению воеводы было перевезено в Красноярск головой красноярских казаков Петром Терским. Когда Г.Ф. Миллер находился в Красноярске, он описал памятник и поручил сделать с него рисунок: изваяние «изображает мужскую фигуру, которая как Хозен-кыс, в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю. Голова, при перевозке статуи из степи в Красноярск, отбита вследствие падения, что и показано на рисунке»⁴³. Таким образом, публикуемый рисунок впервые вводит в научный оборот изображение Туимского изваяния.

Про известную Уйбатскую стелу с рунической надписью, открытую Д.Г. Мессершмидтом в Уйбатской степи в июле 1721 г.⁴⁴, Г.Ф. Миллер записал 22–24 сентября 1739 г.: «Во время нашего пребывания в Абаканске [Абаканском остроге. — И.Т.] я услышал от одного тамошнего жителя, который раньше сопровождал в качестве казака Д. Мессершмидта в его здешних путешествиях, убедительное сообщение о том древнем памятнике, о котором я... напрасно осведомлялся у сагайских татар. Ибо этот казак присутствовал, когда Мессершмидт велел зарисовать этот камень, и припомнил место, что оно было на северном берегу р. Uibath, в нескольких верстах выше места, где в нее впадает рч. Ве»⁴⁵. Речь идет о памятнике с руническими надписями на четырех сторонах и окуневской личиной, найденном на левом берегу р. Уйбат выше устья р. Беи, по

⁴⁰ *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien... S. 275–276; Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 92.*

⁴¹ *Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // Советская археология. 1950. Т. 12. С. 148–150. Рис. 18.*

⁴² Там же. С. 150.

⁴³ *Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 93. Ср.: Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века... С. 148 (запись от 2 сентября 1739 г.).*

⁴⁴ *Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт... С. 105–106. Табл. XVI.*

⁴⁵ *Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века... С. 161.*

современной классификации известной как Уйбат III (е–32)⁴⁶. Ф.И. Страленберг опубликовал гравюру⁴⁷, выполненную с оригинала К.Г. фон Шульмана⁴⁸, т.к. рисунок был приложен к X-му рапорту Д.Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию, который Табберт, доставлявший документы доктора в Санкт-Петербург, скопировал для себя.

27 сентября 1739 г. Г.Ф. Миллер добрался до Уйбатской стелы, осмотрел и велел зарисовать памятнику художнику И.К. Деккеру, о чем имеется прямое указание в книге И.Г. Гмелина⁴⁹. «Место, где он находится, на северной стороне р. Uibath, недалеко от берега, на небольшом природном холме, примерно в 5 верстах выше устья рч. Ве. Я, однако, уже не застал его в прежнем состоянии—он был свален. Так как надеялись на сокровища у него, то поэтому несколько лет назад здесь копали, хотя ничего не нашли. Камень внешне похож на другие надгробные камни и памятники, только несколько мягче и имеет вид едва ли не песчаника. Судя по сохранившимся признакам, прежде он мог стоять, возвышаясь над землей на 1 сажень, а в земле он находился на глубине примерно в 1 аршин и в этих пределах не окислился. Ширина сверху в ½ аршина, а внизу почти в аршин, толщина в 3 вершка. Впрочем, фигуру вместе с высеченными на камне письменными знаками можно увидеть на рисунке, с которым довольно точно согласуется Мессершмидтовский рисунок. Тут лишь упущены некоторые письменные знаки, которые все же довольно отчетливо видны на камне, а другие черты, большей частью стертые, переданы мной с тщательностью»⁵⁰. По указанию Г.Ф. Миллера сопровождавший его художник И.К. Деккер зарисовал Уйбатскую стелу.

В РГАДА сохранился сборный «Рисунок сибирских идолов», выполненный тушью и пером⁵¹ (Рис. 5), возможно, работы И.В. Люрсениуса. На нем запечатлена Уйбатская стела (Рис. 4, слева)—две грани лицевой стороны, причем здесь, в отличие от рисунка К.Г. фон Шульмана, показана не только руническая надпись, копия текста которой была проверена Г.Ф. Миллером, но и окуневская личина, опущенная в рисунке спутника Д.Г. Мессершмидта. Здесь же изображено изваяние с окуневской личиной («нагрудника») в человеческий рост, на спине которого была нанесена руническая надпись (Рис. 4, в центре и слева). Памятник когда-то стоял у соленого озера Ачик-куль (Ачик-Коль, Варча) на запад от Енисея, а в 1736 или 1737 гг. по распоряжению местного воеводы его перевезли в Красноярск вместе со статуей, ранее находившейся при ручье Тойюме (Рис. 3, слева), где Г.Ф. Миллер приказал их зарисовать⁵². Рисунок Уйбатской стелы и изваяния у оз. Ачик-куль впервые опубликовал В.В. Радлов в цинкографическом снимке⁵³. Публикация по архивному оригиналу осуществлена в каталоге выставки РГАДА к 300-летию

⁴⁶ Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. С. 25–26.

⁴⁷ *Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae... Tab. VA.*

⁴⁸ Рисунки К.Г. фон Шульмана см.: СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–5. Опубл.: *Тункина И.В.* Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX—начала XXI вв. С. 238–250. Рис. 9–10; *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт... Таб. XVI, 1.

⁴⁹ *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743. Gottingen, 1752. Th. 3. S. 322; Гмелин И.Г.* Путешествие через Сибирь с 1733 по 1743 годы (отрывки) // Ада чир-суу—Отечество: Краеведческий альманах. Абакан, 2013. Вып. 2. С. 175.

⁵⁰ *Миллер Г.Ф.* Сибирь XVIII века... С. 164. Ср.: *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 96–100. Рис. на с. 99 а.

⁵¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 23.

⁵² *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 100; *Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.* Изваяния и стелы Окуневской культуры. С. 97, 196 № 223.

⁵³ *Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. Рис. на с. 99б, 61.

со дня рождения Г.Ф. Миллера, но составителем Е.Е. Рычаловским приведена неверная датировка рисунка — по его мнению, он был выполнен в марте 1736 г.⁵⁴

М.П. Грязнов и Е.Р. Шнейдер в 1929 г. писали об изваянии с трехстрочной рунической надписью, оказавшемся в Красноярске: «Прочтена ли надпись этого камня и что она значит — нам не удалось выяснить»⁵⁵. Тем более ценен ее рисунок и копия надписи, проверенная Г.Ф. Миллером. Этот памятник на два века пропал из поля зрения науки. В 1971 г. при земляных работах на стрелке р. Качи в Красноярске, на месте Старобазарной площади Красноярского острога конца XVII–XVIII в. была случайно найдена верхняя часть (голова) каменной стелы с антропоморфной личиной на одной стороне и рунической надписью на оборотной⁵⁶. Поразительно, что голова изваяния, переданная в Красноярский краевой краеведческий музей, уже в 1977 г. не была в нем обнаружена⁵⁷.

В безуспешных поисках описанного Д.Г. Мессершмидтом, зарисованного К.Г. фон Шульманом и опубликованного Ф.И. фон Страленбергом каменного изваяния с рунической надписью «Тесинский богатырь» 25 сентября 1739 г. Г.Ф. Миллер выехал из Абаканского острога, в трех верстах ниже Караульной горы переправился через Енисей для осмотра могильников, расположенных в междуречье Теси и Ербы в 4-х верстах от Енисея, у подножия горы, за которой течет Ерба. Эта местность с неоднократно перекопанными бугровщиками курганами названа им Кёпён-Карагас (Körön-Karagass). «Это большое количество могил, которые все расположены беспорядочно друг от друга и не имеют ни малейшего подобия со Страленберговым описанием. Помимо них в некотором удалении в степи еще разбросаны отдельные могилы. Однако все они раскопаны и так перерыты, что из-за вынутых и разбросанных вокруг камней, которыми могилы были покрыты и выложены внутри, почти невозможно свободно ступить, так как это знаменитейший могильник, который, говорят, раньше давал богатую добычу. Точно так и многие из бывших установленными вокруг захоронений больших могильных камней опрокинуты или, по меньшей мере, сдвинуты со своих старых мест... Мне показали много оленей и лисиц, вырезанных на одном могильном камне...»⁵⁸. Об этом камне упоминает и И.Г. Гмелин: 30 сентября 1739 г. путешественники выехали верхом из Абаканского острога, проскакали мимо Кёпён-Карагая (Körön-Karagai) к могильнику, где работал и жил в землянке бугровщик Селенга, перерывший большинство погребений, и где за 20 лет до того (т.е. в 1719 г.) были найдены «большие сокровища. Мы видели на одних из воздвигнутых вокруг некоторых могил больших камней нацарапанных оленей и лисиц»⁵⁹. Рисунок с изображением камня с шествием оленей и лисиц, неподписанный автором, сохранился в академическом архиве (Рис. 5)⁶⁰ и имеет № 132 по сдаточной описи бумаг Второй Камчатской экспедиции 1748 г. под названием «Рисунок надгробных камней с фигурами»⁶¹. Стела с изображением лисиц и оленей стояла на

⁵⁴ От Рейна до Камчатки: Каталог выставки... С. 31, 140. Кат. 86. Тушь, перо. 23x29,5 см.

⁵⁵ Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 63–93.

⁵⁶ Кызласов И.Л., Нащекин Н.В. Изваяние с енисейской надписью с озера Ачик-куль (Хакасия) // Советская археология. 1981. № 3. С. 262–268.

⁵⁷ Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. С. 45. Памятник Красноярского музея II (Е 121).

⁵⁸ Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века... С. 162.

⁵⁹ Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743. S. 326; Гмелин И.Г. Путешествие через Сибирь с 1733 по 1743 годы. С. 176.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/49. Л. 1. Оpubл.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 1937. Т. 1. С. 171. Рис. 16; Миллер Г.Ф. История Сибири. 1999. Т. 1. С. 168. Рис. 5.

⁶¹ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 125.

Копенском чаатасе, была повторно открыта в 1960-х гг. и передана в Хакасский краеведческий музей, но ее прорисовка в деталях отличается от рисунка анонимного академического художника⁶².

18 мая 1721 г. Ф.И. Табберт записал в дневнике экспедиции Д.Г. Мессершмидта об информации, полученной от воеводы в Томске, что в Красноярске лежит большой камень, на котором высечен баран, привезенный с Усть-Тубы (в половине дня пути от Абаканского острога), которому поклонялись местные язычники. Камень много лет тому назад был привезен сюда неким Салматовым (у В.В. Радлова — Салмаров, в немецком издании дневников — Салматов). Находясь в Красноярске, 28 февраля 1722 г. Д.Г. Мессершмидт описал, а Г.К. фон Шульман зарисовал фигуры животных, о которых он узнал еще в мае 1721 г. в Томске. В этот день доктор попросил жену коменданта Красноярска Д.Б. Зубова распорядиться прислать с рыночной площади на его квартиру для зарисовки каменные изваяния животных (овцы, медведя, снежного барса), которые несколько лет тому назад были доставлены с реки Тубы. 14 января 1723 г. доктор зафиксировал в дневнике известие, полученное от денщика Петера Кратца, что три каменные фигуры животных с Тубы, которые при отъезде из Красноярска Д.Г. Мессершмидт просил воеводу Д.К. Жатневу перенести в арсенал, валяются на улице, причем одна или две фигуры уже разбиты на куски⁶³. К счастью, в академическом архиве сохранился рисунок К.Г. фон Шульмана с изображением этих памятников и аннотацией Д.Г. Мессершмидта на латинском языке: «Изображения животных из скального камня, в степи у реки Туба, несколько лет тому назад найденные и перевезенные в Красноярск, которые единодушно к коренному народу древнейших времен скифов по общему мнению имеют обыкновенные отношения» (Рис. 6)⁶⁴. Ф.И. Страленберг, опубликовавший гравюру с рисунка К.Г. фон Шульмана, также писал, что изваяние барана находилось в Красноярске на берегу Енисея⁶⁵. Культурно-хронологическая атрибуция изваяний вызывает споры среди исследователей: каменные изваяния барана относят к таштыкской эпохе, изваяния кошачьих хищников — к остаткам оформления древнетюркских мемориалов⁶⁶.

Судьбу этих фигур животных и место их находки попытался проследить Г.Ф. Миллер. К тому времени изваяния были перевезены в Тобольск по просьбе Мессершмидта, который «оставил их здесь до получения Высочайшего указа о доставке их в Петербург», в Кунсткамеру. Это фигура барана, изданная Ф.И. Страленбергом, и меньший камень, который «несколько напоминает фигуру медведя», которые Г.Ф. Миллер поручил зарисовать И.В. Люрсениусу⁶⁷. В бумагах Г.Ф. Миллера сохранился рисунок с изображением «двух каменных идолов» «из красноярских пустынь» — барана и кошачьего хищника в Тобольске (Рис. 7)⁶⁸.

⁶² Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. С. 101, 218. № 279.

⁶³ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 1. Приложения. С. 11, 15, 18; *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen*. Berlin, 1962. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N.A. Figurovskij. S. 99 (18 мая 1721), 189–190 (12 февраля 1722); Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723–Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin, 1964. S. 7–8 (14 января 1723).

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 93. Оп. 1. Д. 37. Л. 7. Опул.: *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien... Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723–Mai 1724. Taf. 1. Abb. 10.*

⁶⁵ *Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae... S. 419 Tab. XXIV.*

⁶⁶ Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт... С. 92, 95, 115.

⁶⁷ Радлов В.В. Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. С. 56–57.

⁶⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/48. Л. 1. Размер 23×29 см.

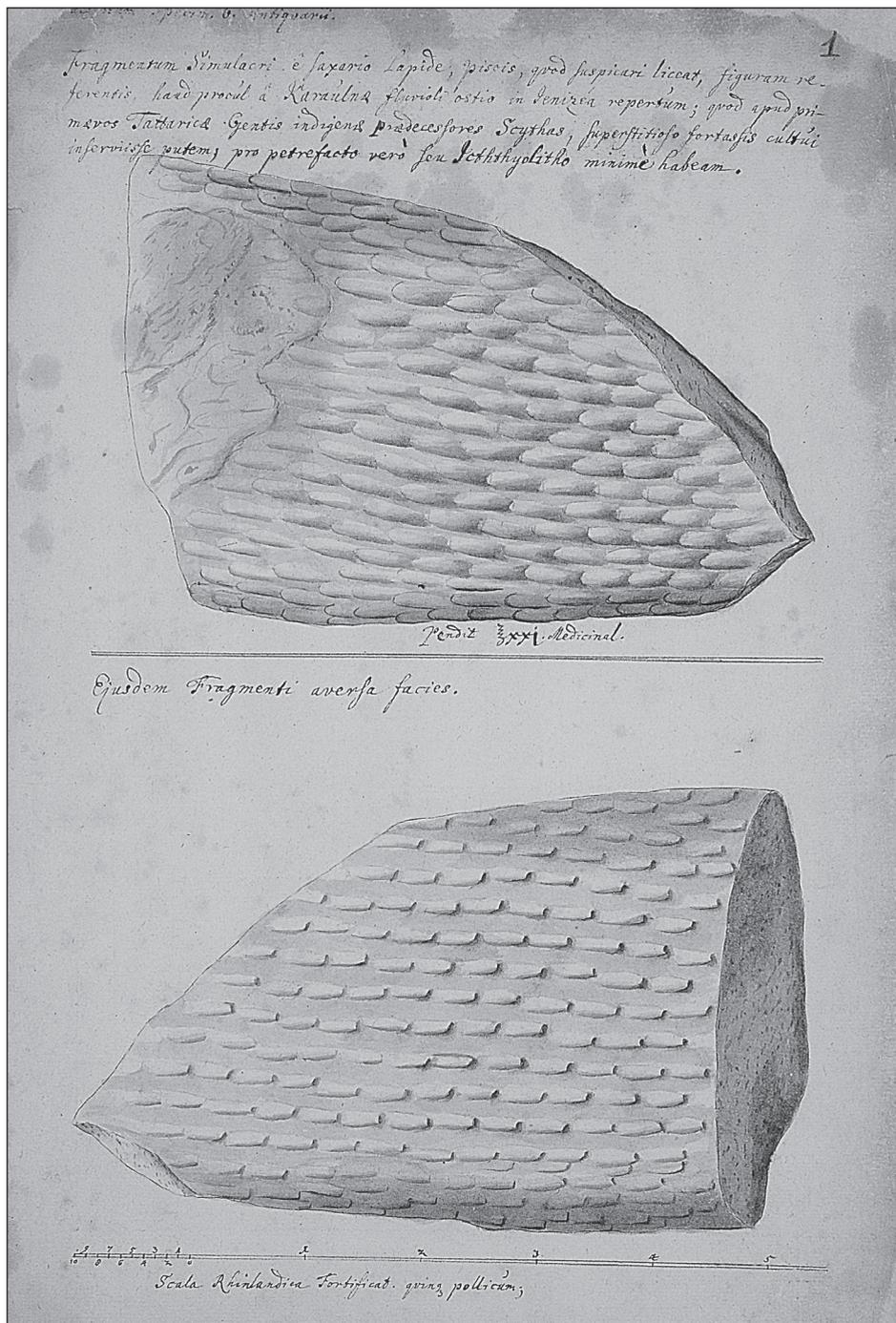

Рис. 1 «Фрагмент статуи из скального камня, ...найденный недалеко от устья речки Караульная в районе Енисея...» (каменной рыбы — приманки времени серовского этапа байкальской неолитической культуры). Рис. Г.К. фон Шульмана. 19–20 февраля 1722 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 1

Рис. 2 Каменные изваяния окуневской культуры (в центре— Усть-Есинская Кыс-таш) и угловой камень ограды тагарского кургана с изображениями, осмотренные академическим отрядом Второй Камчатской экспедиции в районе Есь-Бельтирских юрт. Рис. И.В. Люрсениуса (?). 8 сентября 1739 г. © РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 21

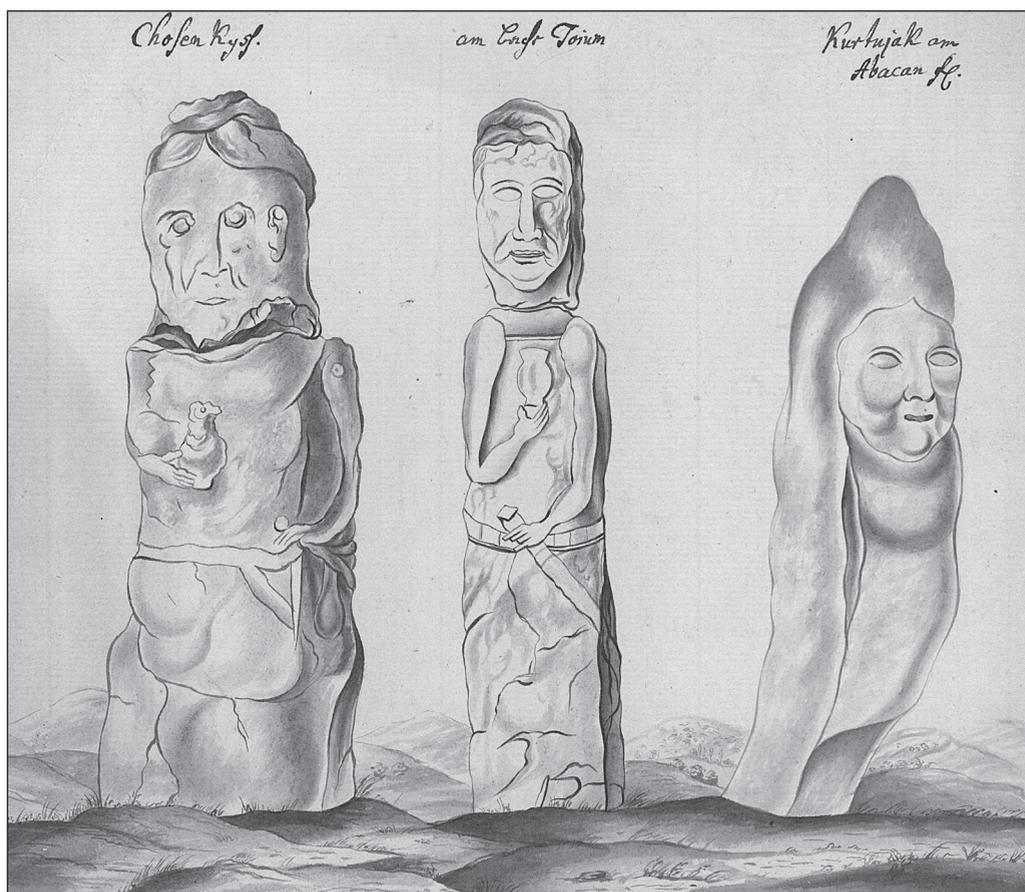

Рис. 3 Каменные изваяния тюркского типа в Минусинских степях (слева направо):

Туимское (на речке Тойюм), привезенное в Красноярск, Козен-кыш;
изваяние окуневской культуры Улуг-Куртуяк-Таш. Рис. И.В. Люрсениуса (?).

31 августа—8 сентября 1739 г.

© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 20

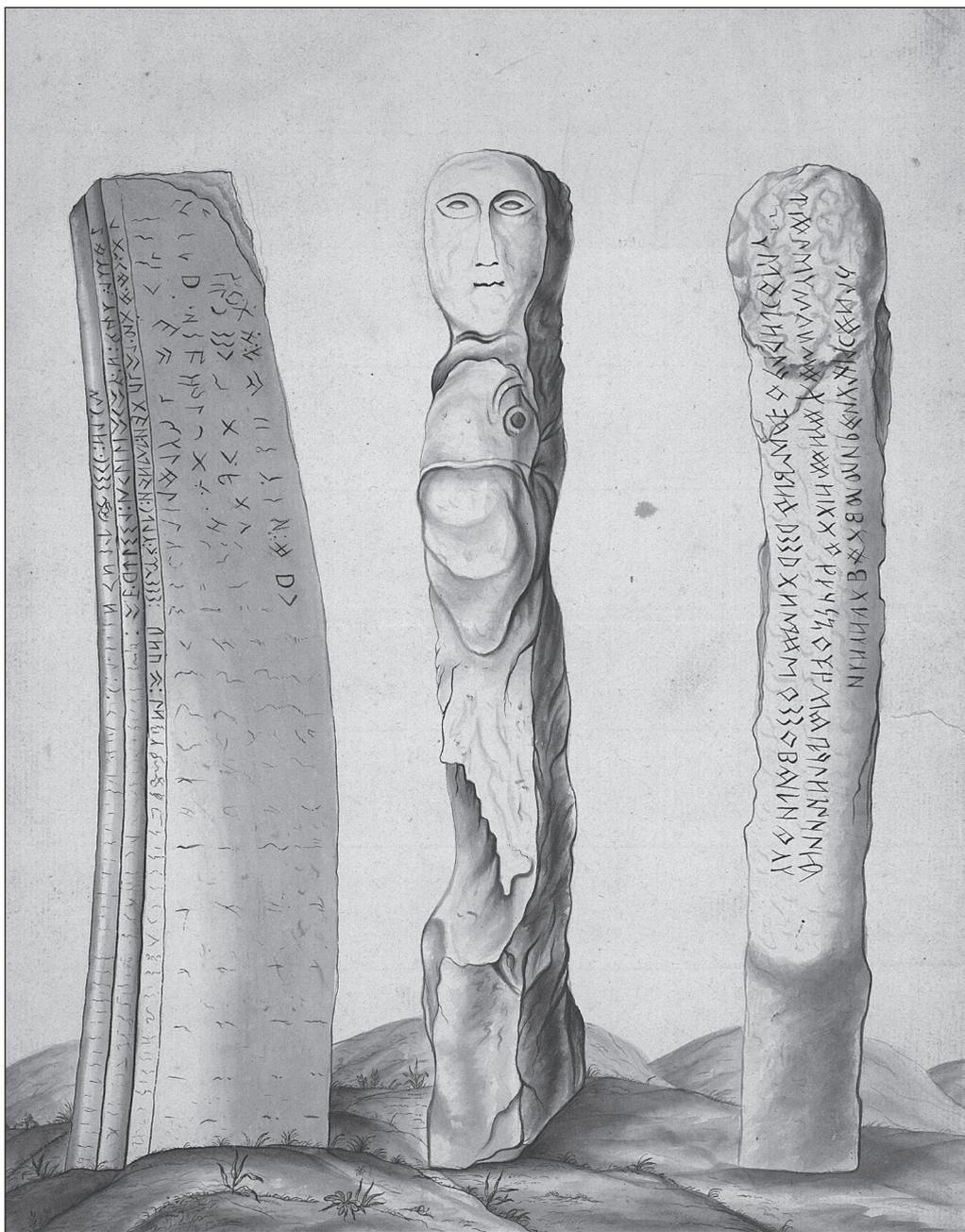

Рис. 4 «Рисунок сибирских идолов». Памятники с руническими надписями:
 Уйбатская стела и каменное изваяние с рунической надписью,
 привезенное в Красноярск с озера Ачик-куль. Рис. И.В. Люрсениуса (?).
 31 августа, 1 сентября, 8 сентября 1739 г. © РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 23

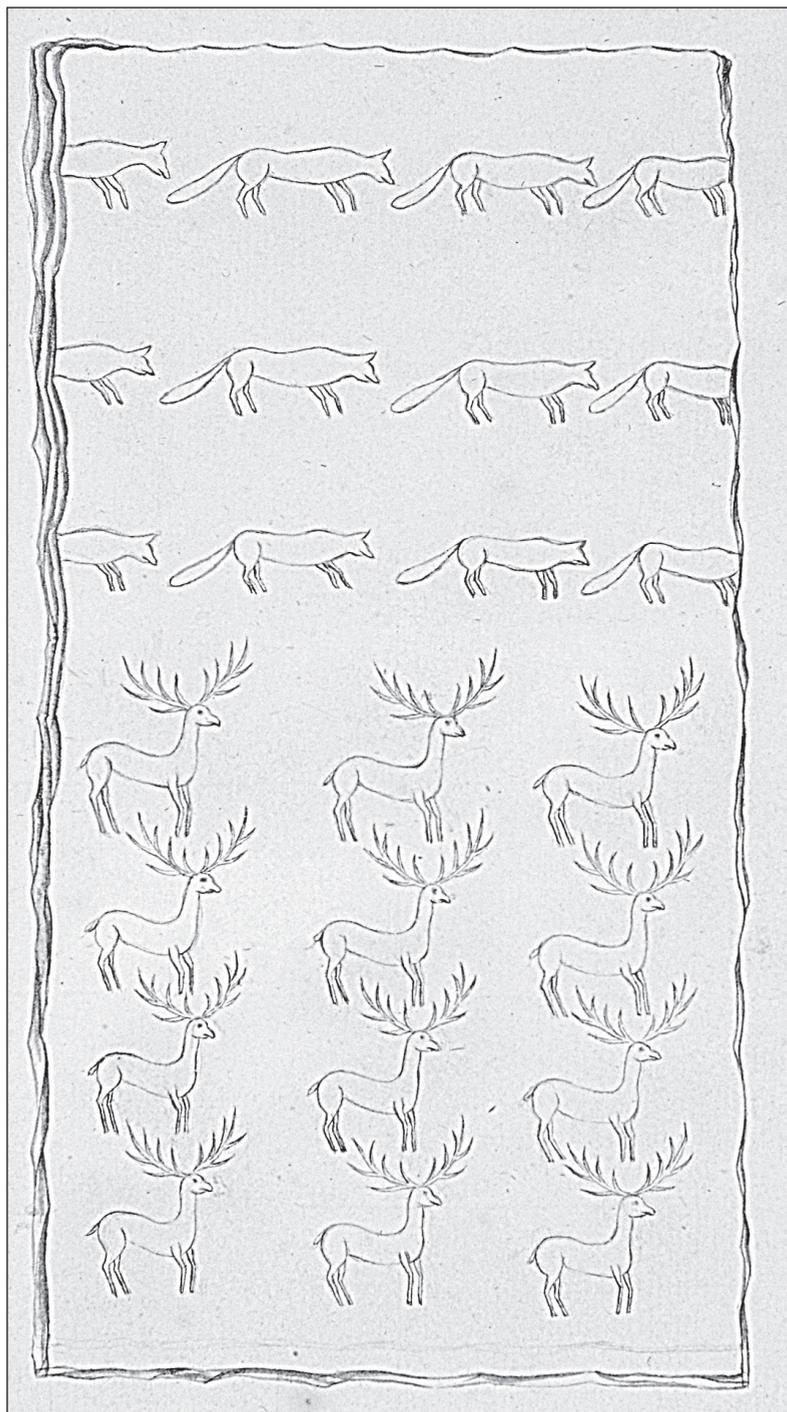

Рис. 5 «Рисунок надгробных камней с фигурами»: камень с ограды кургана с шествием лисиц и оленей. Копёнский чаатас на левом берегу Енисея. 30 сентября 1739 г. © СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/49. Л. 1

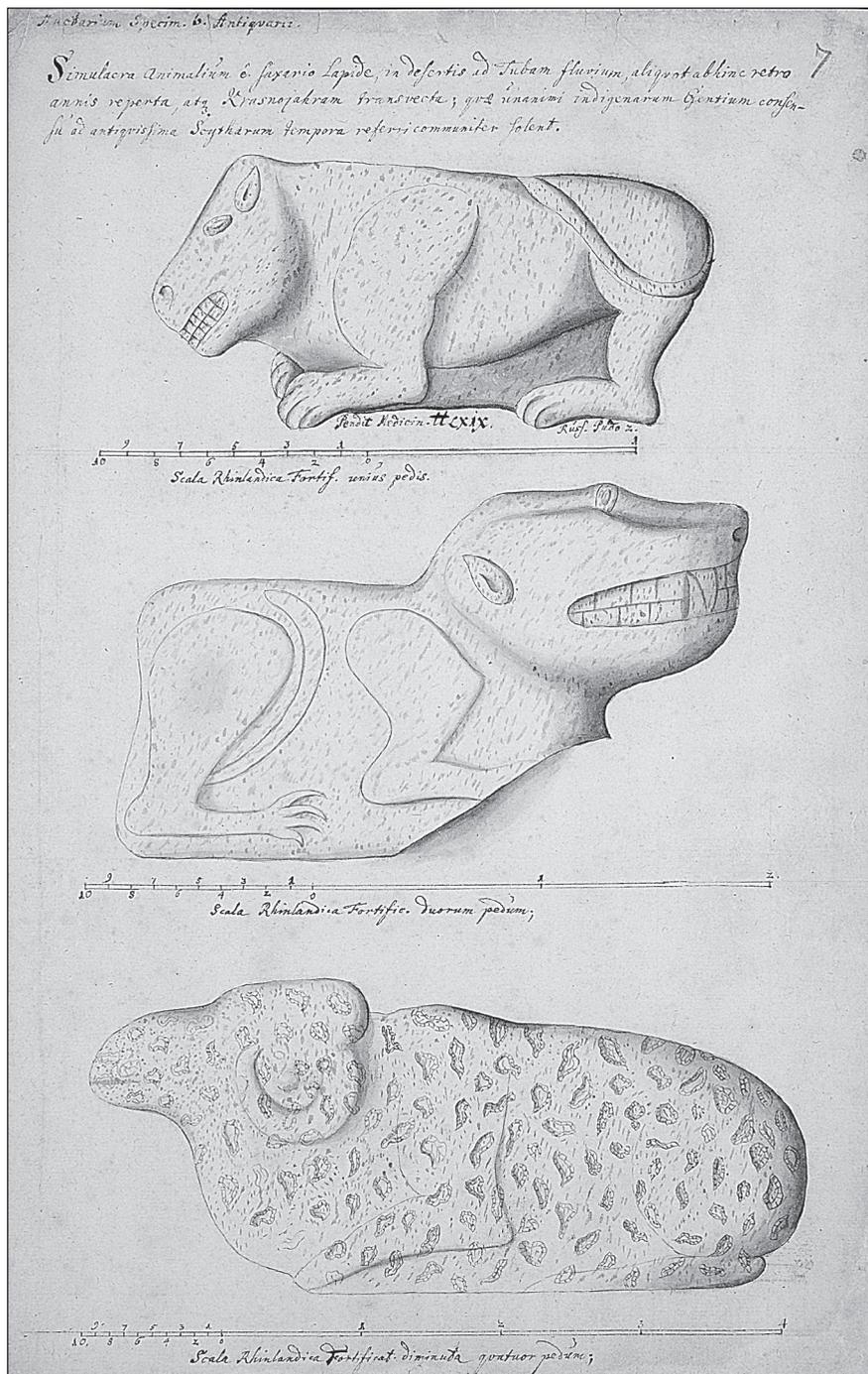

Рис. 6 «Изображения животных из скального камня, в степи у реки Туба, несколько лет тому назад найденные и перевезенные в Красноярск».

Рисунок К.Г. фон Шульмана. 28 февраля 1722 г.

© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 7

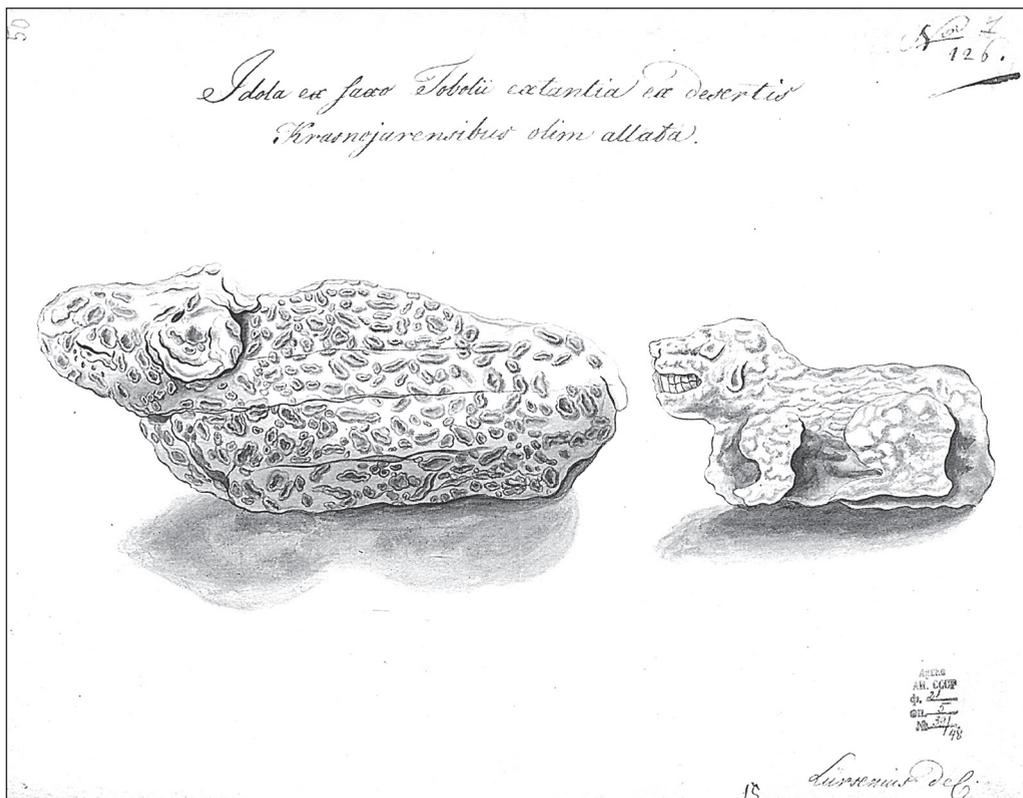

Рис. 7 Рисунки «двух каменных идолов»
«из красноярских пустынь» — барана и кошачьего хищника. Тобольск.
[1740–1741 или 1741–1742 гг.] Рисунок И.В. Люрсениуса.

© СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/49. Л. 1

13–16 сентября 1739 г. академический отряд Второй Камчатской экспедиции остановился на Лугазинских заводах. Г.Ф. Миллер, записавший перечень топонимов по берегам Енисея между Лугазой и Абаканским острогом, отметил и гору Кызыл-Чабога как место находки каменного изваяния барана. «Kuzyl-Tschaboga, скалистая гора на восточном берегу Енисея, напротив устья р. Абакана. На ней прежде стояло каменное изваяние в образе барана, которое Д. Мессершмидт в его бытность в этих местах велел забрать отсюда и послал в Тобольск, где оно и сейчас еще находится»⁶⁹. 17 сентября историк записал перечень речек, впадающих в р. Тубу: «Рч. Шушь, с севера, в 40 верстах от предыдущей [рч. Kurumbasched. — И.Т.]... На западном берегу этой речки, в 5 верстах от устья, прежде стояли 2 высеченных из камня изваяния в виде маленьких львов, которые, однако, Д. Мессершмидт в свою бытность здесь забрал и, подобно вышеуказанному каменному изваянию с горы Kuzyl-Tschaboga, отослал в Тобольск, где они и сейчас находятся, вместе с еще одним подобным каменным изваянием, имеющим вид овцы»⁷⁰. По этим экспедиционным записям устанавливаются первоначальные места «языческих капищ», где стояли изваяния.

⁶⁹ Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века... С. 157.

⁷⁰ Там же. С. 158.

Публикация архивных изобразительных первоисточников Второй Камчатской экспедиции о памятниках археологии Сибири будет продолжена в последующих частях этого исследования.

Список литературы

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2005. 270 с.

Бородаев В.Б., Контев А.В. (авт. вступ. ст. и археогр. справки) Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В.Н. Татищева): Сб. док-тов. СПб.: Европейский Дом, 2010. 260 с.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 127 с.

Гмелин И.Г. Путешествие через Сибирь с 1733 по 1743 годы (отрывки) // *Ада чир-суу* — Отечество: Краеведческий альманах. Абакан: [Б. и.], 2013. Вып. 2. С. 161–182.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // *Советская археология*. 1950. Т. 12. С. 128–156.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. 364 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 9).

Кызласов Л.Р. В Сибирю неведомую за письменами таинственными. Абакан: отдел издат. деятельности ХРИПКиПРО «РОСА», 1998. 72 с.

Кызласов И.Л., Нацкеин Н.В. Изваяние с енисейской надписью с озера Ачик-куль (Хакасия) // *Советская археология*. 1981. № 3. С. 262–268.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы Окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 236 с.

Лефельдт В., Кнюппель М., Тункина И.В., Элерт А.Х. Письмо Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 119–144 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 19).

Рычаловский Е.Е. (сост. и научн. ред.) От Рейна до Камчатки: Каталог выставки. К 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера. М.: Древлехранилище, 2005. 196 с.

Савинов Д.Г., Тункина И.В. «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 6. С. 29–51.

Тункина И.В. (отв. ред.) К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб.: Реноме, 2021. 352 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 19).

Тункина И.В. К биографии Карла Густава фон Шульмана // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): сб. статей / отв. ред. чл.-корр. РАН И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 57–64.

Тункина И.В. Материалы об экспедиции Д.Г. Мессершмидта в письмах Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // *Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского* / отв. ред. акад. А.П. Дервянко, докт. ист. наук А.Х. Элерт. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2020. С. 305–309 (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 39).

Тункина И.В. О судьбе рукописного наследия Г.Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 3–11.

Тункина И.В. Письма Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему—новый источник об экспедиции Д.Г. Мессершмидта в Сибирь // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 154–156.

Тункина И.В. Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX—начала XXI вв. // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-история, 2013. С. 238–250 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2017. 168 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6).

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Элерт А.Х. (подгот. изд.) Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6).

Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc. Факсимильное издание рукописи. СПб.: Изд. дом «Коло», 2020. 792 с.

Winter E., Figurovskij N.A. (Hrsg. von.) Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Teile I–V. Berlin: Akademie Vlg., 1962. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. 379 s.

References

Borisenko, A.Ju., Hudjakov, Ju.S. *Izuchenie drevnostej Juzhnoj Sibiri nemeckimi uchenymi XVIII–XIX vv.* / Отв. ред. В.И. Молodin [The Study of the Antiquities of Southern Siberia by German Scientists of the 18th—19th Centuries. Ed. by I.V. Molodin]. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet Press, 2005. 270 p. (In Rus.).

Borodaev, V.B., Kontev, A.V. (introduction and comments) *Istoriko-geograficheskie opisanija Verhnego Priob'ja i Priirtysh'ja 1730–1740-h godov (po anketam V.N. Tatishheva): Sb. dok-tov* [Historical and geographical descriptions of the Upper Ob' and Irtysh regions of the 1730th—1740th (according to the questionnaires of V.N. Tatishchev): Collection of documents]. Saint-Petersburg: Evropejskij Dom Press, 2010. 260 p. (In Rus.).

Formozov, A.A. *Stranicy istorii russkoj arheologii* [Pages of the history of Russian archeology]. Moscow: Nauka Press, 1986. 240 p. (In Rus.).

Gmelin, I.G. Puteshestvie cherez Sibir' s 1733 po 1743 gody (otryvki) [Travel through Siberia from 1733 to 1743 (excerpts)], in *Ada chiiir-suui—Otechestvo: Kraevedcheskij al'manah*. Abakan: [without name of publisher], 2013. Is. 2. P. 161–182. (In Rus.).

Grjaznov, M.P. Minusinskie kamennye baby v svjazi s nekotorymi novymi materialami [Minusinsk stone women in connection with some new materials], in *Sovetskaja arheologija*. 1950. Vol. 12. P. 128–156. (In Rus.).

Jelert, A.H. (comp.) *Miller G.F. Sibir' XVIII veka v putevyh opisanijah G.F. Millera / otv. red. N.N. Pokrovskij* [Miller G.F. Siberia of the 18th century in the travel notes of

G.F. Miller / Ed. by N.N. Pokrovsky]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf Press, 1996. 310 p. (Istorija Sibiri. Pervoistochniki. Vol. 6). (In Rus.).

Kiselev, S.V. *Drevnjaja istorija Juzhnoj Sibiri* [Ancient history of southern Siberia]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Press, 1949. 364 p. (Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. 1949. № 9). (In Rus.).

Kyzlasov, L.R. *V Sibiriju nevedomuju za pis'menami tainstvennymi* [To unknown Siberia for mysterious letters]. Abakan: HRIPKiPRO «ROSA» Press, 1998. 72 p. (In Rus.).

Kyzlasov, I.L., Nashhekin, N.V. Izvajanie s enisejskoj nadpis'ju s ozera Achik-kul' (Hakasija) [The statue with the Yenisei inscription from the Achik-kul lake (Khakassia)], in *Sovetskaja arheologija*. 1981. Vol. 3. P. 262–268. (In Rus.).

Lefel'dt, V., Knjuppel', M., Tunkina, I.V., Jelert, A.H. Pis'mo F.I. Stralenerga Je. Benceliusu-mladshemu o narodah i drevnostjah Sibiri [The letter of F.I. Stralenberg to E. Benzelius Jr. on the peoples and antiquities of Siberia], in *K 300-letiju nachala jekspedicii Danijelja Gotliba Messershmida v Sibir' (1719–1727) / otv. red. I.V. Tunkina*. Saint-Petersburg: Renome Press, 2021. P. 119–144 (Ad Fontes. Materialy i issledovanija po istorii nauki. Vol. 19). (In Rus.).

Leont'ev, N.V., Kapel'ko, V.F., Esin, Ju.N. *Izvajaniya i stely Okunevskoi kul'tury* [A statues and steles of the Okunev culture]. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo Press, 2006. 236 p. (In Rus.).

Messerschmidt, D.G. *Sibiria Perlustrata, etc. Faksimilnoe izdanie rukopisi* [Sibiria Perlustrata, etc. Facsimile edition of the manuscript]. Saint-Petersburg: Kolo Press, 2020. 792 p. (In Latin).

Rychalovskij, E.E. (comp. and ed. by) *Ot Rejna do Kamchatki: Katalog vystavki. K 300-letiju so dnja rozhdenija akademika G.F. Millera* [From the Rhine to Kamchatka: Exhibition catalog. To the 300th anniversary of the birth of Academician G.F. Miller]. Moscow: Drevlehranilishhe Press, 2005. 196 p. (In Rus.).

Savinov, D.G., Tunkina, I.V. «Tesinskij bogatyr'»: Vozvrashhenie k originalu [“Tesinsky Hero”: Return to the original], in *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. Vol. 6. P. 29–51. (In Rus.).

Tunkina, I.V. (ed. by) *K 300-letiju nachala jekspedicii Danijelja Gotliba Messershmida v Sibir' (1719–1727)* [To the 300th anniversary of the beginning of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia (1719–1727)]. Saint-Petersburg: Renome Press, 2021. 352 p. (Ad Fontes. Materialy i issledovanija po istorii nauki. Vol. 19). (In Rus.).

Tunkina, I.V. K biografii Karla Gustava fon Shul'mana [To the biography of Carl Gustav von Schulmann], in *K 300-letiju nachala jekspedicii Danijelja Gotliba Messershmida v Sibir' (1719–1727): sb. statej / otv. red. chl.-korr. RAN I.V. Tunkina*. Saint-Petersburg: Renome Press, 2021. P. 57–64. (In Rus.).

Tunkina, I.V. Materialy ob jekspedicii D.G. Messershmida v pis'mah F.I. Stralenerga Je. Benceliusu-mladshemu [Materials about the expedition of D.G. Messerschmidt in the letters of F.I. Stralenberg to E. Benzelius Jr.], in *Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii, istochnikovedenija i arheografii: K 90-letiju N.N. Pokrovskogo / otv. red. akad. A.P. Derevjanko, dokt. ist. nauk A.H. Jelert*. Novosibirsk: II SO RAN Press, 2020. P. 305–309 (Arheografija i istochnikovedenie Sibiri. Vol. 39). (In Rus.).

Tunkina, I.V. O sud'be rukopisnogo nasledija G.F. Millera [About the fate of the unpublished heritage of G.F. Miller], in *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki*. 2008. Vol. 2. P. 3–11. (In Rus.).

Tunkina, I.V. Pis'ma F.I. Stralenerga Je. Benceliusu Mladshemu—novyj istochnik ob jekspedicii D.G. Messershmida v Sibir' [The letters of F.I. Stralenberg to E. Benzelius Jr—a new source on the expedition of D.G. Messerschmidt to Siberia], in *Trudy VI (XXII) Vserossijskogo arheologičeskogo s#ezda v Samare: v 3-h t. / Otv. red. A.P. Derevjanko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov*. Samara: SGSPU Press, 2020. Vol. III. P. 154–156. (In Rus.).

Tunkina, I.V. Jekspedicija D.G. Messershmida 1719–1727 gg. v Sibir' v rossijskoj istoriko-nauchnoj istoriografii XX—nachala XXI vv. [The expedition of D.G. Messerschmidt of 1719–1727 to Siberia in the Russian historiography of the 20th—early 21th centuries], in *Millerovskie chtenija: K 285-letiju Arhiva Rossijskoj akademii nauk: Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 23–25 aprelja 2013 g., Sankt-Peterburg / Otv. red. I.V. Tunkina*. Saint-Petersburg: Nestor-istorija Press, 2013. P. 238–250 (Ad Fontes. Materialy i issledovanija po istorii nauki. Vol. 4). (In Rus.).

Tunkina, I.V., Savinov, D.G. *Danijel' Gotlib Messershmidt: U istokov sibirskoj arheologii* [Daniel Gottlieb Messerschmidt: At the Origins of Siberian Archeology]. Saint-Petersburg: ООО «JelekSis» Press, 2017. 168 p. (Ad Fontes. Materialy i issledovanija po istorii nauki. Supplementum 6). (In Rus.).

Vasil'ev, D.D. *Korpus tjurkskih runičeskikh pamjatnikov bassejna Eniseja* [The corpus of Turkic runic monuments of the Yenisei basin]. Leningrad: Nauka Press, 1983. 127 p. (In Rus.).

Winter, E., Figurovskij, N.A. (Hrsg. von.) *Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Teile I–V*. Berlin: Akademie Vlg., 1962. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. 379 s. (In Germ.).

Викторова В.Д.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

Викторова, Валентина Дометьяновна—кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского Отделения РАН, Россия, Екатеринбург, viktorova1108@yandex.ru.

В статье на основании семиотической теории Ч.С. Пирса устанавливается происхождение, развитие и трансформация геометрических знаков с памятников эпох камня горно-лесного Зауралья. Три значения символического знака ромба имели разное происхождение. У местного населения ромб означал голову. Для мигрантов эпохи неолита с Переднего Востока это был иконический знак земли, и к эпохе энеолита уральское население сохранило смысл знака—«земля». В соответствии с новой иконографией ромба проявилось его новое значение—душа-жизнь. Волнистые линии—иконический знак воды—изображались на предметах уральского населения эпох мезолита-неолита. Трансформация знака символа воды в зигзаг, а туловищ водоплавающих птиц и копытных животных—в прямоугольники произошла, когда население эпохи энеолита стало орнаментировать сосуды гребенчатым штампом. Символ мировой горы возник из иконического знака треугольника-горы в результате нанесения по его центру вертикальной цепочки из трех ромбов—знаков одушевления всех трех миров.

Ключевые слова: семиотика, знак, эпоха камня, горно-лесное Зауралье.

THE SEMIOTIC FOUNDATIONS OF THE ANALYSIS OF A GEOMETRIC SIGNS

Viktorova, Valentina Domet'yanovna—Candidate of Science in History, the Senior Research Fellow, the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Ekaterinburg, viktorova1108@yandex.ru.

Based on the Charles S. Peirce's semiotic theory, the article establishes the origin, evolution and transformation of geometric signs on the monuments of the Stone Age in the mountain-forest Trans-Urals. The three meanings of the symbolic sign of the rhombus had different origins. Among the local population a rhombus meant a head. For Neolithic migrants from the Near East it was an iconic sign of the earth. By the Eneolithic Age the Ural population had kept the meaning of the sign, which was earth. In accordance with the new iconography of the rhombus there appeared a new meaning—soul-life. Wavy lines, the iconic sign of water, were depicted on objects of the Ural population of the Mesolithic and Neolithic eras. The transformation of the sign into a symbol of water, a zigzag, as well as the bodies of waterfowl and hoofed animals into rectangles, occurred when the population of the Eneolithic Age began to decorate the vessels with a comb-shaped stamp. The symbol of the world mountain was transformed from the iconic sign of the triangle-mountain by drawing a vertical chain of three rhombuses along its center as the signs of animating of all three worlds.

Key words: semiotics, sign, Stone Age, mountain-forest of Trans-Urals.

В соответствии с методологическим подходом, основанным на семиотической теории Ч.С. Пирса¹, в работе использованы закономерности взаимосвязи и трансформации трех основных знаков его классификации — индексного, иконического, символического.

Согласно теории семиологии Ф. де Соссюра², формирование, развитие и изменение знаков и их значений различных языковых систем — словесных, изобразительных, выразительных — рассматриваются в пространстве и времени конкретных культурно-исторических образований.

Источниковой базой анализа являются знаки с археологических памятников горнолесного Зауралья эпохи камня. И главным образом, знаки с памятников острова Каменные палатки (далее — остров) Железнодорожного района г. Екатеринбурга, где исследования проводятся более 40 лет.

В знаковой системе картины мира, формирующейся с эпохи мезолита, к эпохе энеолита сложился изобразительный стиль, включающий варианты — скелетный, антропоморфный, зооморфный, орнитоморфный, ленточный, но ведущим был геометрический вариант знаков на сосудах, предметах и наскальных изображениях. Расшифровка значений геометрических знаков дает возможность приступить к реконструкции древних мифологических текстов.

Первый опыт применения семиотического подхода был осуществлен при изучении истории геометрического знака в виде тупого угла³. Подобный знак размером 1 м прошлифован на скале Западной гряды острова. Знак был элементом культовой системы населения боборыкинской культуры эпохи неолита. Для установления его значения пришлось обратиться к истокам этой культуры — на Ближний Восток. Индексным знаком, указывающим на силу и могущество, у ранних земледельцев мезо-неолитического времени была фигура быка. Иконическому знаку-образу было придано значение неба. Населением боборыкинской культуры, пришедшим с Ближнего Востока в Зауралье, образ быка-неба преобразован в символ в виде рогов. В последующее время в новых условиях происходило его дальнейшее преобразование: знак рогов, но уже не быка, а лося стал символом в значении «верх». В таком виде он завершал вместо голов фигуры первопредков на сосуде, изображения духов на уральских писаницах, вершину сакральной горы.

В данной статье семиотический подход применен к анализу ряда геометрических знаков — ромба, треугольника, зигзага, прямоугольника, круга.

Знак ромба

Появление самого раннего знака ромба — в виде *головы* антропоморфной фигуры относится к эпохе мезолита. Его можно увидеть в лицевой нижней части феномена этого периода — деревянного изображения Большого Шигирского идола⁴.

В неолитическое время иной смысл знака был привнесен в уральский край мигрантами с Ближнего Востока. В знаковой системе ранних земледельцев ромб, квадрат занимали весьма значимое место⁵. Их индексным знаком могли быть очертания окультуренной территории поля — своя земля. На сосудах, печатях и других предметах знаки

¹ См.: Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.

² Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Екатеринбург, 2017. С. 28.

³ Она же. Эволюция одного знака и его значения // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 35–61.

⁴ Савченко С.Н., Жилин М.Г., Тербергер Т., Хойсснер К. Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 142–143.

⁵ Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 71.

становились иконическими, а затем, традиционно повторяясь на предметах последующих поколений, превратились в символы земли.

В V тыс. до н. э. волны мигрантов, обогнув с юга Каспийское море, прошли по восточному побережью, Южному Зауралью и обосновались в Притоболье и Среднем Зауралье. В пределах этой территории на основе пришлого населения сложилась боборькинская культура. В знаковой системе этой культуры ромб или квадрат, поставленный на угол, присутствует на сосудах в виде горизонтальной цепочки и отдельных вертикальных фигур⁶. Вероятно, это были иконические знаки как воспоминание о своей земле. Вместе с тем, мифологическая картина мира боборькинского населения содержала еще один, не менее важный знак, послуживший основой для появления иконографического и смыслового вариантов знака ромба в эпоху энеолита.

Два гимна Ригvedы, сложившихся еще в доарийское время, содержали миф о сотворении мира — земли и неба, стран света и всего живого на земле из «золотого зародыша»⁷. Ранним земледельцам этот образ, вероятно, представлялся в виде индексных знаков почки или зерна, содержащих жизнь.

У населения боборькинской культуры обряд сотворения земли проводился на острове по центру святилища. В нем объектом почитания, вероятным знаком «золотого зародыша», была небольшая глиняная фигурка — «утюжок» линзовидной формы⁸. В восточной части святилища обряд сопровождался созданием модели Земли. Четыре столба (или деревянных помоста) очерчивали знак ромба. Возле каждого деревянного объекта зажигали костер, в который производилось возлияние жертвы — сакральной жидкости (сохранился мощный слой золы различных оттенков — от розового и желтого до оранжевого и красного). Воспроизведенная модель земли в виде ромба⁹, очевидно, была для пришлового населения символическим знаком новой земли.

Наследником традиций боборькинской культуры было население липчинской субкультуры эпохи энеолита. В этот период — вторая половина IV тыс. до н. э. — в знаковой системе субкультуры началось разделение иконографии и значений знака. На некоторых сосудах этого населения еще сохранились линзовидные фигуры. Отметим, что они были поставлены вертикально¹⁰. Вместе с тем, наряду с цепочками горизонтальных знаков появились знаки в виде вертикальных ромбов¹¹.

Это обстоятельство позволило приступить к определению эпохальной принадлежности вертикальных ромбов с отростком вверх, прорисованных на скалах — у озера Мелкого¹² и на вершине самой высокой Восточной гряды острова.¹³ Это пока единственные знаки подобной конфигурации среди писаниц Урала. Возникли два вопроса. Первый вопрос — как определить их культурно-хронологическую принадлежность? Второй вопрос — каково значение этих знаков?

⁶ Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: боборькинская культура. Екатеринбург, 2010. Табл. IX, 174, 188, 189.

⁷ Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. X, 22; X, 121.

⁸ Викторова В.Д. Святилище боборькинской культуры на памятнике Палатки I // Вопросы археологии Урала. 2002. № 24. Рис. 6, 8.

⁹ Там же. Рис. 2, 3.

¹⁰ Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. Рис. 12, 154, 155.

¹¹ Там же. Рис. 12, 45; 25, 87.

¹² Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург, 2011. Рис. 92.

¹³ Там же. Рис. 93.

Ответить на эти вопросы было непросто. У основания первого наскального изображения на мысу Еловом в верховом торфянике было расположено святилище рубежа эпох бронзы и раннего железа. А со стороны материка обнаружены находки от эпохи неолита до раннего железа. Не лучше дело обстояло и с определением культурно-хронологической принадлежности знака на Восточной гряде — остров посещался древним населением от эпохи мезолита до позднего железного века.

В определенной мере временная принадлежность писаниц — III тыс. до н.э. — прояснилась, когда в состав аятской культуры вписались традиции липчинской. Различие как иконографии, так и смысла знаков в знаковой системе картины мира этого населения стало более четким. В этом отношении наиболее информативным оказался древний миф о нырянии водоплавающих птиц за Землей, представленный на сосудах с двух святилищ этого времени, расположенных на острове. Миф, возникший еще в эпоху мезолита, и передаваемый аборигенами из поколения к поколению, в почти неизменном варианте сохранился в мансийском священном сказании¹⁴.

Первая половина мифа — акт ныряния птиц — представлена на сосуде святилища 1. Орнамент сосуда содержит пять геометрических знаков. Под зигзагами волн мирового океана протянулась цепочка горизонтальных ромбов — символов земли. У дна водоема расположена череда треугольников — знаков «своей» — гористой земли (Рис. 1).

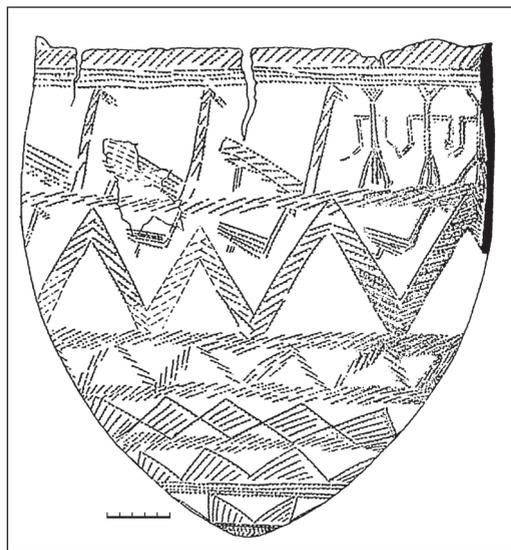

Рис. 1 Остров Каменные палатки.
Сосуд с текстом первой части мифа
о поднятии Земли.

Святилище 1 аятской культуры эпохи энеолита
стикали. Подобные знаки на оговоренных выше писаницах, по всей вероятности, можно датировать эпохой энеолита.

Для поиска ответа на второй вопрос придется обратиться к археологическим и этнографическим источникам.

¹⁴ Священное сказание о возникновении земли // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 268–269.

Миф продолжен на святилище 2, где на сосуде изображено поднятие гор из лона вод (Рис. 2). Сосуд ниже изображения воды, из которой поднимаются горы, опоясывает цепочка горизонтальных ромбов — символов земли. Но самое главное — это знаки ромба по центральной оси треугольников-гор. Вероятно, в данном случае треугольные фигуры были не просто иконическими знаками гор, а символами мировой горы, т.к. уже в первой части композиции на сосуде, где гора поднялась из лона вод только на две трети, на ней присутствуют, связанные между собой, два вертикальных ромба. На второй половине сосуда мировая гора уже утвердилась, а по ее центру от основания к вершине протянулись три, связанные между собой, вертикальных ромба — символы оси мировой горы. Если мысленно расчленить знаки этого символа, то получим три фигуры вертикального ромба, которые, очевидно, соотносились с тремя мирами по вер-

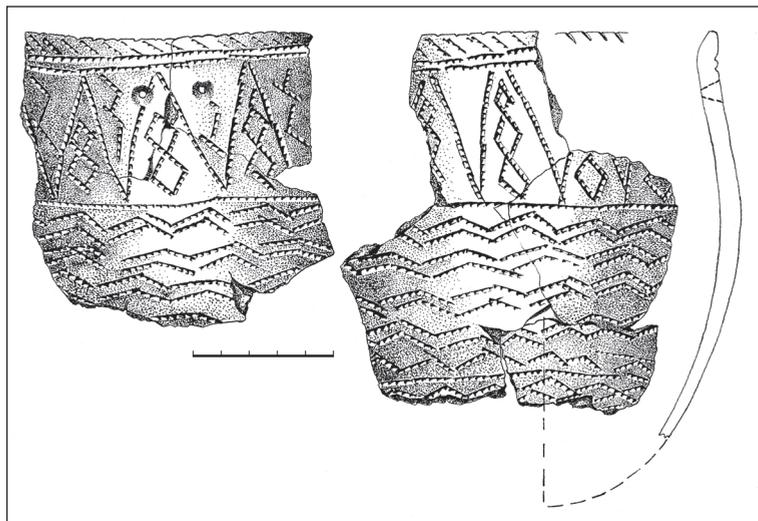

Рис. 2 Остров Каменные палатки. Сосуд с текстом второй части мифа о появлении Земли. Святилище 2 аятской культуры эпохи энеолита

Фигура вертикального ромба, предположительно ведущая начало от «золотого зародыша», могла означать жизнь, быть символом жизни. Но причем тут отросток вверх, каков его смысл?

В.Н. Чернецов отметил, что знаки в виде овальных пятен с отростками, протянутыми к шее лося, появились на норвежских наскальных изображениях в эпоху неолита¹⁵. Отростку было дано название «линия жизни». Подобные знаки в более позднее время известны на скалах Урала и петроглифах Сибири. Итак, в определенной мере подтверждается предположение о смысле знака ромба с отростком вверх как символа жизни.

Обратимся теперь к этнографии. Используя методы интеграции и экстраполяции, начнем с рассмотрения мансийских деревянных духов — пупыхов. На груди некоторых из них от знака ромба к горлу протянута линия жизни¹⁶. Этот же символ души начертан на груди воинов с серебряных сосудов из кладов IX–X вв. Прикамья и севера Западной Сибири¹⁷.

Опускаемся к периоду раннего железа. На одной стороне металлической бляхи с Сургутского Приобья (Рис. 3) у антропоморфной фигуры отсутствует скальп, но на груди еще виден знак ромба с отростком вверх. На противоположной стороне бляхи тот же персонаж, вероятно, уже умер — на груди знака ромба нет. Воплощение его души — душа-птица, на которой начертан знак ромба с отростком, улетает до последующей реинкарнации умершего.

На памятниках эпохи бронзы знак души пока неизвестен. Но можно предположить, что этот знак уже в эпоху энеолита приобрел значение — душа-жизнь.

Вернемся к первой ранней (мезолитической) линии развития значения знака ромба — голова. На большой территории Среднего Зауралья и среднего Приобья, вероятно,

¹⁵ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. 4–12. С. 103.

¹⁶ Иванов С.В. Скульптура народов Северной Сибири. Л., 1979. Рис. 29, 2, 3.

¹⁷ Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Рис. 42.

между населением различных археологических культур финно-угорской языковой общности были тесные культурные контакты. И в знаковых системах соседствующего населения могли использоваться единые, наиболее важные в мифологических картинах, знаки. На сосудах волончинской культуры бассейна р. Конды есть знаки в виде цепочки ромбов и знак вертикального ромба¹⁸. Но наиболее важными на сосудах были знаки антропоморфных фигур, выполненных в скелетном стиле—традиции, восходящей к мезолитическому Большому Шигирскому идолу. У одного из персонажей, как и в иконографии этой фигуры, голова имеет форму ромба¹⁹. Таким образом, в эпоху энеолита параллельно с цепочкой горизонтально лежащих ромбов в значении—земля и ромбов с отростком вверх, означавших душу-жизнь, существовал знак ромба в значении голова.

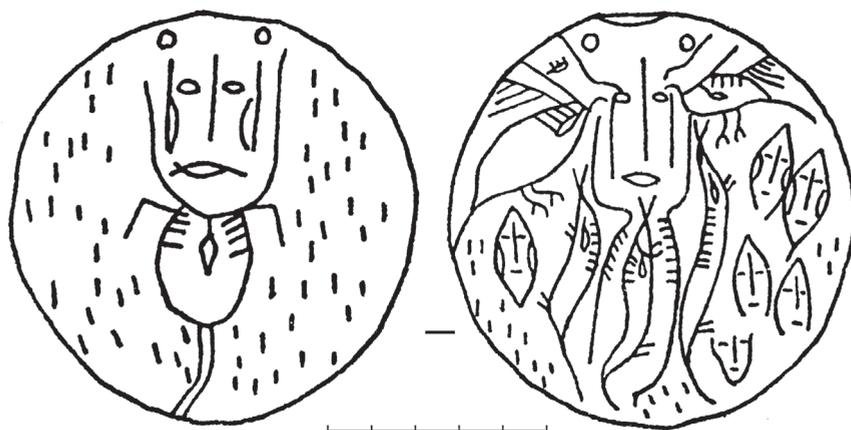

Рис. 3 Городище Барсов городок 1/9. Бронзовая бляха с мифом об отлете от умершего человека птицы-души (по Викторовой В.Д., 2017. Рис. 41)

В этнографии обских угров утратился смысл символа земля, но сохранились два других. Так в альбоме мансийских орнаментов²⁰ череда ромбов носит название «головки». Головы в виде ромбов венчают фигуры человека и бобра. Но наиболее интересна фигура медведя со священной рукавицы (Рис. 4). У изображения медведя голова в виде ромба. Четыре связанных между собой ромба помещены по центру туловища. То есть, вместе с ромбом-головой у фигуры пять одинаковых знаков. Выясняется, что в этнографии обских угров²¹ у мужчины-человека и у медведя мужского пола—пять душ, в том числе, одна на голове. Таким образом, в изображении медведя на священной рукавице можно увидеть совмещение двух линий развития значений ромба—самую древнюю, мезолитическую, и вторую, появившуюся в результате трансформации знака в эпоху энеолита.

Знак треугольника

Иконический знак треугольник в значении—гора есть на многих сосудах населения, живущего среди гор. Но в условиях горно-лесного Зауралья, на первый взгляд, для

¹⁸ Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. Рис. 101, 25, 34.

¹⁹ Там же. Рис. 62, 1.

²⁰ Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. Мансийские орнаменты. СПб., 2001. Рис. 14–15.

²¹ Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 5–117. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LI).

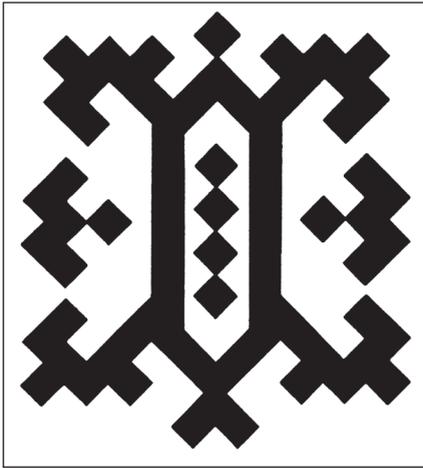

Рис. 4 Фигура медведя на священной рукавице манси (по П.Е. Шешкину и И.Д. Шабалиной, 2001)

появления подобного знака нет денотата. Ведь Уральские горы очень древние и их внешние очертания полуовальные. А гранитные вершины сглажены и не имеют треугольного абриса. Скорее их иконический знак представлен на писаницах Урала как раз в виде вписанных друг в друга трех или двух полуovalов, окаймленных короткими отрезками—знаками леса. Где же таился индексный знак треугольника, появившегося в иконическом варианте на сосудах эпохи неолита и во множестве представленного на керамике эпохи энеолита?

Думается, что надо опять вернуться в эпоху мезолита. Это было время таких глубоководных озер, что малых островов не было видно, а территория современных больших островов была значительно меньше. Так, остров Каменные палатки, в пребореальный период, когда на нем появилось мезолитическое население, был вдвое меньше со-

временного и поднимался над водой всего на 3–4 м.

Когда вода начала спадать, старики, прожившие долгую жизнь, могли наблюдать процесс постепенного появления из воды озера остроугольных гранитных вершин новых островов. Они, вероятно, оказались индексным знаком, основой сложения иконической фигуры треугольника в значении гора. Да, это гипотеза, но иначе трудно объяснить, откуда взялся подобный иконический образ на сосудах горно-лесного Зауралья в эпоху неолита. И важно отметить, что на неолитическом сосуде с поселения Евстюниха отражено именно поднятие горы из воды. Здесь знак еще не треугольник, а острые углы, вписанные друг в друга и опущенные в воду²². А вот на сосуде с поселения Исетское Правобережное 1 это уже треугольники-горы, как поднимающиеся, так и поднявшиеся на поверхность²³.

Эта же процедура поднятия и утверждения горы/гористой земли повторилась и на обоих сосудах эпохи энеолита со святилищ 1 и 2, описанных выше. Иконографической и мифологической новацией в этом случае является образование символического образа мировой горы с тремя одушевленными мирами по вертикали.

Знак зигзага

Все древние поселения размещались возле водоемов, и человек постоянно наблюдал изменчивое состояние их поверхности. Индексные знаки воды, во-первых, могли указывать на спокойную гладь озер. В воде, как в зеркале, отражались прибрежные деревья—индексные образы мифологических представлений об обратном течении жизни в ином мире.

Во-вторых, вероятно, всеобщим индексным знаком на территории Евразии была волнующаяся поверхность воды. Соответственно, всеобщим иконическим знаком воды в знаковых системах населения эпохи камня стали волнистые фигуры. Вертикальные и косо нанесенные волнистые линии на сосудах могли быть ассоциацией индексных знаков дождевых потоков.

²² Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Рис. 18.

²³ Там же. Рис. 83.

Знаки воды появились в мифологических системах населения горно-лесного Зауралья с эпохи мезолита. Полагаю, что в дискуссии о назначении вкладышевых орудий с орнаментами на костяных основаниях²⁴ были правы оба оппонента—и К.В. Сальников, и В.Н. Чернецов. Надо только разделить все изделия на две группы. В первой группе²⁵ на предметах 1, 2 к знакам ловушек протянуты прямые линии, в которых можно предположить иконические знаки сухопутных дорог охотников к ловушкам. На рисунках 3–5, 8 в волнистых линиях можно представить иконические знаки водного пути рыбака к верше.

В эпоху неолита на большой территории проживания финно-угорского населения в знаковых системах разных археологических культур иконический знак воды—волнистые линии—встречается на сосудах повсеместно. Нередко весь сосуд был покрыт волнистыми линиями. Подобный орнамент на сосудах бытового назначения—индексный знак—указывал на то, что в них могла переноситься или храниться вода.

У мигрантов—ранних земледельцев на бывшей родине вода играла особую роль. Вероятно, поэтому в обряде боборыкинской культуры на святилище острова 5 из 12 найденных сосудов орнаментированы знаками воды. Но их иконография и значения были разными.

Самым главным в гимнах Ригведы о сотворении Земли был факт низвержения «золотого зародыша» в потоках воды. Иконические знаки воды—дождя в виде косых и прямых полос—нанесены на ритуальные сосуды как со святилища на острове, так и с памятников Притоболья²⁶. Потоки изливались из небесного водоема, представлены, как горизонтальные волнистые знаки²⁷.

Изображения потоков у населения горно-лесного Зауралья в эпоху энеолита, вероятно, потеряли актуальность. И подобные фигуры как на сосудах аятской культуры, так и на керамике древних жителей бассейна р. Конды, скорее всего, стали традиционным декором, потерявшим свое значение.

С иконографией знака волны в эпоху энеолита произошли следующие изменения. Единственным орнаментом мастериц аятской культуры стал гребенчатый штамп. Понятно, что таким штампом невозможно изобразить волну. И знак воды на сакральной, да и на бытовой керамике преобразовался в горизонтальный зигзаг. Именно в такие зигзаговые волны опускается малая птица чомга за землей на сосуде святилища 1 (Рис. 1). И из таких же линий горизонтальных зигзагов появляется гористая земля на сосуде со 2 святилища (Рис. 2). Горизонтальные зигзаги стал символическим знаком воды.

Символ сохранился и даже стал ведущим на сосудах эпохи бронзы коптякской культуры горно-лесного Зауралья. Горизонтальные зигзаги в сочетании с поясками угловых вдавлений—индексный знак, указывающий на принадлежность сосуда населению этой культуры. На ритуальных сосудах водоплавающие птицы плывут по горизонтальным зигзагам воды.

Зигзаг—символ воды передавался угорским населением из поколения в поколение и в значении «накат волн» сохранился в орнаментах манси²⁸.

²⁴ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. С. 108.

²⁵ Там же. Рис. 60.

²⁶ Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. Рис. 13, –2; 25, –3; 43, –1.

²⁷ Викторова В.Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I. Рис. 42, –4

²⁸ Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. Мансийские орнаменты. Рис. 25

Изображение воды в любом варианте это сочетание двух-трех, а чаще всего, многих рядов знаков. Но, когда на сосуд нанесена одна горизонтальная или вертикальная волнистая или зигзаговая линия—это уже иные знаки с иной семантикой.

Индексным знаком, указывающим на змею, было ее волнистое движение или след от такого движения. Иконический образ следа ползущей змеи в эпоху палеолита был нанесен на стены Игнatieвской пещеры в трех композициях. Он сочетался с фигурой лошади, с семью точками и знаками следов крупного животного, а также—с женским символом²⁹. Обратим внимание на два последних рисунка. Цифровой символ 7—знак женского календаря, а в последнем случае изображен женский символ. Подобное сочетание неслучайно.

Иконические многозначные образы змеи на различных предметах в эпохи неолита-энеолита весьма характерны для широкого поля знаковых систем ранних земледельцев: от дравидов Индии, населения Ближнего Востока до индоевропейского населения Юго-Восточной Европы. И во всех районах у фигур, очевидно, конвергентно сложились весьма близкие значения: хтоническое, женщина—земля—вода—плодородие; а змея, ползущая вверх—символ связи земли и неба—мировой столп³⁰.

Похоже, что в знаковой системе боборыкинского населения основными были два смысла знака—женщина-змея-вода и мировой столп. Все одиночные волнистые фигуры на сосудах расположены вертикально³¹. Со святилищного памятника Притоболья есть «утюжок», на плоской стороне которого прочерчена волнистая лента и волнистыми линиями украшены боковые грани³².

Реже на сосудах изображены знаки вертикального зигзага³³, в которых можно предположить образ молнии-змеи, когда подобный, весьма близкий по очертаниям знак, пронизывает гору с вершины до основания³⁴. В нем можно усмотреть сочетание значений змеи-молнии и столпа мировой горы.

Почти полное подобие символа мирового столпа на сосуде боборыкинской культуры повторилось в керамике аятской культуры эпохи энеолита (Рис. 5).

Знак прямоугольника

Индексные знаки, указывающие на плывущих птиц и пасущихся копытных животных, в иконическом варианте изображены на уральских скалах. Вместе с тем у большого числа фигур туловище имеет прямоугольные очертания³⁵. В двух случаях туловище птиц было треугольным³⁶.

Причина преобразования знаков в символические—техника нанесения орнамента на сосуды липчинской и аятской культуры эпохи энеолита: псевдошнур и гребенчатый штамп позволяли наносить фигуры только прямыми линиями³⁷. Семантика фигур водоплавающих

²⁹ *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере Южного Урала. Новосибирск, 1992. Рис. 38, 40, 41.

³⁰ *Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев передней и Средней Азии. С. 145–156.

³¹ *Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. Рис. 12, –10; 25, –3.

³² Там же. Рис. 17, –1.

³³ Там же. Рис. 14, –3, –5.

³⁴ Там же. Рис. 78, –6.

³⁵ *Широков В.Н., Чаиркин С.Е.* Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Рис. 34, 48, 52 и др.

³⁶ Там же. Рис. 43, 44.

³⁷ Там же. Рис. 96.

птиц могла иметь двоякий смысл. Во-первых, водоплавающая птица была творцом поднятия Земли из лона вод. Во-вторых, она, обитая в воде, на земле и в воздухе, могла служить связующим звеном трех миров по вертикали.

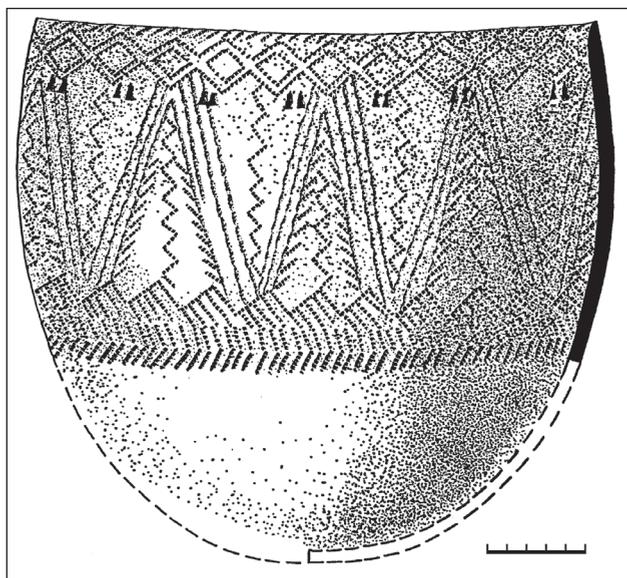

Рис. 5 Поселение Макуша III. Сосуд с изображением мировой горы. Ось мира—фигура змеи-молнии (по Чаиркиной, 2005)

Знак круга

Индексный знак—солнце, испускающее горячие лучи,—послужил основой иконического знака в виде круга, обрамленного короткими отрезками-лучиками. Подобные знаки хорошо известны в наскальных изображениях Урала³⁸. Весьма интересны детали трех видов дисков, позволяющие расширить семантику фигур. В.Н. Чернецов определил календарный характер сюжетов Зенковской и Маскальской писаниц³⁹. На рисунках солнечный диск расположен ниже горы, почти на уровне стада лосей или оленей. На первом рисунке в диск солнца были вписаны еще два круга. В них можно предположить уходящую энергию светила. Очевидно, на скале изображена поздняя осень или даже зима. Вероятно, второй календарный сюжет, где в диск вписан только один круг, был посвящен начальному периоду осени. В верхней части Маскальской II писаницы нарисован круг, который сверху обрамляет полу-круг с лучиками⁴⁰. Рисунок напоминает положение солнца в день весеннего равноденствия.

На острове солнечный диск на памятниках эпохи энеолита представлен в различных вариантах. На святилище елизаветинской культуры это был гранитный полушар, заклиненный по центру каменного ящика. В щели ящика обнаружены две тальковые створки для отливки клина. В верхней части каждой из них прочерчено по три круглых диска, обрамленных лучиками⁴¹. На поселении аятской культуры найден небольшой диск из красного сланца, шлифованный с обеих сторон⁴².

³⁸ Там же. Рис. 8, 26, 32, 34 и др.

³⁹ Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Рис. 42, –1.

⁴⁰ Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Рис. 35.

⁴¹ Викторова В.Д. Вещь и знак в археологии. Фото 7.

⁴² Там же. Рис. 106.

В течение многих тысячелетий в горно-лесное Зауралье приходили мигранты с юга, севера, востока. В знаковые системы местного финно-угорского, а потом угорского населения вливались новые знаки. Совсем исчезли ставшие неактуальными линзовидные знаки, превратились в декор, потеряв значение, знаки дождя. На время исчезал, а затем возрождался традиционный знак взаимно связанных треугольников со значением «крепкая связь». В орнаментах мансийского населения, переселившегося из горно-лесного и лесного Среднего Зауралья в равнинный ландшафт, исчез знак треугольника-горы. Но сохранились значения знаков ромба в двух вариантах: символы воды и рогов.

Список литературы

- Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 261 с.
- Викторова В.Д.* Вещь и знак в археологии. Екатеринбург: Квадрат, 2017. 271 с.
- Викторова В.Д.* Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки I // Вопросы археологии Урала. 2002. Вып. 24. С. 46–66.
- Викторова В.Д.* Эволюция одного знака и его значения // Уральский исторический вестник. 2006. № 14. С. 35–61.
- Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX века. Л.: Наука, 1970. 293 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.* Неолит Среднего Зауралья: боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 307 с.
- Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. 271 с.
- Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 205 с.
- Савченко С.Н., Жилин М.Г., Тербергер Т., Хойсснер К.* Большой Шигирский идол в контексте раннего мезолита Зауралья // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 8–19.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 312 с.
- Чернецов В.Н.* Представление о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: Наука, 1959. С. 5–117. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LI).
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. М.: Наука, 1971. Вып. 4–12. [Т. 2]. 120 с.
- Шешкин П.Е., Шабалина И.Д.* Мансийские орнаменты. СПб.: Просвещение, 2001. 128 с.
- Широков В.Н., Чаиркин С.Е.* Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург: Ажур, 2011. 181 с.

References

- Antonova, E.V. *Ocherki kul'tury drevnih zemledel'cev Perednej i Srednej Azii* [Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia]. Moscow: Nauka Press, 1984. 261 p. (In Rus.).
- Chairkina, N.M. *Jeneolit Srednego Zaural'ja* [The Eneolithic age in the Middle Trans-Ural]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2005. 312 p. (In Rus.).
- Chernetsov, V.N. *Naskal'nye izobrazhenija Urala* [The cave drawings of Urals], in *Svod arheologicheskikh istochnikov*. Moscow: Nauka Press, 1971. Iss. 4–12. [Vol. 2]. 120 p. (In Rus.).

Chernetsov, V.N. Predstavlenie o dushe u obskih ugrov [A soul in the culture of ugrs from Ob' region], in *Issledovanija i materialy po voprosam pervobytnyh religioznych verovanij*. Moscow: Nauka Press, 1959. P. 5–117. (In Rus.).

Ivanov, S.V. *Skul'ptura narodov Severnoj Sibiri XIX—pervoj poloviny XX v.* [Sculpture of the peoples of Northern Siberia in 19—first half of 20th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1979. 293 p. (In Rus.).

Koksharov, S.F. *Pamjatniki eneolita severa Zapadnoj Sibiri* [Eneolithic sites of the North of Western Siberia]. Ekaterinburg: Ural State University Publ., 2009. 271 p. (In Rus.).

Kovaleva, V.T., Zyrjanova, S.Ju. *Neolit Srednego Zaural'ja: boborykinskaja kul'tura* [Neolithic of the Middle Trans-Urals: Boborykinskaya culture]. Ekaterinburg: Uchebnaja kniga Press, 2010. 307 p. (In Rus.).

Petrin, V.T. *Paleoliticheskoe svjatilishhe v Ignatievskoj peshhere na Juzhnom Urale* [Paleolithic sanctuary in the Ignatievskaya cave in the Southern Urals]. Novosibirsk: Nauka Press, 1992. 205 p. (In Rus.).

Savchenko, S.N., Zhilin, M.G., Terberger, T., Hojssner, K. Bol'shoy Shigirskij idol v kontekste rannego mezolita Zaural'ja [The Great Shigir Idol in the context of the Early Mesolithic of the Trans-Urals], in *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2018. Vol. 1 (58). P. 8–19. (In Rus.).

Sheshkin, P.E., Shabalina I.D. *Mansijskie ornamenti* [The ornaments of Mansi]. Saint-Petersburg: Prosveshhenie Press, 2001. 128 p. (In Rus.).

Shirokov, V.N., Chairkin, S.E. *Naskal'nye izobrazhenija Severnogo i Srednego Urala* [The cave drawings of North and Middle Urals]. Ekaterinburg: Azhur Press, 2011. 181 p. (In Rus.).

Viktorova, V.D. Jevoljucija odnogo znaka i ego znachenija [Evolution of one sign and its meanings], in *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2006. Vol. 14. P. 35–61. (In Rus.).

Viktorova, V.D. Svjatilishhe boborykinskoj kul'tury na pamjatnike Palatki I [The sanctuary of the Boborykinskaya culture on the monument of Palatki I], in *Voprosy arheologii Urala*. 2002. Vol. 24. P. 46–66. (In Rus.).

Viktorova, V.D. *Veshh' i znak v arheologii* [Thing and sign in archaeology]. Ekaterinburg: Kvadrat Press, 2017. 271 p. (In Rus.).

Кочнева А.Д.

(САМО)СОХРАНЕНИЕ: ВЫСТАВКА О МУЗЕЕ И ЕГО СОТРУДНИКАХ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Кочнева, Анна Дмитриевна — бакалавр музеологии, студент магистерской программы, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, anna.kochneva.25@gmail.com.

В статье рассматриваются подходы музеев к выставочной репрезентации своей истории. В век тотальной визуализации видится необходимым анализ выставок, в которых музей реализует функции документирования в отношении своей истории и трансляции памяти о себе. Автором статьи этот процесс осмысливается в рамках архивного поворота, возникшего в современных художественных практиках и связанного с желанием вернуть в публичное пространство забытые истории и информацию. Концептуальный базис архивного поворота способен содействовать более точному пониманию выставочной рефлексии музея, находящегося в потоке нового самоопределения в условиях текучей современности.

Ключевые слова: музеи, выставка, архивный поворот, выставочное проектирование, история музея.

(SELF)CURATING: EXHIBITIONS ABOUT THE MUSEUM AND MUSEUM
EMPLOYEES IN CONTEMPORARY PRACTICE OF RUSSIAN MUSEUMS

Kochneva, Anna Dmitrievna — Bachelor of Museology, Student of Master Programme, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, anna.kochneva.25@gmail.com.

The article discusses the exhibition's approaches to representation of museum history. In the age of total visualization, it seems necessary to analyze exhibitions in which the museum implements the functions of documenting its history and memory passing of itself. The author interprets this process within the framework of the archival turn that has arisen in contemporary art practices and is associated with the wish to return forgotten stories and information to the public space. The conceptual basis of the archival turn is able to bring closer the understanding of the exhibition reflection of the museum, which is in the flow of a new self-determination in the world of fluid modernity.

Key words: museums, exhibition, exhibition design, museum's history, archival turn.

Учреждения культуры: музеи, театры, библиотеки давно и прочно вошли в жизнь современного горожанина и snискали его любовь. И мало кого удивит информация о том, что множатся прецеденты, раскрывающие внутренние процессы производства событий в музее: набирают популярность влоги проектов, снимаются документальные фильмы, на молодежных площадках берутся интервью у деятелей культуры и музейных работников и т.д. Таким образом возникает своеобразная летопись современной музейной истории, которую сохраняет и делает доступной цифровой архив интернета. Однако вместе с этим усиливается тенденция создания экспозиций и временных выставок об истории

музеев в офлайн пространстве. В этом можно усмотреть маркеры концептуальных трансформаций современного музея как института памяти и трансляции наследия.

В рамках традиционной модели музей мыслится архивом, который каталогизирует, упорядочивает мир через документы (музейные предметы) и транслирует представления о нем¹. В таком контексте музей как проект Просвещения долгое время воспринимался авторитетным институтом распространения объективного знания. Однако институциональная критика со стороны философии постмодернизма, социологии, культурологии, антропологии привела к тому, что музей будучи неспешным и неторопливым агентом информационного и культурного обмена начал с 1960-х гг. стремительно менять себя. Эти общемузейные изменения в способах коммуникации с посетителями, в экспозиционных практиках, в вопросах интерпретации фактологического материала к настоящему времени заставили музейных специалистов на генеральной конференции ИКОМ в 2019 г. уже не в первый раз, поднимать вопрос о сущности понятия «музей». В предлагаемом определении говорилось, что «музеи—это демократизирующие, инклюзивные и полифонические пространства, созданные для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего»². В ходе дискуссии музейному сообществу не удалось прийти к консенсусу, что можно рассматривать как один из маркеров концептуального кризиса. В силу этого усиление рефлексии музея о своей истории в рамках экспозиционно-выставочной деятельности видится попыткой найти инвариантные взгляды на себя для преодоления внутренних антиномий.

В то время как музей демократизировался, уходил от метанарративов и менял приоритеты с накопления на интерпретацию собранных коллекций, в современной художественной практике зафиксирован так называемый «архивный поворот» (archival turn). Хэл Фостер, известный арт-критик, еще в 1990-х гг. писал о том, что архивный импульс обусловлен желанием художников вернуть в публичное пространство историческую информацию, которая оказалась вытеснена на периферию или вовсе утеряна³. Шерил Саймон выделяет некоторые культурные и социальные факторы, повлиявшие на постмодернистскую апроприацию художниками исторической информации и архивных материалов. Так, в основании этого явления находятся: всеобщее состояние ностальгии; культурные тревоги, связанные с давлением настоящего на прошлое и будущее; экспансия визуальной культуры⁴. Здесь необходимо вернуться к экспозиционному проектированию и отметить современное его понимание как сложной междисциплинарной области, которая активно заимствует художественные приемы и практики для воплощения замысла. Сегодня все большее число исследователей признает убедительность термина «экспозиционное искусство», предложенного М.Т. Майстровской в 1990-х гг.⁵ Однако несмотря на повышение статуса экспозиции как эстетической формы, она остается медиумом архивных интенций музея. В силу этого выставку, посвященную истории музея и деятельности его сотрудников, можно рассматривать в качестве еще одной линии в контексте

¹ Максимова А.С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 2. С. 133

² Музеи теперь не те, что прежде // Theartnespaper. — 2019. См. по адресу: www.theartnespaper.ru/posts/7192/ (ссылка последний раз проверялась 23.03.2021).

³ Фостер Х. Архивный импульс // Художественный журнал. 2015. № 95. См. по адресу: <http://moscowartmagazine.com/issue/10/article/133> (ссылка последний раз проверялась 2.04.2021).

⁴ Simon C. Introduction: Following the Archival Turn // Visual Resources. 2002. Vol. XVIII. P. 102.

⁵ Майстровская М.Т. Музейный образ— поиск и находки (экспозиционное искусство 90-х годов) // На пути к музею XXI века. М., 1997. С. 198–208.

архивного поворота. Именно эта тема долгое время игнорировалась в экспозиционной деятельности музеев, что коррелирует идейным основаниям данного явления, возникшего в связи с современным художественным процессом.

Таким образом, выставки об истории музея находятся на пересечении нескольких тенденций: во-первых, это попытка осмыслить свою микроисторию в период институционального кризиса, во-вторых, стремление музея реализовывать имманентные архивные функции и в отношении себя как института. Кроме того, такие выставочные нарративы включаются в работу по профорientации, поскольку сфера музейной деятельности для широкой аудитории остается закрытой.

Приступая к рассмотрению выставочной практики по данному направлению, стоит отметить, что существуют прецеденты музеефикации мемориальных кабинетов выдающихся музейных работников. Здесь можно вспомнить Мемориальный кабинет директора ГМЗ «Павловск» А.И. Зеленовой или Мемориальный кабинет А.З. Крейна в Государственном музее А.С. Пушкина, однако эти постоянные экспозиции, построенные на основе ансамблевого метода, мало информативны для неосведомленного человека. С подобной проблемой в полной мере сталкиваются литературно-мемориальные музеи, когда мемориальную экспозицию невозможно отличить от историко-бытовой. Причины подобных коллизий могут быть разными, иногда это происходит, во-первых, в силу того, что такие места в высокой степени статичны, а во-вторых, как правило, представляют собой типовые кабинеты, которые немного могут рассказать о самой личности, случайно попавшему туда посетителю. Таким образом, временная выставка берет на себя часть задач по актуализации музейной истории. Однако стоит обратить внимание на то, что недавний уход из жизни легендарного директора ГМИИ им. А.С. Пушкина И.А. Антоновой поставил перед музеем задачу создать пространство памяти всех директоров в ее бывшем кабинете — «от Цветаева до Антоновой»⁶. И несмотря на то, что концептуальные аспекты в настоящее время неизвестны, предположительно это будет более динамичное пространство, нежели упомянутые выше экспозиции.

В силу специфики мемориальных экспозиций и доминирования интереса в музейном проектировании к концептуально-художественным проектам именно за выставками видится будущее в нарративизации памяти о музейных деятелях и в целом истории музейного дела. Анализ существующей практики в таком случае является необходимым, чтобы наметить перспективы. Выявленные выставочные проекты на обозначенную тему можно условно разделить на три блока: 1) История музея; 2) Антропология профессий; 3) Персональные выставки.

В процессе актуализации истории специфической музейной деятельности особняком стоят выставки многих музеев, говорящие о их жизни в годы Великой Отечественной войны. Например, в Российском этнографическом музее в 2020 г. проходила выставка «С этим временем нам не расстаться: Российский этнографический музей — хроника военных лет», приуроченная к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Здесь, в одной из галерей музея разворачивалась история спасения музейного собрания, состояния здания в те годы и сложностей хранительской деятельности. Музей раскрывал тяжелые страницы своей жизни с помощью музейных натюрмортов из эвакуированных предметов, документов и других классических приемов. Кроме этого, целый зал был отведен под акварельные листы А.Г. Траугота, художника, который с 1930-х гг. сотрудничает

⁶ Кабинет Ирины Антоновой в ГМИИ станет мемориальным пространством // ТАСС. 2020. См. по адресу: <https://tass.ru/kultura/10197323> (ссылка последний раз проверялась 13.01.2021).

с музеем и некоторые акварели создал специально для этой выставки⁷. Интерес вызывает то, что помимо фотографий, иллюстрирующих разрушения здания музея, была создана локальная инсталляция, которая порождает аллюзии на руины. В этом усматривается одна из особенностей архивного искусства, проявляющая себя в предпочтении формата инсталляции⁸. Так, подобно тому, как художники в рамках архивного искусства сопоставляют найденный материал с источниками и осмысливают это в некой целостной объемно-пространственной системе, поступает и современный музей.

О себе в военном контексте рассказывают музеи разных профилей, разных городов—это один из ведущих на сегодняшний день выставочных нарративов об истории музея. Однако нельзя не обратить внимание на проект Государственного Эрмитажа «Эрмитаж в Главном штабе. 20 лет выставочной деятельности», который начал работу в 2020 г. Это значимый прецедент актуализации истории музея за пределами военной темы. Созданная Государственным Эрмитажем выставка отмечает важный этап на пути рефлексии о своей деятельности больших музеев России, поскольку и исторически, и в настоящее время то, что они делают, влияет на всю музейную сферу. Специфическим экспозиционным комплексом в контексте проблематики архивного поворота является здесь стенд с пригласительными билетами прошедших временных выставок. Около сотни билетов эстетизировано представлены на фоне архитектурно-функциональных конструкций чердачного пространства Главного Штаба по образу архива и рассчитаны на узнавание, возможно, сопоставление со своими личными собраниями культурных документов (билетов, афиш и т.д.).

Также можно найти выставочные проекты, раскрывающие деятельность наших современников и уникальные грани довольно закрытых профессий—блок «антропология профессий». Ярким примером является выставка 2014 г. «Как построить зоопарк?», расположенная в музейно-выставочном центре «Рабочий и колхозница» и приуроченная к 150-летию Московского зоопарка. Проект рассказывал о прошлом, настоящем и очерчивал перспективы Московского зоопарка через отношения сотрудников зоопарка с их подопечными⁹. Руководитель проекта О.Р. Николаев будучи известным фольклористом, антропологом и музейным проектировщиком решил, что выставка должна стать визуализацией антропологического исследования о современной жизни зоопарка, проведенного специально для этого проекта. Одной и первостепенных задач было рассказать о работе зоопарка через персонификацию: сотрудники и спектр разных профессий. Антропологи в ходе своего исследования были заняты также выявлением аттрактивных и экспрессивных предметов, которые «могли стать потенциально экспонатами выставки (например, предметы, связанные с уходом за животными, коллекции и сувениры сотрудников, памятные фотографии, дневники и пр.)»¹⁰. Для проекта было взято 40 интервью длительностью от 1,5 до 3 часов. Полученную информацию преобразовали в разные формы коммуникации с посетителем на выставке (например, интерактивная игра «Какие

⁷ Выставка «С этим временем нам не расстаться: Российский этнографический музей—хроника военных лет» // Сайт Российского этнографического музея. 2020. См. по адресу: <https://ethnomuseum.ru/vystavki-i-sobytiya/arhiv/2020/s-etim-vremenem-nam-ne-rasstatsya-rossijskij-etnograficheskij-muzej-hronika-voennyh-let/> (ссылка последний раз проверялась 13.01.2021).

⁸ *Фостер Х.* Архивный импульс.

⁹ *Громов Д.В., Клим Н.М.* «Как построить зоопарк»: прикладная антропология в качестве инструмента создания выставочного пространства // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. С. 244–256.

¹⁰ Там же.

они — работники зоопарка?»). Стоит добавить, что с небольшими допущениями зоопарки, дендрарии, ботанические сады, аптекарские огороды — это своеобразные живые экспозиции, которые корреспондируют с музейными. Поэтому данный пример антропологии профессий и визуализации результатов видится перспективным подходом к репрезентации деятельности ныне живущих «служителей» музеев и его можно очертить концептуальной рамкой акторно-сетевой теории, которая высвечивает всех агентов коммуникации и помогает определить их роль в реализации идеи¹¹. Между тем прецеденты выставочных проектов рассматриваемого блока чрезвычайно немногочисленны.

К третьему блоку относятся проекты, посвященные деятельности конкретной фигуры в истории музейного дела. Они, как правило, юбилейные и существуют в формате фотовыставки. В таких проектах можно встретить фотографии, напечатанные на пенокартоне и развешенные в некой хронологической последовательности. Здесь, безусловно, проявляется проблема документирования истории того или иного музея, его проектов и личных историй. В силу этого фотовыставка может быть одним из простых путей создания коммеморативного события и пространства пробуждения коллективной памяти современников юбиляра, если проект относится к недавней истории. Так, удачным примером является фотовыставка в Музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское» «Приписанный, как домовый...», посвященная С.С. Гейченко (2013 г.).

Тем не менее вопрос репрезентации «забытой» истории музейного дела, создания персональных выставок остается открытым. В силу всего выше сказанного нужно подчеркнуть, что выставочная репрезентация историй о музейных сотрудниках, проектировщиках и других специалистах в этой междисциплинарной сфере в настоящее время слабо развита. Также трудность при создании персональных выставок о сотрудниках музеев вызывает поиск языка репрезентации. При этом, проблема визуально-пространственной интерпретации в данном случае близка персонификации в литературных музеях. Так, в качестве примера одного из современных подходов актуализации литературного наследия можно назвать проекты Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Здесь получает распространение прием инсталляции, поскольку он апеллирует к образности и эффективен в случае отсутствия артефактов, работы с типовыми предметами или нематериальным наследием, т.к. обращается к коллективной памяти через индивидуальное визуальное осмысление тематики.

Репрезентативным примером приема тотальной инсталляции представляется выставка «Олег Григорьев. “Холодно быть человеком...”» (2019 г.)¹², посвященная творчеству одного из ярких представителей ленинградского андеграунда 1970-х гг. Отметим, что мемориальных предметов О.Е. Григорьева в силу разных обстоятельств не оказалось, однако родственники художника предоставили большое количество графики разного качества, и это требовало осмысления с точки зрения экспозиционного дизайна. Пространство выставки оказалось пронизанным аллюзиями на советский быт, на неофициальную культуру того времени в эстетике, которая резонирует современным представлениям. Так, например, пирамиды из граненых стаканов, расставленные вдоль стен стеклянные бутылки в несколько рядов представляются проводниками, раскрывающими сложные жизненные

¹¹ Максимова А.С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках. С. 128.

¹² Олег Григорьев. “Холодно быть человеком...” // Сайт Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме. См. по адресу: <https://akhmatova.spb.ru/events/exhibition/oleggriyev-xolodno-byt-chelovekom/> (ссылка последний раз проверялась 13.01.2021).

обстоятельства человека, оказавшегося в плену идеологической эпохи. Этот и другие приемы обнажали некое психологическое понимание личности, писавшей знаменитые детские стихи, находясь в угнетенном и подавленном состояниях. На наш взгляд, данную выставку-метафору можно рассматривать как прецедент невербального сторителлинга, когда средствами выразительности удалось рассказать персонифицированную историю жизни и творчества, которая затрагивает эмоционально-чувственное и выводит на магистральной общего исторического контекста. Таким образом, этот проект синтезировал в своем пространстве множество актуальных тенденций, которые могут быть релевантны в отношении раскрытия индивидуальности личности вне зависимости от сферы деятельности.

Подводя итог размышлений о выставках, посвященных локальным историям музеев и их сотрудникам, можно дать предположительный прогноз, что эта тенденция будет нарастать. В силу того, что она соответствует современному состоянию культуры, в которой, с одной стороны, генерируются ностальгические настроения, пробуждающие всеобъемлющий интерес к истории и историям, а с другой, происходит тотальное архивирование и разархивирование многочисленных потоков информации и данных, которые нуждаются в переосмыслении. Музей является активным агентом в этом процессе. По мысли Джорджо Агамбена «подлинно принадлежит своему времени, подлинно современен тот, <...> кто не идет в ногу с его требованиями, и кто, потому, не актуален; но именно <...> благодаря разрыву и анахронизму он более других способен воспринимать и улавливать свое время»¹³. Так, парадоксальным образом, чтобы быть современным нужно не быть современным полностью. В силу этого современный музей через внимание к репрезентации, казалось бы, неактуальных для широкой аудитории сюжетов своей собственной истории устанавливает дистанцию между собой и современностью, чтобы «сосредоточить на ней свой взгляд»¹⁴ и сохранить себя. При этом сами формы репрезентации этой «неактуальности» оказываются характерными для настоящего и заимствуют приемы современного искусства, описываемого в концептуальных границах архивного поворота.

Список литературы

- Агамбен Д. Что современно? Киев: ДУХ ІАІТЕРА, 2012. 78 с.
- Громов Д.В., Клим Н.М. «Как построить зоопарк»: прикладная антропология в качестве инструмента создания выставочного пространства // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. С. 244–256.
- Майстровская М.Т. Музейный образ — поиск и находки (экспозиционное искусство 90-х годов) // На пути к музею XXI века. М.: [Б. и.], 1997. С. 198–208.
- Максимова А.С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. XXII. № 2. С. 118–146.
- Simon C. Introduction: Following the Archival Turn // Visual Resources. 2002. Vol. XVIII. P. 101–107.

References

- Agamben, G. *Chto sovremenno?* [What is the Contemporary?]. Kiev: Dukh i Litera Press, 2012. 78 p. (In Rus.).

¹³ Агамбен Д. Что современно? Киев, 2012. С. 46.

¹⁴ Там же.

Gromov, D.V., Klim, N.M. «Kak postroit' zoopark»: prikladnaya antropologiya v kachestve instrumenta sozdanya vistavochnogo prostranstva [«How to build a Zoo»: Applied anthropology as a tool for creating an exhibition space], in *Fol'klor i antropologia goroda*. 2019. Vol. 2. P. 244–256. (In Rus.).

Maistrovskaya, M.T. Muzeinii obraz—poisk i nahodki (ekspozicionnoe iskusstvo 90-h godov) [Museum image: search and finds (exhibition art of the 1990th)], in *Na puti k muzeyu XXI veka*. Moscow: [without name of publisher], 1997. P. 198–208. (In Rus.).

Maksimova, A.S. Razvitie podhodov k izucheniyu muzeev v socialnih i gumanitarnih naukah [Development of approaches to the study of museums in the social and humanitarian sciences], in *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2019. Vol. XXII. Pt. 2. P. 118–146. (In Rus.).

Simon, C. Introduction: Following the Archival Turn, in *Visual Resources*. 2002. Vol. XVIII. P. 101–107.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ананьев В.Г.

[Рец. на кн.:] *Dolák J. Jak vystavovat archeologii: Metodika k tvorbě archeologických expozic.* Brno: Moravské zemské muzeum, 2018. 27 s. ISBN 978–80–7028–508–4

Ананьев, Виталий Геннадьевич—доктор культурологии, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, v.ananev@spbu.ru.

В рецензии анализируются методические рекомендации по созданию археологической экспозиции, разработанные известным чешским музеологом, доцентом Университета Коменского (Братислава, Словакия) Яном Долаком. Брошюра с рекомендациями была издана Моравским музеем в Брно в 2018 г. Работа состоит из пяти частей. В первой части определяются основные термины и научные понятия, используемые в дальнейшем, во второй—характеризуется выбор темы будущей экспозиции, в третьей—поэтапно разбирается процесс создания концепции экспозиции и анализируются базовые технические средства ее воплощения, четвертая—содержит перечень наиболее часто встречающихся ошибок, пятая—подводит итоги всему сказанному в работе.

Ключевые слова: археология, музей, чешская музеология, экспозиция.

[Review of:] *Dolák J. How to exhibit an archaeology: The methodics of archaeological exhibitions.* Brno: Moravské zemské muzeum, 2018. 27 s. ISBN 978–80–7028–508–4

Ananiev, Vitaly Gennadievitch—Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, v.ananev@spbu.ru.

The review analyzes the methodological recommendations on the creation of archaeological exhibitions developed by the prominent Czech museologist, Associate Professor at the Comenius University (Bratislava, Slovakia) Jan Dolak. The booklet was published by the Moravian Museum in Brno in 2018. The work consists of five chapters. In the first part, the basic terms and theoretical frameworks used in the booklet are determined, in the second, the choice of the topic of the future exposition is characterized, in the third, the process of creating the concept of the exhibition is gradually analyzed and the basic technical media of its implementation are analyzed, the fourth contains a list of the most common mistakes, the fifth chapter sums up everything said in the work.

Key words: archaeology, exhibition, the Czech museology, museum.

Вопросы, связанные с презентацией археологических материалов, разрабатываются в отечественной музееведческой мысли с начала XX в. Учеными анализировались теоретические, исторические и методические аспекты проблемы¹. Вместе с тем, она продолжает сохранять актуальность, что делает целесообразным обращение к зарубежному опыту в данной области. Традиционно проблематика «музей и археология» занимает видное место в разработках чешских музеологов. Из их числа одни, как, например, Иржи Неуступный, сами были практикующими археологами и хранителями преисторических

¹ См. библиографию к статье И.Л. Тихонова, опубликованной в этом же номере журнала.

памятников², другие же, как Збынек З. Странский, анализировали степень и конфигурации соположенности когнитивных интенций и познавательных сфер музеологии и археологии, выводя равнодействующую, которая позволила бы направить их развитие по наиболее плодотворному вектору³. В традициях этих исследований находится и ряд работ одного из наиболее авторитетных современных чешских музеологов, доктора философии Яна Долака, доцента Университета Коменского (Братислава, Словакия).

В 2013 г. в Университете Масарика (Брно, Чехия) им была защищена диссертация на тему «Презентация археологии», посвященная проблемам музейного показа как археологического материала *per se*, так и концептуальных результатов археологических исследований. В ней Я. Долак анализировал в контексте общетеоретических представлений о музейной коммуникации, экспозиционном дизайне и специфике музейной презентации приемы, методы и подходы демонстрации археологических объектов в исторической перспективе и на современном этапе развития музейного дела в Чехии и за рубежом (в том числе, и в России)⁴.

В 2018 г. Моравским музеем в Брно, одним из старейших и крупнейших методических центров музеологии в Чехии, с деятельностью которого были связаны такие видные музеологи, как Я. Гельферт, Я. Елинек и З. Странский, были изданы опирающиеся на теоретические разработки диссертации методические рекомендации Я. Долака «Как выставлять археологию: Методика создания археологических экспозиций». Эта небольшая книжка определенно может быть полезна всем, кто так или иначе связан с проблемами включения археологического материала в пространство музейной экспозиции или выставочного проекта.

Работа характеризуется четкой структурой и состоит из пяти частей, выстроенных в убедительной логической последовательности. В первой части определяются основные термины и научные понятия, используемые в дальнейшем, во второй — характеризуется выбор темы будущей экспозиции, в третьей — поэтапно разбирается процесс создания концепции экспозиции и анализируются базовые технические средства ее воплощения, четвертая — содержит перечень наиболее часто встречающихся ошибок, пятая — подводит итоги всему сказанному в работе.

Уже в самом начале работы автор констатирует, что смысл музея как такового не ограничивается формированием и изучением коллекций, но предполагает как важнейшую составляющую максимально полную, научно выверенную и при этом понятную презентацию коллекций со ссылкой на среду, из которой они были получены (S. 5). Проводя различия между выставкой и экспозицией, Я. Долак отмечает, что выставка, как правило, более динамична, чем экспозиция в двух отношениях: во-первых, создание выставки обычно требует меньших ресурсов в смысле затрат времени, денег, труда и т.д., поэтому выставка может более гибко реагировать на потребности публики; во-вторых, если экспозиция, по сути, «закреплена» в выбранном пространстве, выставка может быть мобильной и, таким образом, доступной посетителям в разных регионах (S. 6).

Специфика археологической экспозиции, по мысли автора работы, заключается в определенном социальном ее измерении, что обуславливает актуальность обращения

² Beneš J., Sklenář K., Šťovíček J., Vávra M. Bibliografie muzeologických prací Jiřího Neustupného. Praha, 1975.

³ Stránský Z. Archeologie a muzeologie. Brno, 2005. S. 167–204.

⁴ См.: https://is.muni.cz/th/alezo/Prezentace_archeologie.pdf (ссылка последний раз проверялась 07.04.2021).

к данной проблематике в экспозиционно-выставочной деятельности современного музея, несмотря на востребованный сейчас тренд, предполагающий отказ при построении экспозиции от строгого разделения на этнологию, естествознание, археологию и т.д. и направленный на представление определенного периода как взаимного сочетания геологических и климатических явлений, развития флоры и фауны, и в этом контексте человеческой жизни как неотъемлемой части этой целостной системы (S. 7).

В этой связи первым же вопросом, который должен быть разрешен при подготовке экспозиции, является вопрос о выборе масштаба повествования: будет ли это «большая история» как описание целого исторического раздела с древнейших времен до средневековья или же набор избранных, наиболее важных «микроснимков», отдельных предметов, представляющих тот или иной период или эпоху. Последний подход удачен тем, что не подавляет посетителя количеством данных, исторических дат, географических названий и т.д., однако, чреват трудностями, связанными с потерей непрерывности нарратива — показа развития между этими периодами. Уместным автору представляется компромисс, предполагающий показ всех исторических этапов, но с акцентом на наиболее яркие и значимые факты. Стремление любой ценой «сбалансировать» все периоды — важные разделы, по которым у нас достаточно информации (экспонатов), и те, где результаты исследований все еще слабы, — может стать серьезной проблемой для музея (S. 7).

Выбор темы выставки/экспозиции должен основываться на доскональном изучении фондов музея, отмечает Я. Долак. При этом он предупреждает об опасности при выполнении этого требования превратиться в «рабов нашего исходного материала (коллекций)» (S. 8). Экспозиция не является ни зеркалом количественного состава коллекции, ни учебником в строгом смысле слова. В этом отношении, использование копийного материала, отсылающего к каким-то знаковым объектам, в собрании музея отсутствующим, но символизирующим ту или иную узловую точку в развитии представляемого в экспозиции феномена, рассматривается автором как чреватое стереотипизацией.

Не менее важен и выбор пространства, в котором будет размещена выставка или экспозиция, причем средний возраст актуальности последней автором намечается как 10–20 лет. Зачастую экспозиционными площадками служат пространства, изначально предназначавшиеся для совершенно других целей: «В исторических зданиях создатель музейных экспозиций часто попадает в шизофреническую ситуацию. С одной стороны, он хочет построить современную, правдивую и в то же время привлекательную выставку, с другой стороны, кошунством считает подавление исторических элементов здания (поястры, росписи и т.д.)» (S. 9). Анализируя примеры из экспозиционной практики Музея естественной истории в Вене (Австрия), Я. Долак приходит к выводу, что в случае конфликта содержания выставки и ее пространства уместным будет применить «временное подавление нежелательных архитектурных элементов»: создание искусственных или заниженных потолков, маскировка некоторых элементов декора и т.п.

Собственно процесс подготовки выставки делится автором на четыре этапа: 1) определение темы, 2) либретто, 3) сценарий, 4) технический сценарий. Они представляют собой выражение характера и направленности выставки не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения формы, выставочного выражения (S. 10).

Первый шаг — определить и сформулировать тему выставки, т.е. программу и цель того сообщения, которое музей планирует передать аудитории. Здесь же выясняются основные пространственные и финансовые требования к проекту. В либретто проводится интерпретация темы, осуществляется базовый подбор экспонатов, пояснительных ресурсов

и техники. Сценарий—это «инструкция по эксплуатации», по установке. Здесь уже четко прописано, где именно и с какими конкретно экспонатами будет находиться та или иная витрина, каков будет ее этикетаж, где и как будут размещены тексты с экспликациями. Специально для крупных мероприятий необходим еще один шаг—технический сценарий как подробное описание всей совокупности элементов презентации, пространственного и художественного решения. Это непосредственная основа для реализации плана, в которой указано все, вплоть до подробной информации о том, какой требуется метод крепления негабаритных объектов, какая используется техника при расстановке, каковы тип и размер шрифта для экспликаций и т.д. (S. 11).

Важным шагом на пути выработки грамотной программы экспозиции является процесс рецензирования уже на уровне сценария, в ходе которого определяется: удалось ли автору реализовать задумку с точки зрения общего замысла, профессиональной точности, музеологии и художественной составляющей. Признавая ограниченность распространения такой практики в силу причин объективного и субъективного характера, Я. Долак предлагает следующий выход: сценарий должен быть прочитан по крайней мере одним потенциальным «среднестатистическим» (имеющим среднее образование) посетителем выставки. Это может, пусть и лишь частично, помочь выяснить, все ли сообщения, включая тексты, понятны, привлекательна ли такая выставка и т.д. Для более масштабных презентационных мероприятий (каковыми являются новые экспозиции) сценарий должен подвергаться двустороннему рецензированию: специалистом в области профильной дисциплины и музеологом, определяющими его соответствие на уровне научного содержания и музейной формы. При этом, автор работы подчеркивает, что в «дуэли» архитектор—автор содержания выставки именно архитектор должен максимально подчиняться сценарию, а не наоборот (S. 12–14).

Каждая выставка имеет свой язык, своеобразное выставочное выражение, она является по словам Я. Долака «особым пространственным артефактом» (S. 14). Однако, чтобы воспринимать ее месседж, посетитель должен обладать определенными способностями, в работе сравнивающимися с чтением романа на французском языке, для которого не достаточно одного лишь знания алфавита, но необходимо и знание французского языка. Таким образом, сообщение, которое специалист видит в предметах, не передается напрямую в том же самом качестве и количестве непрофессионалам.

Анализируя феномен выставочного языка, автор в работе опирается на следующую типологию: 1) Эстетический выставочный язык—ориентирован на форму предметов и способствует получению удовольствия от искусства; 2) Дидактический выставочный язык—подчеркивает важность предметов в передаче знаний. Выставка содержит большое количество карт, иллюстраций, частое использование копий и т.д.; 3) Театральный выставочный язык—создает сцены как бы из жизни, поддерживает эмоциональную вовлеченность посетителей. Широко используются диорамы, и даже сотрудники музея могут напрямую играть «театральные роли»; 4) Ассоциативный выставочный язык—комбинирует предметы для запуска определенных ассоциаций. Объекты имеют необычное значение или характеризуются оригинальными связями, вызывающими новые идеи. Ожидается, что посетитель будет активно участвовать в расшифровке выставки, выявляя скрытые коннотации (S. 15).

Эстетический (галерейный) подход имеет значительные ограничения применительно к археологическому материалу. Чаще всего в работе с ним используется дидактический подход, т.е. обращение к оригинальным предметам, дополненное моделями, картами,

дисплеями, техническим оборудованием и проч., при помощи чего экспозиционеры пытаются объяснить конкретную ситуацию. Театральный поход, хотя и является привлекательным для аудитории, в области археологии больше применим к временным выставкам, чем к постоянным экспозициям.

В целом, подводя итоги этой части, автор работы констатирует, что хороший «выставочный язык» — это оптимальное сочетание знаний профильной дисциплины и выставочной науки, помноженное на понимание потребностей и возможностей посетителя. «Словарный запас» этого языка будет состоять из пространства, предметов, текстов, графики, цвета, звука, света и т.д. (S. 16).

Невысокая привлекательность большей части представляемого в музеях археологического материала определяет необходимость обращения при его демонстрации к современным технологиям. С точки зрения использования техники, экспозиции могут быть разделены на полностью статичные (что еще ничего не говорит об их качестве) и динамичные. В рамках последних можно выделить три группы: 1) автоматические (например, использование киноленты, видеозаписи и т.п., так называемый бесконечный цикл); 2) управляемые — могут быть активированы один раз пользователем/ посетителем; 3) интерактивные — вовлекающие посетителя в своеобразный диалог. Третья группа распадается на симуляционные и обучающие экспозиции: первые предлагают практически бесконечный набор решений, вторые же имеют заранее определенную «широту» диалога. Разбирая этот, весьма актуальный для современных музеев вопрос, автор четко оговаривает: «Использование этих технологий на выставке должно быть лишь дополнением к объяснению того, что без подлинников объяснить невозможно» (S. 18).

Этикетаж экспозиции Я. Долак именует «необходимым злом» и предлагает разделять его на три части (выделяя это разделение графически или цветом): 1) основные этикетки, передающие простое сообщение одним или несколькими предложениями. Они дают самое основное объяснение; 2) краткий текст, объясняющий основной контекст, без которого смысл соответствующей витрины или иного комплекса не будет полностью понятен; 3) подробное объяснение представляемой проблемы с возможными дальнейшими ссылками (этот тип информации не обязательно должен быть представлен текстом в физическом пространстве выставки, но может быть зафиксирован при помощи современных технологий на экране киоска или по QR-коду) (S. 19).

Конкретные рекомендации, которые автор дает для разработки технической стороны текста, могут быть полезны многим музейным сотрудникам, так или иначе вовлеченным в процесс подготовки экспозиции, и, к сожалению, отнюдь не всегда соблюдаются в отечественной практике даже крупнейшими музеями: чтобы тексты были удобочитаемыми, следует использовать более простые шрифты (Arial, Verdana), текст не должен просвечивать, а если он разбит на абзацы, то их должно быть максимум два и они должны быть четко отделены друг от друга. Текст должен быть контрастным, в идеале — черным по белому фону. Белая печать на черном фоне подходит меньше. Следует избегать слишком тонкого шрифта или слишком большого количества жирного. Не следует использовать декоративные шрифты или имитацию почерка. Размер шрифта надо выбирать, исходя из текущих условий. Для хорошо освещенных экспонатов, к которым посетитель может подойти очень близко, это может быть размер 14 при межстрочном интервале 1.5. Для более удаленных экспонатов, например, выставленных за защитным шнуром, в условиях плохого освещения и т.д., следует выбрать более крупный шрифт. Частой ошибкой является размещение текста на глянцевом или прозрачном фоне или же фоне изображения и т.д. (S. 19–20).

Столь же подробно в работе рассматривается проблема освещения представленного материала, а также расширение спектра задействованных при контакте с экспозицией чувств. Подчеркивая, что 90 % информации посетитель получает посредством зрения, Я. Долак, тем не менее, аргументированно ратует за вовлечение осязания, например, посредством возможного тактильного контакта посетителя с массовым археологическим материалом, научное значение которого отнюдь не всегда высоко, и который может использоваться в образовательных целях. Далее в работе анализируются оптимальное время, которое посетитель может провести на экспозиции, выбор между свободным посещением и жестко прописанным маршрутом в составе экскурсии, а также дополнительные печатные и мультимедийные материалы, сопровождающие выставку (S. 20–21).

Опираясь на работы предшественников, Я. Долак приводит следующие шесть правил поведения посетителя на выставке/экспозиции: 1) в новой для себя среде люди сначала шагают влево и поэтому проходят слева направо по комнате, соответственно, так и осуществляя осмотр экспонатов; 2) если им нужно выбрать из двух дверей, расположенных рядом, они выбирают правую; 3) чем ближе люди к выходу, тем меньше они обращают внимания на экспонаты; 4) люди подсознательно хотят выбраться из ловушки, поэтому предпочитают, чтобы выход из помещения был виден; 5) маршрут, напрямую ведущий к выходу, чаще всего является наиболее предпочтительным; 6) в среднем максимальное время концентрации внимания взрослых составляет 30 минут (S. 23).

Подчеркивая не разработанность области музейной критики, заканчивает свои рекомендации автор перечислением наиболее типичных ошибок, совершаемых при работе над выставкой археологического материала: стремление сказать слишком много, подмена показа эпохи показом изучения этой эпохи, страх незначительности (множество параллелей с другими объектами и т.п.), неудачные тексты, автоматически переносимые из научного контекста, излишнее осовременивание, использование материала, понятного только специалистам, и т.д. (S. 24–25).

В целом, подводя итоги рассмотрению предложенных Я. Долаком методических рекомендаций по созданию археологических выставок и экспозиций, следует отметить, что они носят достаточно универсальный характер, удачно сочетают теоретический и практикоориентированный подходы к организации показа музейных коллекций и могут быть использованы при работе как крупных, так и малых музеев. Следование обозначенным автором принципам, конечно, не является залогом создания удачной экспозиции, но, определенно, позволит избежать целого ряда ошибок, все еще достаточно распространенных и в российских музеях.

Список литературы

Beneš J., Sklenář K., Štoviček J., Vávra M. Bibliografie muzeologických prací Jiřího Neustupného. Praha: [without name of publisher], 1975. 46 s.

Dolák J. Jak vystavovat archeologii: Metodika k tvorbě archeologických expozic. Brno: Moravské zemské muzeum, 2018. 27 s.

Stránský Z. Archeologie a muzeologie. Brno: Masarykova univerzita, 2005. 315 s.

References

Beneš, J., Sklenář, K., Štoviček, J., Vávra, M. *Bibliografie muzeologických prací Jiřího Neustupného* [The bibliography of museological works by J. Neustupný]. Praha: [without name of publisher], 1975. 46 p. (In Czech.).

Dolák, J. *Jak vystavovat archeologii: Metodika k tvorbě archeologických expozic* [How to exhibit an archeology: The methodics of archeological exhibitions]. Brno: Moravské zemské muzeum, 2018. 27 p. (In Czech.).

Stránský, Z. *Archeologie a muzeologie* [Archeology and museology]. Brno: Masarykova univerzita, 2005. 315 p. (In Czech.).